

Мария
Петрова

Чёрное солнце

Мария Петрова

Чёрное солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69131794

SelfPub; 2023

Аннотация

В романтизированном мире-утопии Кассандры Эванс происходит переворот, заставляющий поменять взгляд на мир и существование. Она встречает старых знакомых, бывших друзей, теряет близких, но все это несравнимо с предательством родной крови. Хладнокровие и неумение чувствовать растворяются в окружении человеческих жизней, что мешает сосредоточиться и твердо идти к своей цели.

Содержание

2	10
3	22
4	28
5	36
6	56
7	62
8	78
9	90
10	110
11	132
12	160
13	174
14	189
15	199
16	209
17	217
18	224

Мария Петрова

Чёрное солнце

1

Последним, что я чувствовала – была боль. Очень лицемерно так говорить, когда от тебя зависит самое малое. Почти ничего.

Я привычно махнула пышными шелковыми волосами в сторону часов, хотя примерно знала, сколько времени, по крайней мере, опоздать я везде успела. Я не курила, но выглядела так, будто искуривала в день по пачке. Странно, но люди, почему-то, думают, что очень многое можно понять по внешности человека, даже больше – абсолютно все. Будто бы человека можно видеть, как открытую книгу по одной лишь внешности. А в месте, где я жила, было действительно неплохо, и единственное, что меня поражало – были люди, думающие, что видят тебя насквозь. Думающие, что мир способен приклоняться к их ногам и они знают все загадки вселенной. Такие люди были смешны со стороны, но со временем я стала понимать, что и смешного мало.

Из таких был мой куратор Виктор Серов. Он настолько много думал и пил, что волос на его голове почти не осталось, но, если хорошо взглядеться – можно было заметить редкие волосинки светло-седого оттенка. У него было круглое, добродушное лицо, остающееся таким же добродуш-

ным, пока он не начнёт разговор. Обычно с ним никто не заговаривал, не задавал вопросы, ничего не спрашивал, да и разговаривать при нем никто желанием не горел, поэтому всегда на лекциях Серова стояла страшная тишина, которой ни в каком морге не сыщешь. Он сам задавал вопросы, сам на них отвечал, сам шутил, сам же смеялся. Он, как и многие другие, удивлялся моим глубоким знаниям в медицине, да и вообще тому, что я пошла в медицинский институт. Меня видели как замкнутого, вечно погружённого в свой внутренний мир писателя, или поэта, но чаще всего художника. Мы часто зарисовывали некоторые системы организма или сами органы, у меня это получалось неплохо и все думали, что я просто мамин горе-художник, пошедший на специальность не по своей воле. Тем не менее, Серов, не взирая на все мои успехи как в практике, так и в теоретической части, игнорировал мой потенциал, посмеивался надо мной. Другие же принимали меня за стилиягу, видя мою преданность стилю где-то между 18 и 19 веком. На деле я просто не представляла себя в чем-то другом. Современный стиль подрывал мое доверие к людям. Не скажу, что по нему можно судить людей и сразу причислять их к тупоголовым. Иногда их меняет общество, да не иногда, за все время, проведённое среди людей, я встретила единицы, которые вели себя среди людей так же, как и в одиночестве. Общество хоть и требует идеалов, но разных: у каждого человека свои требования, если таких людей несколько, скажем, тысяч, то идеал навязанный.

Усталость сказывается на разумных существах, постепенно они не замечают пыль вокруг себя и живут в тёмной комнате, полной пыли, их собственной, накопленной десятилетиями, все, что было в этой комнате, останется в ней навсегда, пока сам ее владелец не смешается с пылью воспоминаний и пустых надежд. «Пустых надежд» ... меня этому не учили.

День выдался жарким, хотя кончался сентябрь, тепла уже не ожидалось. Около фонтана скопилась куча народу, студенты о чём-то бурно спорили, из толпы долетали обрывки фраз, несвязанные друг с другом. Одной рукой я рисовала набросок единственной картины, которую я помню из родительского дома, мама всегда хотела, чтобы я написала ее копию до 20 лет, она свято верила, что после 20 детские способности стираются, им на смену приходят глупые человеческие занятия, пороки, грехи... эта картина мне не нравилась. Просто из вредности. На ней была изображена высокая женщина с ровным лицом, светлой кожей, темными волосами, длинными изогнутыми рогами и крыльями с широко распахнутыми круглыми глазами. «Монолиция» была написана моим прадедом, тогда психические заболевания ещё не имели такого широкого распространения, да их даже определять никто не стал бы, но они у него явно были. Голова женщины была неестественно повернута в бок, эта повернутость едва не убивала всю анатомию картины, на лице творился бесформенный кошмар: глаза, асимметричные, смотрели прямо в душу, написанные мазками, неаккуратными, будто бы на

скорую руку. Все глаза на этой картине были замаскированы под неумелое рисование.

Не знаю, считается ли это искусством, но у того времени были свои правила и свои стандарты. Монолицию можно было сравнить разве что с Монолизой, они были как сестры, только Монолиза благородней и чище. Второй рукой я переключала свой плейлист. Им когда-то поделился со мной один из моих близких друзей, но вскоре он умер, и музыка стала принадлежать только мне. Я боялась, что он умрет, и он умер. Когда это случилось, я особо не расстраивалась, и это было хуже всего. Это было ожидаемо, и предотвратимо, вот, в чем штука. Просто он, я, его окружение этого не захотели. И он исчез. Иногда мне интересно, как много пыли он от меня утаил, после открытия своего плейлиста, двери своей комнаты, его любимых мест в городе, таких вопросов не должно было возникнуть, но у таких людей всегда есть вещи, о которых они говорят в самую последнюю секунду. А может, об этом мне ещё предстоит узнать. Комнаты людей зачастую говорят о людях больше, чем они хотели бы, чтобы о них знали люди. Старая пыльная лавовая лампа, почти не отдающая свечения, он ее даже не включал, вырезанные с обложек пластинок надписи и лица, которыми была обклеена дверца шкафа, лежащие беспорядочно на прикроватной тумбе изогнутые пластинки лекарств, в большинстве своём, болеутоляющие и таблетки от горла, оно всегда было у него простужено, неаккуратная стопка книг прямо на полу меж-

ду забитым книжным шкафом и спинкой кровати, там лежали избранные, хотя те, что были снизу, не открывались по несколько лет. В недрах ящика комода с барахолки, запертого на ключ, кусок засохшей лавы, выкраденные у ушедшего из семьи отца письма от прадедушки в Подмосковье, написанные искусным почерком инженера, маленькая завернутая в крафтовую бумагу книжечка, рукопись, скорее всего, дневник маленькой девочки, плеер, чья музыка больше не зазвучит и не наполнит комнату слезной ностальгией, вырезки из газет, интересные факты, нло... он о многом мне не рассказывал, просто не мог, поэтому впустил к себе, и дал ключ, чтобы я увидела все сама. Он знал, что я пойму. Я долгими ночами вспоминала каждую деталь из многочисленных увиденных осколков ещё тёплой души. После его смерти я забрала себе небольшую часть из его вещей, его родственники, младшая сестра, не знала о большей части всего, что он хранил, ну я и забрала самое важное, скорее, для него, чем для меня. Эти вещи никогда не были моими, они навсегда останутся принадлежать ему, просто он не хотел бы, чтобы они попадали в чужие руки.

Не занятым наушником ухом я прислушивалась к нарастающим крикам толпы. В конце концов я положила набросок в портфель и двинулась к фонтану. Студенты утихли – в дверях университета появился Серов. Он щурился от пекущего не по-детски солнца, неся в руках чёрное широкое пальто, а другой платком вытирая пот со лба. Все выжидающе за-

мерли, и смотрели, как он идёт в сторону своей машины, не обращая внимания на собравшихся на площади ребят, ожидающих его одного. Серов уехал. Я спросила, что произошло, мне объяснили, что большинство людей из группы попали в список на вылет, которым, кстати, обычно занимался и Серов, конечно, несложно догадаться, что это его рук дело.

Ошибка природы, сбой системы. Как такой примитивно развитый, постоянно с отсутствующим видом, совершенно глупый человек мог попасть в лучший университет Москвы, и позволить так вести себя? Уму непостижимо!

Староста приподнял бровь, смотря долгим взглядом в экран телефона.

– Грачевой нет в списке, – сообщил он.

Эта фраза отдалась словно гром. Почти все взгляды, хоть и ненадолго, поднялись на меня, некоторые зависли на подольше. Мне стало не по себе.

– Взятки что ли им пихаешь? – раздалось откуда-то.

– Да нет, тут в другом дело, – староста убрал телефон в карман, и по выражению его лицом можно было понять, что он чем-то раздосадован, вряд ли отчислением. – Пойдёмте, пусть сама разбирается.

Как дети, честное слово. Чего с них взять.

2

Из соседней комнаты раздавалось спокойное пение, чередующееся кашлем и выравниванием голоса. Меня это совсем не напрягало, даже радовало. У нас не было телевизора, был проектор. Алиса, студентка консерватории, уже частично работала преподавателем, она была настоящей Алисой, я спросила, почему ее так зовут – и она показала мне советский мультик про Алису в стране чудес, тогда мне стало ясно. Мы вместе снимали квартиру недалеко от консерватории, хоть особо и не общались, мы хотя бы ладили, были крайне похожи в интересах и просто близкие по духу. Я обязана Алисе жизнью, потому что она познакомила меня с тем человеком, чья лампа единственное, что заставляет меня задумываться над смыслом человеческой жизни.

– Знаешь, что мне в тебе нравится? – смачивая большое горло холодным молоком, спросила девушка.

– Что? – я на секунду отвлеклась от рисунка.

– Я даже забыла, что хотела сказать, – она взяла из моих рук блокнот и внимательно всмотрелась, хмурым взглядом. – Точно не больная фантазия, – она вернула и села рядом. Очень удобно, когда диван стоит около холодильника, в двух шагах обеденный стол, а между ними помещается украденное из городской библиотеки кресло и хилый журнальный столик, на котором никогда не было порядка. – На самом

деле, это удобно, когда ты чувствуешь себя одним в квартире. Обидно, наверное, слышать о том, что ты не докучаешь сожителям?

– Ты пытаешься так проявить сочувствие?

– Я тебе соболезнования скорее бы проявила, зная, что ты сирота.

Они думали, что я из детского дома. Ну и хорошо, это мне на руку.

Алиса посмеялась над своей же шуткой.

– А вот что тебе во мне нравится?

– Эм, – я сделала паузу, – голос?

– Нет, не так, – она села вполоборота ко мне, устраиваясь нога на ногу, – вот мне в тебе нравится то, что ты редко расчесываешь гриву (гриву, не иначе, она не воспринимала мои волосы, как волосы), всегда оставляешь колбасу на столе и учишь китайский. Качества, понимаешь?

Я подумала.

– То, что ты поешь?

Она болезненно улыбнулась.

– Так тоже можно.

Для Алисы не было странным вести разговоры без продолжения, она была особой не постоянной, могла в любой момент закончить разговор, перед этим дослушав, но после перевода тему, все к этому привыкли.

У Алисы не было так много друзей, пара доверенных лиц, с которыми она встречалась пару раз в неделю, за все время

жизни с ней я поняла, что она спокойно сможет прожить месяц на необитаемом острове, выжить в апокалипсис и потом поднять мир с колен и устроить восстание. Удивительно, что она ещё этого не сделала. «Бережёт силы» – говорил наш общий друг.

Стрелка на часах доходила до 9 вечера. Вся комната освещалась тусклым светом кухонной лампы гарнитура, Алиса о чём-то молча думала, попивая крепкий растворимый кофе, уставившись в точку. В отличие от меня она была не так придирчива к тому, что пьёт, ей было вообще не важно, что пить, мне же был категорически важен вкус, атмосфера, в которой я пью, люди вокруг меня... в общем, в этом было наше главное расхождение.

– Ты часто вспоминаешь о том, чего больше нет в твоей жизни?

Наверное, она пила не чистый кофе. Редко Алису можно было увидеть искренней, обычно в вечернее время, когда она была уставшей от города, да и от мира в целом. В такое время она обычно была такой взрослой, если при свете дня можно было видеть веселящегося, танцующего, энтузиаста-подростка, открытого всему миру, по вечерам она становилась взрослой, унылой, и такой усталой, что тоска брала.

– Нет, стараюсь не думать.

– Ты ни разу не заговорила о нем со дня его смерти.

Без особой договоренности можно было понять, о ком мы говорим. Чаще всего мы не называли имён, имена не имели

значения, когда вас всего лишь трое, и вы практически не вылезаете из комнат друг друга. Я действительно не разговаривала с Алисой после его смерти, ни о нем, ни о самом исчезновении. Не то что бы я не хотела давить на ее больные места, но это было немаловажно, потому что до всего произошедшего я никогда не видела ее слабой и одинокой. Я видела и чувствовала, что от неё как будто бы отрезали кусок жизненно необходимого компонента в ее организме. Она знала его дольше, они дружили с детства, хотя я с ним была даже ближе.

– Я не считаю тебя лицемерной, ты не подумай, просто мне вдруг стало интересно, ты справляешься? Ты вообще справишься?

Я усмехнулась.

– А у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда, – фыркнула Алиса, и села рядом со мной, – странно, я не замечала у тебя таких синяков под глазами раньше. Ты болеешь?

– Вроде нет, – я потрогала места под глазами, будто бы могла нащупать темноту.

– Займись своим здоровьем, если надо – психическим, с этим нельзя затягивать, поверь мне.

Я потянула секунду.

– Ты знаешь его дольше, почти с самого детства, что он мог скрывать?

Алиса сжала губы, отводя взгляд в сторону.

– Я знала, что ты будешь спрашивать, это не плохо, просто я должна была знать, что тебе ответить, – Алиса покрутила в руках изогнутую и выпуклую в некоторых местах кружку, отпила, и продолжила, смотря в точку, – он очень не хотел, чтобы ты знала о его проблемах, он верил тебе, но все равно боялся что-то сделать не так. Я говорила ему, что эти слабости доведут его, что это неправильно, но это, наверное, был единственный его изъян. Он боялся тебя потерять. Это самый сильный человек, которого я встречала, просто его добила болезнь. Общество в этом не виновато, ни ты, ни они, ни даже я.

– Почему ты так про себя?

– Мы одинаковые – во всем винить себя, будто это самое страшное. Просто из принципа, знаешь, вот когда ты прекрасно понимаешь, что твоей вины в этом нет, но все равно обвиняешь себя. Это пройдет. Я думаю. Хотя навряд ли. У него так и не прошло.

Она держалась ещё спокойно, я боялась, что она может впасть в истерику, и там уже так просто проблему не решишь.

– А знаешь, ты единственная, кто не знает настоящую причину его смерти, – она посмотрела на меня так, будто бы это была моя вина. Если бы я хотела это знать, я бы давно все знала. У меня были догадки, просто не подтвержденные. – Я просто тебя жалею.

Она действительно пила.

– Зачем?

– Потому что у тебя слабые нервы, ты можешь сломаться.

– Как ты это поняла?

– Ты неактивная, в универ ходишь, как будто тебя заставили, от жизни вообще непонятно чего ждешь, – я не стала с ней перепираться, повадки людей под алкоголем мне были известны. – А правда, Ань, какая у тебя цель в жизни?

Я особо об этом не разглагольствовала, и не удивлялась, что после этого люди думали, что у меня нет цели в жизни.

К советскому зеркалу с желтой тонкой полоской по бокам была приклеена фотография, где на фоне большой, полной площади людей, стоит кучка широко улыбающихся людей в выцветшей одежде и солнечных очках. Фото было сделано на полароид. Полароид человека, которого нет на фотографии. О каждом человеке можно было сказать все, не ссылаясь даже на его внешний вид, у кого когда умрут родители, кто разобьется на самолете, кто доживет до старости, но умрет среди руин. Ни у кого из компании нет предначертанного счастливого будущего, каждый из них получит удвоенную долю человеческих страданий, ничего для этого не сделал.

– А у тебя какая цель?

– Ответ на вопрос.

– Что тебе это даст?

– Просто хочу тебя побесить.

О чем вообще можно говорить с подвыпившими людьми,

они не совсем пьяные, но уже с не очень светлой головой, не знаешь, как это воспринимать, их слова.

Я знала, как умрет Алиса, и мне было ее жалко, даже сейчас, когда она пыталась вести себя по-свински, я знала, что ей было так тяжело, как не смог бы представить никто другой, последний важный для нее человек, последний, кому она сама была важна, умер, ничего не сказав. Он просто безмолвно ушел, а его вещи в его квартире так и шептали, разноголосно, плакали, кричали, и это можно было заметить еще давно. Он в них задохнулся.

Много раз слышала от людей, что нужно уметь отпускать прошлое, но для этого нужно много раз наткнуться на его острые ядовитые колья, чтобы в конце концов найти наиболее легкий выход, если так можно сказать. У меня не было прошлого, о будущем без прошлого думать слишком оптимистично, а настоящее... я в него не верю.

Я встала и пошла в свою комнату. Только мысли и стратегия, до мелочей продуманный план, каждый шаг должен быть обдуман, никакой воли эмоциям, иначе все выйдет из-под контроля, но с этим у меня проблем не было.

Я вырвала Монолицию из блокнота и приколотла на пористую доску с долгами по учебе и в библиотеке. В полутьме она казалась особенно мертвой, не знаю, было ли то смертью, или наоборот, несением жизни, наверное, чем-то средним, как бы не страданиями.

Черные стрелки девушки, читавшей и заучивавшей кон-

спекты напротив меня в библиотеке, были длиннее ее желтых выкрашенных волос, сбритых до короткого ежика. У нее были выщипаны брови, жирно покрашены черной тушью короткие ресницы, и покрытая татуировками в виде китайского дракона шея. Музыка из ее наушников доходила даже до меня. Каждый раз, когда я поднимала на нее глаза, она отводила взгляд к тетради или в сторону. Потом она достала из сумки энергетик и отпила ярко-зеленой жидкости. Тяжело поморгала, явно мутнея взглядом, и тут, ровно в тот момент, когда часы на башне пробили три часа, из уголка ее рта сползла струйка крови, и девушка расслабилась. Я посмотрела вокруг. Дотянулась до шеи, пульса уже не было. Смерть меня преследовала.

У Алисы громко играет музыка, так громко, что ее можно было услышать, просто идя рядом. Я видела ее в метро по пути домой, но не подошла. В людных местах можно было немного отвлечься от того, что происходило у тебя дома, я и сама это знала, поэтому не подходила. Ее лицо выглядело таким серым, безжизненным и осунувшимся в тусклом свете Московского метро. Из-под грязно-сине-зелёной старой шапки, которая была настолько изжившей себя, что она носила ее как хиппи, светлые волосы беспорядочно падали на плечи и пальто, сбиваясь в грязные одинокие пряди. Она заметила меня около ларька, пока покупала сигареты.

– О, Падшая, – она встречала меня именно так и никак иначе, когда я становилась неожиданностью. Я сейчас толь-

ко заметила, как шапка красиво сочетается с ее цветом глаз, думаю, если не эта шапка, то никакая, она носила ее только потому что она была именно той самой шапкой, и никакой другой.

– Я думала, ты бросила.

– Не поверишь, я об этом даже не задумывалась, – она пафосно достала из пачки и протянула мне, я отказалась, – знаешь, я всегда видела тебя курящей, забываю иногда, что ты за здоровый образ жизни... – и закурила.

– Видела я сегодня такую нервную, – я рассказала ей про труп в библиотеке.

– Сплошная пропаганда, короче.

– Да, вот просто...

– Кусок запада? – она прищурилась на солнце, хотя, мне кажется, солнце тут было не при чем.

– Да.

В этом плане чаша ненависти Алисы не имела границ. Она могла говорить об этом часами, размышлять и думать, это стало настолько пропитано ненавистью и безысходностью, что в конце концов ее перестали слушать, а она говорить. Мне все ещё интересно, куда она выплескивает своё негодование, будет невесело, если она об этом пишет. И ещё существенный вопрос – куда.

– Не то что бы я была против этого всего, – недолго думая, сказала она, – я слишком молода и глупа, чтобы думать на этот счёт и делать собственные выводы, пусть об этом дума-

ют мужчины, люди, которые в этом разбираются.

– Почему ты так категорична?

– Ты не понимаешь, женщине не надо думать, ее работа заключается в лёгком слове и красоте, мир спасёт красота, Энн!

Алиса не любила работать, она еле как закончила консерваторию и жила на том, что продавала свои картины и работала на двух работах, грубо говоря. Для меня было большим открытием, что она против феминизма и всего этого. Возможно, у неё были планы на того знакомого.

– Я знаю, что ты скажешь, что женщины имеют права, хотят саморазвития, быть независимыми, учиться, но при этом не стоит забывать о том, что человеческому роду грозит вымирание. Знаешь, почему?

– Догадываюсь

– Я, все же, проясняю, – она подошла к первой попавшейся дорогой кофейне, и взгляделась через стекло, – вот видишь вон ту рыжую с ноутбуком? У неё нет детей, она завтракает голым кофе, вегетарианка, и посадила на это всех своих друзей, в том числе и парня, она от него не зависит, совсем, делает все так, как она хочет, как ей заблагорассудится. Она свободна, хочет пожить для себя, знала бы ты, какие страшные это слова. Сейчас она не родит, потому что у неё на уме одни деньги, потом в сорок лет ей захочется ребёнка, она вошьет кучу денег, чтобы вселить в себя клетку, которая в последствие родится вряд ли здоровой, зато работа коррекци-

онникам. Я не говорю, что задача женщины – мыть полы и рожать детей. Моя мать работала 8 часов в день, и я ни разу не появилась в школе в грязных или не поглаженных вещах.

– У тебя просто стальная мама, не всем так везёт.

– Может быть... – она отошла, снова делая затяжку. – Тошнит меня от женщин. Сплошные проблемы. Ещё и этот феминатив, черт его дери, – выплюнула она и зашагала быстрее.

Мне не очень хотелось развивать разговор, хоть я и была с ней согласна, но зная Алису, она за словом в карман не полезет.

По самой Алисе можно было много что сказать, но истинное – очень редко. Она дружила в основном с женщинами, девушками, такими же как она, и то чисто для того, чтобы не сойти с ума, была резкой на редкость, и вот, что удивительно, меня редко вдохновляли люди, тем более такие, как она, но Алиса умела делать это так, что это становилось искусством, в этом была главная ее заслуга. Она была человеком искусства, музыка была вторичной, она очень много читала, насколько я знаю, даже писала, но сейчас перестала, и ещё она очень красиво писала картины, это было ее главным занятием, она могла прорисовать весь свой выходной, забив на друзей, потребности, и время. Ее не волновал внешний мир, и как художник, она была достойна уважения, а как кого-то другого я ее не видела. Ее картины не были сумасшедшими, по крайней мере, она очень старалась этого избежать,

но в силу возраста, состояния и желаний времени, получилось что-то уникальное. У неё уже было несколько выставок, там мы и познакомились.

3

У Серова был сын. Приемный. Милый светловолосый мальчик с голубыми озёрами, чистыми настолько, что блики при задумчивом взгляде на солнце или туманную холодную погоду ослепляли. Он редко кашлял и что-то монотонно, почти не останавливаясь, печатал на ноутбуке, прижав колени к груди. Своим видом он пытался не быть человеком. Уставший от людских грехов и пороков, он пытался отдалиться от людей, сделать себя не таким, как были они, иначе как ещё можно было объяснить желание одеваться отстранённо, почти как взрослый, но как маленький ребёнок, игнорируя то, что он уже был девятиклассником. Когда я узнала, сколько ему лет, я удивилась, потому что выглядел он младше, это говорило о ненависти к подобным себе, подросткам, возможно, ненависть была обоснованной. Этот мальчик стремился показать всем, что он другой, в какой-то мере, это было ошибкой, ведь правильные люди всегда видят в тебе уникальные черты.

Он не страдал, не было причин, но он всячески пытался их найти. Сам порой удивленно осознаёшь, что вокруг тебя нет повода радоваться, что ты как тигр, загнанный в клетку, но, к тому же, привыкший. Невольно царапаешь стены, пытаешься плакать о помощи, потому что жалеешь себя, хотя от жизни ждешь почти что нечего. Марк Серов был далеко не

идеальным, но я не из тех, кто искал идеальных людей. Чем проще и лучше человек, чем сильнее он соблюдает правила общества, тем меньше можно от него добиться.

– Что ты печатаешь?

– Проект для школы.

Девятый класс, как мне рассказывали, был одним из самых требовательных годов, от которого многое зависело. Многое зависело от того, как ты умеешь обманывать и вертеться.

– На какую тему?

Он поднял глаза, холодным взглядом одаривая меня, но осекся, вероятно, ожидая увидеть во мне обыкновенную тугоголовую студентку, пришедшую за помощью с курсовой.

– Граффити.

Чтобы начать разговаривать со взрослым, детям нужно было немного о них знать и понимать, что им нужно что-то кроме стандартных ответов, чего они хотят, и нужно ли быть осторожным.

– Педиатрия?

– Патологоанатомия.

Он кивнул. Сжал пальцы на ногах. Я отвела взгляд к окну, потом взглянула на часы.

– Часто он так задерживается?

– Постоянно.

– Странно, на пары он не опаздывает.

– Приоритеты расставляет в свою пользу. И в пользу ста-

туса.

За дверью послышался хохот двух мужчин, один отдаляющийся, второй приближённый. Дверь открылась, и в кабинет шумно вошёл Серов. Такое чувство, что он писался человеческой энергией, я никогда не видела его уставшим, даже после полного рабочего дня, когда другие профессора выполняли, и скорее стремились домой, к семье, он, не торопясь, и насмешливо улыбаясь, шёл прямо в кофейню или бар, не знаю, зачем.

– Как дела, Марк? – спросил он, сходу, явно незаинтересованно, и не ожидая ответа.

– Нормально, – выплюнул мальчик, обычно он игнорировал вопросы такого плана, но из вежливости скорее ко мне, чем к отцу, выдавил из себя банальный ответ. Банальный чисто для взрослого, все, что говорит подросток и с какой интонацией имеет значение.

– Где?

– Что?

– Курсовая.

Конечно. К ним только за этим и ходят.

– Дома. Я по поводу доклада на международный...

– А, это, – он закурил, – ещё проверяют. Скажу тебе так, – он откинулся на спинке стула, сразу делаясь в своих глазах выше всех, кто в этой комнате, – с таким количеством ошибок не стоит надеяться на призовое место.

Где-то в глубине угла тихо фыркнул маленький нечелове-

ческий ребёнок.

– На конкурс меня отправил преподавательский состав, а не я пошла на это по собственной воле. Цели «выдвинуть новую научную гипотезу» у меня не было. Как раз наоборот, – я царапала ногтями лакированное покрытие жесткого стула, – у меня попросили черновик, обещав довести все до идеала.

– Это Вам Марина Анатольевна сказала, а не я. Я твой куратор, и слушать ты будешь меня. Понятно?

– Вы мне даже не сказали про проект!

Он затянулся и выдохнул ненормально концентрированный клубень дыма.

– Думать головой надо.

Не человек. Не достойный таким называться. Глупый, избалованный, самодовольный старый болтун.

Я взяла сумку и вышла. Не стала я оставлять приёмного сына сиротой во второй раз только потому, что сейчас у него были деньги, и потому что со своим заболеванием он не прожил бы в детском доме, хотя, думаю, он бы не отказался побыть немного один.

Я знала, что моя работа достойна призового места, даже черновики нужно уметь писать так, чтобы это было достойно прочтения.

Но на следующий день Серов все равно умер. В своём кабинете. С перерезанным горлом. С украденной частью документов, причём, все пропавшие бумажки говорили именно о том, что убийца прекрасно знал, где что лежит, что отве-

чает за статус и звания. Подозревалась вся наша группа, да почти весь университет, тех, кто не держал на Серова зуб, было очень мало.

– Ужас, а за что его убили? – первое, что спросила у меня Алиса.

– Ну, он был сам по себе нехороший человек.

– И все с этим согласны?

– Ага. Он многим перспективным студентам палки в колёса вставлял.

– Убийцу будет сложно найти.

– Очень, – я повернулась на стуле с корейской морковкой в пластиковом контейнере, – в момент обнаружения тела окно было открыто, все дверцы шкафов распахнуты настежь, бумаги перерыты, стол в беспорядке. Отпечатков, казалось, куча, но их не оказалось, нигде. Допустимо, что убийца был в перчатках, но тогда можно было бы поискать другие зацепки, тот же нож, или оборвавшиеся части одежды, потому что злоумышленник вылез в окно. В окно пятого этажа, – Алиса подавилась соком.

– Это человек хоть был?

– Не знаю, но, в общем, зацепок никаких не нашлось. Вообще никаких. Завтра пойдём в морг, говорят, случай интересный.

– В плане?

– Не уточняли, но будет смешно, если окажется, что он умер раньше, чем ему полоснули по шее.

– В смысле?

– Остановка сердца. Такой случай был на прошлой неделе в библиотеке. Молодая девушка умерла от перебора энергетиков, никотина, и ещё чего-то.

– Ну, понятно.

– Остановка сердца может быть от увиденного, или же от введённого в кровь препарата, это должны были обнаружить следователи, само собой, прокола не обнаружилось. Рукава и манжеты были нетронуты.

– Что такого можно было увидеть, чтобы остановилось сердце.

– Не знаю, знаешь, говорят, можно и словом убить. Человечек способен на многое.

– Да уж... а дети у него были?

– Был сын, но приёмный, сейчас решается, заберёт его бывшая жена Серова, или он поедет туда, откуда пришел.

– Жалко пацана.

– Не то слово...

Поводов волноваться становилось больше. Металлический вкус темного прошлого, детства, которое мне не хотелось вернуть, познания новых миров и адаптации под физическое тело, новые морали настигал меня все чаще. Он неприятно все ближе подкатывал к горлу, противным холодом прокатываясь по телу, и заставляя усомниться в себе и всем, что ты делаешь.

4

Странное чувство, когда сомневаешься в какой-то вещи, думаешь, взять ее, или оставить, и берёшь в итоге. Риск должен быть, и чем острее лезвия по бокам каната, тем незримей становится путь. В этом и опасность. Многие недооценивают не лезвия, а путь. Важно ли это? Вполне. Когда ты не знаешь, на что идёшь, будь готов к тому, что лезвия будут вдвое острее.

Я много раз рисковала, открывая новые книги. Читалась они довольно быстро, смысл схватывался легко, но каждый раз это меняло мое сознание, и после смерти Серова, беря книгу из рук светловолосого, покачивающегося на ветру, снова ставшего одиноким во всем мире мальчиком, я невольно понимала, что в то время, когда одни пытаются не быть людьми, я все делаю для того, чтобы стать им, человеком. Хочешь понять человека – стань им. Хочешь найти убийцу – сделайся убийцей. Хочешь найти идеал – будь им.

Я шла не по правилам, я ломала систему. Я упустила очень важного человека, я не знаю, что с ним, до конца не разобравшись в причине его исчезновения. Не так была важна смерть, как причина его ухода. Я не знаю, что с ним, потому что у людей не было ко мне доверия. Они будто бы чувствовали, зачем он мне нужен. А может... у меня изменились планы. И я не хочу быть кем-то, кроме человека. Человек в

первую очередь – значит испытывать чувства, а этого я уже была лишена. Сейчас я чувствую фальшивую злость и голод по существенным вещам. В моей жизни давно не было ничего вкусного и нового. Не знаю, нормально ли получать удовольствие от того, что ты становишься человеком. Уверена, это и звучит смешно.

– Сегодня вечером ко мне придут мои бывшие одноклассницы, мы просидим часов до двенадцати, если хочешь, можешь присоединиться, – заявила мне Алиса, пока я пила утренний кофе. – Вспомнишь школьные годы.

Я не ходила в школу.

Я знаю четыре языка, высшую математику, обучена игре на трёх разных инструментах, умею готовить лучшие блюда английской кухни 17-19 века. Но в школу я не ходила.

Дамы, девушки, заявлялись в период времени с 7:56, до 8:15, думаю, последних можно было считать опаздывавшими. Последние всегда опоздавшие. Среди них не было близких подруг Алисы, но общались они довольно душевно. Для меня не было в новинку, что женщины зачастую улыбаются для виду, но по этим было сложно сказать, улыбаются они всерьёз, или в качестве вызова. Большинство из них пришло с выпивкой и вредной едой, и лишь одна не притронулась к алкоголю. Вино у них было мерзкое, это я знала, поэтому тоже воздержалась. Над нами посмеялись, я бы тоже стала сомневаться, если бы внимание той девушки не привлекла коллекционная книга из вещей, перепавших мне в числе слу-

чайных. Я всегда знала, когда человек создаёт себя, и когда это идёт изнутри.

– Я слышала, декан в медицинском недавно умер, – холод ее рук передавался через голос. Зелёные, как настоящий изумруд глаза, сливались с массивным, ровным, как расчёты астрономов, камнем на кольце прямоугольной формы, – я была лично знакома с его сыном, – вздох. Она поставила с негромким стуком книгу на полку, как будто даже сожалея. – Ему не нужны были деньги, столько внимания. Он верил, что к правде можно прийти лишь самостоятельно построив путь, из гвоздей, досок, палок, и никто для этого не нужен. До правды он дойдёт, в любом случае, но вот какой она будет.

– Правильной, – я опёрлась плечом на дверной косяк, – какой бы не была правда, у детей она всегда истинная и искренняя.

– Да, забавно выходит. Девятый класс – такое интересное время, не потому что впереди самый важный экзамен в твоей жизни, совсем не поэтому; для одних ты ребёнок, для других надежда школы, не висящая на доске почёта, для третьих ты единица тупости, сливающаяся с такими же тридцатью детьми. Одноклассники не примут тебя по достоинству, потому что не способны на это. Они не видят тебя дома, и когда ты один, а если и видят, то они больше не твои одноклассники. Марку повезло, он один. Он совсем один. Он очень многое прошёл, чтобы не сойти с ума. Он сделает все сам, и это правда будет истиной.

– Кем Вы работаете?

– Я учитель литературы у девярых-одиннадцатых классов.

Если Вы не заметили, тут почти все или преподаватели, или юристы, – не вижу ничего общего, – кто-то считает, что быть учителем легко или бессмысленно. Но на самом деле учитель выигрывает войну. Моя задача рассказать и объяснить, почему именно Пушкин и почему именно Гоголь. Почему?

– Потому что они проверены временем.

– Это самый кошмарный ответ, – она скорчилась, будто съела самый кислый лимон, – сорока минут мало, чтобы дать развёрнутый ответ на это высказывание. Время до настоящего момента было очень неоднозначным. Да, это о много говорит, да, таких, как они, избирали лучшие, и, если бы авторы, дошедшие до нашего времени, были этого не достойны, никто бы про них не вспомнил. Но время само направляло человечество, поэтому говорят, что они были проверены не критиками, не артистами, а временем.

– Разве это не одно и то же? В каждом отрывке времени по «гению».

– Не совсем. Они такое не отсеивали, – она продолжила бы, но как будто вдруг вспомнила, что знает меня не больше часа, сразу же переменившись в лице. – Извините, наверное, я сказала лишнего.

– Зачем ещё устраивать такие вечера, если не для разговоров? – улыбнулась я. – Философия не знает границ, и, к тому же, здесь на неё нас никто не осудит.

– Да, Вы правы.

Из гостиной донёлся взрослый хохот.

– Так всегда нравилось быть индивидуальностью, – девушка с улыбкой подперла голову кулаком, опираясь о столешницу, – в пятнадцать лет мне говорили, что я не выгляжу на свой возраст, это так льстило мне. Мне всегда хотелось отличаться от сверстников, когда они пытались быть старше, я старалась оставаться ребёнком.

– Зато умным.

– Наварное.

– Обычно такие не бывают глупыми.

– Глупые, как правило, пытаются из себя что-то строить.

Может, если этого хочет общество. Сильным ты становишься тогда, когда общество играет по твоим правилам.

– И как? Играет?

– Слабенько. Нужен опыт. Ему нужно время.

– А если оно не хочет?

– У нас в лицее ты либо учишь литературу с Мальцевой, либо не учишься в лицее. Захочет.

Я посмеялась.

– Обычно я спрашиваю у таких людей, какие у них планы на жизнь. Тут, думаю, все вполне понятно.

Она отмахнулась, засмеявшись.

– Вы мне льстите, я не такая особенная.

И впрямь. Не особенная. Я сомневаюсь очень редко, но эта девушка заставила меня посомневаться в том, что она

человек.

В конце она сказала, что обстановка в комнате заставила ее вспомнить детство, и «унестись в край фантазий, размечтавшись и начав философствовать». Разве не таким должен быть учитель литературы? Думаю, нет.

– Ненавижу пьяных, – Алиса закурила, как только дверь за надоевшими гостями закрылась.

– Как вы пообщались?

– Пойдёт. А ты с Маринкой, видимо общалась?

– «Маринкой»?

Алиса покатила со смеху.

– Маринкой, – подтвердила она, – у неё в восьмом классе были самые длинные волосы, одно удовольствие было дергать!

– Странно, об этом она мне не говорила.

– Ещё бы! Школа была для неё – самое тяжёлое время. Она раскрылась, когда слиняла в Питер, отучилась там, и вернулась покорять Москву, ахах, – сама же посмеялась со своих слов она. – Прости, я пила. Было бы странно, если бы на встрече выпускниц было больше двух трезвых людей. Так странно, – она уставилась в точку, на мгновение отведя изящным жестом сигарету от губ, – я помню их такими маленькими, думающими, что в универе они встретят любовь всей своей жизни... я помню, как они мазали красной помадой губы перед дискотекой, пробовали курить, списывали, думали о лучшей жизни. А Марина всегда была такой, она не

изменилась. У неё была непростая жизнь, я не знаю, что ее ждёт. А эти... разочарованные в жизни взрослые, настоящие взрослые, не просто накрашенные девочки, а потрёпанные жизнью, людьми, неудачами, не ухоженные личности. Их и личностями-то не назовёшь. Почему все так плохо? Они же были отличницами, белыми, чистыми зубрилками. Почему сейчас они сидели передо мной и отборными матами ругали все, что коснулось их жизни? Дети, одиннадцатый класс, школа так снисходительна с ними. Они уже не дети, но так верят в чудо, так отчаянно пытаются жить, ловить моменты, как будто знают, что их ждёт, – тогда она подняла на меня абсолютно трезвый, обречённый взгляд, – почему жизнь так жестока, Аня?

– Мы сами себе ее выбираем.

– Ты думаешь, Он хотел себе смерти? – она заулыбалась, что кровь поledenела. – Нет. Хотели, может быть, все, но не он. Он точно не хотел умирать, – сначала я даже поверила, но потом поняла, что верить такой, как Алиса... весьма сомнительно. – Ты хотела. Просто признай это. Ты устала от него, но не знала, как сказать.

– Мое желание мало что изменило бы. Он сам на это пошёл.

– Нет! Этого не может быть!

Я ни разу не видела, как рыдает Алиса. Передо мной была не она, а ослабевшая частичка ее души, забившаяся в тёмный угол, и наконец, смогшая найти выход наружу. Будь сво-

бодна, тъма внутри людей. Вот, что такое забыть прошлое.

5

У меня был брат. Он ушёл из дома в девятнадцать лет, и больше мы никогда не встречались. Я была уже достаточно взрослой, чтобы понять, что он не вернётся, и что он сделал свой выбор, но произошедшее до сих пор не давало мне покоя. Он не любил учиться, не переносил учителей, и ненавидел экзамены. Родители всегда говорили, что из него не получится ничего хорошего, они в самом деле говорили слишком много, больше, чем можно было бы от них ожидать, а когда он ушёл, не удивлялись. Значит, все, что они говорили – было искренним. Он был их нелюбимым сыном. Однажды они сказали мне, когда я была примерно в возрасте его побега, что я иду по его стопам. Хотя я не думала о том, почему я учусь, есть ли у меня будущее, чего я хочу добиться во взрослой жизни. Сказать, что я плыла по течению – будет неуважением к себе, я была ходячей апатией, с каким-то будто бы нехорошим замыслом в глубине души. В самом начале у меня был самый лучший учитель французского, меня не интересовали никакие другие предметы так, как французский, да и преподаватель был очень близким мне по духу. Он вложил в раннюю меня то качество, которое присуще мне даже после стольких лет. Равнодушие. Я никогда не была такой, как вся моя семья.

Любимчиком родителей был Люк. У него было огромное

лицо с противными распухшими щеками и бледно-сине-зелёный оттенок кожи. Он был злой и грубый, даже по отношению к девочкам, но зато нравился учителям. Про него многого я сказать не могу, не так хорошо его помню, помню лишь, как тот, самый близкий мне Клод, любил хорошенько поколотить Люка, пока не видели родители и гувернеры. Хорошо помню детей, выделявшихся на его фоне пакостями и живностью. Кто-то неприятно подшучивал друг над другом, кто-то пытался поджечь дом, кто-то бил все вазы (рекордом была китайская ваза от дочери императора, разбитая из рогатки на расстояние пятнадцати метров Клодом). Особенно мне нравилась сестра Скарлет, она была старшей из детей, и уже занималась семейным делом, младшим не ставили ее в пример, но даже Клод пытался всячески ей подражать. Но получилось у него не так хорошо, Скарлет посвятила жизнь учебе, по образованию она была врачом, это помогло ей во многих делах, Клод же учиться не хотел. Он пытался копировать ее повадки: несмотря на то, что мы, большинство детей, были отвратительно научены этикету, Скарлет всегда вела себя, как подобало особе; она могла молчать весь разговор, потом ответить, и одной фразой закрыть тему, что мистер Стронг, друг нашей семьи, разводил руками и хвалил ее слащаво родителям, потом Скарлет уходила, и все гости, в чьём присутствии она удостоивалась выйти из комнаты, были несказанно рады увидеть гордость семьи Эванс. Скарлет не пила чай, это знали все. Она пила исключительно свежий, горький

как учёба, чёрный как волосы утопленницы кофе, сваренный именно в турке. Клод неоднократно пытался пить эту дрянь, но каждый раз плевался, и запивал чаем или вишней, он очень любил вишнёвые напитки, да и вишню в целом. Летом, в качестве наказания за плохую успеваемость, его отправляли на место служанок собирать под палящим солнцем спелую вишню, а он и рад был, и часто брал меня с собой. Хорошо помню раз, когда мне было всего шесть лет, я даже ещё не училась, не представляла, что это такое, но слышала от старших, что это нелегко.

– Клод, – щурясь от солнца, держа старательно плетёную корзинку, подняла глаза я, – ты любишь вишню, а раньше не любил.

– Я собирать ее люблю, а на вкус она такая себе, – ответил он, срывая ловкими пальцами ягоды с верхних веток, лучи, так и пробивающиеся сквозь листья, играли, дразня, у него на лице. Он был старше меня на пять лет, а казался таким взрослым. Сейчас, наверное, такой же.

Я задумалась.

– А зачем люди учатся?

Ему эта тема была очень неприятна, но мне он ответить мог.

– Чтобы быть умными.

– Как мама с папой?

– Угу, – потом он будет считать иначе. Он нагнулся и высыпал горсть в корзину.

– Это приятно?

– Быть умным? Наверное. Смотри, чего ты хочешь.

– А ты знаешь, чего ты хочешь?

Он упер руки в колени, смотря позади меня.

– Кэс, ты знаешь, почему мы здесь? Почему здесь мама, папа, Скарлет, они же взрослые?

– Нет, не знаю.

Для меня тогда было большой загадкой его выражение лица – я думала слишком просто и узко, чтобы понять его нежелание оставаться в каменном поместье, быть к нему привязанным. Зачем чувствовать сладость, иллюзию сладости человеческой жизни, если все равно возвращаешься сюда, и все, что ты испытываешь – зависит от того, насколько жирной была добыча? Зачем дразнить себя впустую, думать, что ты свободен, если все до поры до времени. Ты исчезнешь, а все твои друзья, хорошие знакомые останутся, а тебя как небывало! Потом, когда ты вернёшься, их уже не будет.

– Потому что... они не знают, что такое свобода.

Про свободу мне читали в сказках. Про дальние берега, бушующие реки, несчастных людей, решающихся на риск, и всегда в итоге делающих хуже. Люди – это риск.

– А я знаю. Я хочу быть свободным. Я не хочу жить здесь, выполнять чьи-то приказы, делать все, как говорит отец, учить эти нудные уроки.

– А разве так не будет хуже?.. – я сама не верила в свои слова. Клод надел на меня свою шляпу и взял меня за плечи.

– Будет, конечно же, будет, – он не знал, что мне ответить, он был слишком мал, чтобы отвечать дельно, хотя был совсем неглупым ребёнком.

В будущем я провела с ним достаточно времени, чтобы понять все, о чем он говорил. В четырнадцать лет мы снова собирали вишню.

– Ну слушай, это совсем уже несерьезно, – в голос хохотала я, сидя на ветке старого дерева, пока он собирал и ел через одну, – ты же не маленький, чтобы вишню собирать!

– Да какая разница, – выплёвывая в сторону кость, буркнул он, – им бы только дураком меня выставить.

Понимать, что Клод невероятно красивый и крутой, я начала лет в десять. Он был одним из тех, с кем было не противно и даже интересно разговаривать, пусть даже и на ерундовые темы. Он читал много книг, много знал, знал потайные ходы в поместье, рассказывал о людях, давал мне всякие интересные книжки. Родителям не нравилось то, что я общалась в основном с ним, но тогда все их внимание было занято младшим, новоиспечённым братцем, и я плавно отодвинулась на дальний план к остальным.

– Ты знатный нудила, но им разве заняться нечем, кроме как тебя позорить?

– Не знаю, мне в последнее время сложно думать.

Он глянул на меня.

– Что, даже и гнобить не будешь?

Я поменяла ноги.

– Надо мне это, – я пыталась произносить всякие ядовитые фразы как можно самодовольней, чтобы все видели, что мне все равно на них, и я до ужаса загадочна. В какой-то мере мне не хватало внимания родителей, это было вполне объяснимо, лишь спустя время я поняла, что пыталась его привлечь, безуспешно, разумеется.

Он улыбнулся.

– Скоро осень.

– Не любишь осень? – казалось бы, зачем задавать такие вопросы тому, с кем ты с самого утра до позднего вечера, и вы все время разговариваете, но Клод любил отвечать поразному.

Сейчас он как-то странно пожал плечами.

– Ещё больше времени в поместье, среди четырёх стен. Дни короче...

– Зато можно встречать рассвет! – перебила я его. Он промолчал. Рассвет мы встречали за завтраком, за неприятной жидкой кашей с орехами и сухофруктами, ядовитым молчанием, и взахлёб рассказывающим что-то маме Люком. – Что ты сейчас читаешь?

– Книжку, которую привез недавно.

– О, это та, «Гарри Поттер»? – я была от него в восторге.

– Угу, мне не очень.

– Как! – для меня это было большим потрясением, Гарри Поттер был для меня чуть ли не примером для подражания, интереснейшим человеком! Книгой, с прекраснейшим

сюжетом, интересными персонажами, я жаждала продолжения, но Клод... его мнение всегда заставляло задуматься. – Ты что...

Он поморщился и помотал головой.

– Тебе не нравится Гарри?

– А тебе, смотрю, нравится, – я улыбнулась. – Ну ничего, это нормально. Это пройдёт.

Он мне определённо не нравился в тот день.

– Ты какой-то... мрачный. Очень уж с тобой нудно разговаривать.

Такие заявления я пыталась подать беззаботно, в качестве легкого замечания, даже не шутки. Не часто мне приходилось их делать.

Я не знала, что Клод готовится к побегу. В тот же год он исчез. Ушёл на семейное задание, и не вернулся. Обратной связи не было, письма ему не писали. Для меня рухнул целый мир. Я не знала, куда себя деть, пыталась отвлечься, перестать ненавидеть. В этот год я стала окончательно холодной. Моими главными качествами стали недоверие и злоба, их мне не хотелось оспаривать и сейчас, когда я была в состоянии оценить здраво свои юношеские бури эмоций. Он сделал меня взрослой, в шестнадцать лет меня уже не считали ребёнком, и относились как ко взрослой, что завидно было даже Люку.

Мне не нравились люди, большинство из них были пустыми, с горькой, полной ненависти душой. От таких несло тух-

лятиной задолго до их появления. В моей природе было убивать лишь самых уникальных, душа которых расскажет больше чем любой знатный писатель, а разнообразие вкусов удивит настолько, заставит блаженствовать и наслаждаться, чтобы хотелось ещё, все больше и больше. Обычные души были горькими и противными, но рядом с хорошим человеком, чей внутренний мир был глубок и ярок, было действительно легко. Одного такого я упустила. Он умер не от рук Охотника на душ, значит, зря.

В понедельник пришел новый преподаватель, автоматически ставший нашим новым куратором, уже утверждённым. Когда он вошёл в аудиторию, все замолчали, в воздухе повисла успокаивающая приятная аура, с легким намеком на тревожность, что было вполне нормально для людей.

Когда эти мысли проносились у меня в голове сами собой, я не предполагала, с чем столкнулась.

Некоторые люди делают и значат своим существованием больше, чем многие вампиры. От Данила Сергеевича несло непоколебимой уверенностью себе, огромной силой, и амбициями. Это сладковато-кислое, не вызывающее по крайней мере у меня особых ощущений, которые могли бы заставить меня забрать его душу, с приятной горечью, явно выливающейся из редкой резкости и знания себе цены, сливалось во что-то общее, не совсем расплывчатое, но сложно воспринимающееся сочетание. Сначала мне казалось, что понять этого человека легко, потом, пытаясь разобраться во вкусах,

я поняла, что теряю нить. И тогда я испугалась. Слишком разные оттенки, сложно сочетаемые, ни о чем хорошем это, опять же, не говорило. Но Гаврилов был стоящим человеком, когда к нему начали подбираться ближе, а я стала анализировать, я поняла, что он здесь зачем-то. Назвать это хорошим знаком было нельзя. У меня сразу возникла мысль, что он может быть причастен к убийству Серова. Как-то по неосторожности он упомянул, что был знаком с ним, они не были так хорошо знакомы, но несколько раз работали над какими-то научными проектами. И болтливым его назвать было нельзя. Он говорил только то, что хотел, и то, в чем был уверен, если это касалось разговоров не по теме. В преподавании он был на высшем уровне.

– Кстати, по поводу отчислений, – перед звонком сказал он, складывая тёмный кожаный портфель, как бы не из крокодильей кожи, – у вас ещё есть шанс все исправить, я готов рассмотреть ваши кандидатуры и, может быть, пойти навстречу многим. Меня удивила лишь одна фамилия. Анна Грачёва сегодня здесь?

По моей спине прошёл холодок.

– Здесь.

– Зайдёте в мой кабинет.

Кто-то цокнул языком за моей спиной.

– Вы флегматик? – он уже занял место Серова, даже не побоявшись, не подумав, я была уверена, ведь здесь убили Серова. Прямо в этом кресле, за этим столом, в кабинете, где

его нашёл его же приёмный сын.

– Я ем их на завтрак, – холодно ответила я, глядя, как он наливает из хрустального сервиза чёрный идеальный чай. Гаврилов коротко улыбнулся, нехотя. Знал, что я этого ждала.

– Вы подаёте неплохие результаты по учебе, я видел все Ваши проекты, курсовую, – сел напротив, – мало сказать «неплохие», удивительные...

Запахло жареным.

– Вы на что намекаете? – я решила не пытаться выкрутиться, но было довольно страшно, я могла ошибиться.

Никто не знал, кто я, что я, зачем здесь. Знать он этого не мог.

Гаврилов. С гладким до поразительного лицом, темными, переливающимися под прямыми солнечными лучами волосами, чёрными, как смоль, бледной кожей. Он был таким же, удивительным студентом, отученным такими же, как Серов. Я ждала его слов, каждый раз, с такой жадой, будто бы пожирая их, пыталась заглотить полностью, чтобы, наконец, понять, кто он такой, что он может и что из себя представляет. На самом деле он просто играл. А мне наконец-то было страшно. От этого становилось ещё хуже.

Он смотрел спокойно и уверенно, сцепив руки в замок, и оперевшись в подлокотники.

– Что будет с сыном Серова?

– Он будет учиться один.

– Мать не заберёт его?

Тишина.

Я отпила из чашки.

– Нет, – ответил он мне, как будто я спросила несусветную глупость, как будто это само собой разумеющиеся! – У него ее нет.

– Вы так решили?

– Он так решил.

– Он что-то решал?

– О! Многое! – я не поверила.

– Что-нибудь становится известно по поводу убийства Серова?

– Это строго конфиденциально.

Сухарь. До отвратительного. Хоть он и был сравнительно молодым, вёл себя как старик.

– Я читал проект для конкурса. Ты занимаешься научной деятельностью?

– Ммм... Вы бы знали.

– А откуда сведения?

– Вас сведения удивили?

– Нет. Я вижу, что это черновик, и то, что над ним следует поработать, но это уже станет не конкурсным проектом.

– А научной статьей?

– Да.

– Звучит заманчиво.

– Вот так просто?

Я закинула ногу на ногу.

– Мои родители врачи в пятом поколении, а сама я хотела быть модератором.

– Идти по желанию родителей – очень плохой вариант, тем более в медицину.

– Судя по всему, я ещё не допускала ошибок.

Ошибалась я только тогда, когда это было нужно.

– Так-то оно так, но надо оно Вам?

– Надо. Я слишком умна, а модератором с такими данными работать грех.

– Согласен.

– Что Вы хотите видеть в этом тексте?

– Ему нужна разбавка, очень похоже на будущую речь, не говорю заранее, но не исключаю, – он вдруг отвлёкся от бу-маги, и посмотрел на меня. – А Вам очень неприятна травля однокурсников?

– Плевать я на них хотела. Вам интересно знать, к чему приведёт мое с Вами общение? – я улыбнулась так демонически, как только умели Эвансы, никогда демонами не являясь. – Ни к чему, что сподвигло бы меня на суицид, уход из института, отказ от проекта и убийство.

Он поднял взгляд.

– При чем здесь убийство?

– А чего ещё может бояться декан?

– Я бы сказал, – многозначительно заметил он, – но предпочту воздержаться, дабы не навести тень сомнения.

Не думаю, что он боялся моей неадекватной реакции, не знаю, чего не мог бояться, вроде и обычный ученый, а вроде бы такой непредсказуемый. Я чувствовала над ним своё превосходство, хоть и не была уверена. Чисто для порядка.

Он не стал продолжать этот разговор и назначил встречу после пар, чтобы обсудить все и разложить по полочкам.

Общение с обладателями вкусных душ воодушевляет. Когда я задумываюсь об этом, я, почему-то, чувствую себя очень жалкой. Мне становится противно от самой себя. Красивые души делают вампиров бесшабашными, такими увлечёнными одной лишь душой, что порой не обращают внимание на важные детали. По сути у вампиров всего одна цель, а учитывая то, что они обладают большей силой, нежели люди, все поправимо, и даже с огромной лёгкостью. Чтобы оставить после себя следы нужно быть большим ленивцем и полным олухом, и следы могут быть очень значительными. Хотя чаще всего для этого нужно приложить немало усилий, для неприятного исхода.

Одной из важнейших проблем вампиров является дерзость. Это закладывается в них с детства, с самых первых встреч родителей и выходов к высокопоставленным личностям. Дерзость порождает неконтролируемую агрессию, в результате чего убивать приходится тех, кто в планы не входил. Это грубейшая ошибка. Клод однажды убил случайно одного бандита, пришлось три дня ночевать в подzemелье, чтобы не попасться родителям под горячую руку, а подземе-

лье место не из приятных.

Почему вампиры убивают таких случайных людей? Не только из-за случайности. Из отвращения. Да, души большинства отвратительны, но менее приятно находиться в одной комнате с противным человеком, от которого скулы сводит. Кстати, аура зачастую грязнее даже душ, поэтому легче убить.

Небо хмурилось, едва не рыдая. Тяжелые октябрьские тучи нависли нервно над городом, уверена, они могли бы закрыть Москву полностью. В последних числах октября обещали снегопад, я с нетерпением ждала этого события, потому что снег мне удавалось видеть нечасто.

К шести часам уже темнело. Я понимала это, но задержалась в магазине, спуская недавно заработанные копейки на баловство в виде новых платьев, с фальшивым намеком на 19 век, лоферов низкого качества (но лоферов же!) и каких-то мелких украшений из дерева. Старания людей воссоздать атмосферу романтических времен в сердцах людей забавляла и восхищала. У них получалось, но получалось думать, что они близки к тем годам. Они не пытались ими быть, они пародировали, и не сковали этого.

Ключ в скважине повернулся особенно угрюмо. Не понравилось мне это. Из гостиной был слышен смех Алисы. Могла бы и предупредить, что у нас будут гости. На диване сидела уныло разглядывающая поломанные розоватые ногти Марина, та самая, посвятившая меня в неведомую страну учите-

лей литературы, едва сдерживающая себя не окунуться в телефон, чисто ради приличия. Алиса была полностью повёрнута к собеседнику, парню не особо приятной наружности. По татуировкам можно было многое определить, даже не зная их значения, и от этого слащавого хохота, кисло-горького злого вздоха Марины и демона на предплечье меня чуть не стошнило. Я шумно сбросила ставший мешковатым во время учебы рюкзак за бешеные деньги, сняла, громко расстегивая замок, куртку, и стуча каблуками неудобных домашних тапочек, прошла в зал, направляясь в комнату. Мои ожидания, что со мной кто-нибудь поздоровается не оправдались.

Через 10 минут ко мне в комнату постучали.

«Заходите» – ответила я. В дверях появилась Марина. Я стояла перед зеркалом в простом платье из одной только грубой коричневой ткани, плохо сшитой в некоторых местах, но зато каким оно было!

– Вам очень идёт, – заметила Марина.

– Спасибо, это единственное приближённое к 19 веку, что я нашла среди лжи и выдумок.

Она засмеялась.

– Как будто Вы там жили.

Жила.

– Достаточно чувствовать. Вы любите музеи?

– Больше собственного имени.

Я усмехнулась.

– Не стала бы я разбрасываться такими громкими выра-

жениями, – я, наконец, посмотрела на неё, – как Вы тут оказались?

– Совершенно случайно, – нравилась мне эта господская манера нашего общения, – буквально мимо проходила, как угораздило заглянуть к Алисе. Она почти что выловила меня на улице, – ответила она, будто сожалея. Было из-за чего.

– Не знала, что у Алисы есть молодой человек.

Марина фыркнула.

– Вы слишком к ним добры, – я засмеялась. – Чего смешного?

– Вы! Вы так забавны и снисходительны к людям!

Она оторопела.

– Вы не поняли меня.

– Ах, Марина! Вы так помешаны на прошедшем, что не можете привыкнуть к новым законам! Жизнь меняется, как не печально, а мы остаёмся.

Человек, смогший окунуться в мир, рассказываемый авторами...

...и захлебнулся.

– Вы меня пугаете, – отмахнулась она. – Алиса сказала, что у Вас новый преподаватель.

– Ага, – я цепляла серьги из эпоксидной смолы и сухих листьев. – Интереснейший человек.

– В университете у нас был молодой препод, все так старались ему угодить, что ночами не спали, как учились.

Я усмехнулась.

– Не та группа, чтобы из кожи вон лезть ради препода. Не тот препода, наверное. Хотя, он учёный, вроде как, – и пожала плечами.

Она хмыкнула, опираясь о столешницу и смотря куда-то вниз. Она выглядела куда более тревожной, чем при первой нашей встрече, это не могло не напрячь.

– Вы чем-то обеспокоены?

– Волхвами, – ответила она не своим голосом, и больше ничего не сказала.

Я сидела около единственной лампы, освещающей комнату тёплым рассеянным светом, в буром платье, с кулоном и серьгами в ушах, смотря на сосредоточенное и от усталости туманное лицо Марины. Ей совсем не подходило это имя.

– Наверное, я Вас порядочно отвлекла? – вдруг опомнилась она.

– Нет,нисколько, – будто бы наспех ответила я.

Она задумалась снова.

Я взяла из стопки на столе книгу, что первое попало, и стала читать про строение человеческого мозга. Читать чисто для вида было тяжело, но я старалась не глазеть и не отвлекать ее, было видно, что она очень глубоко погружена в свои мысли, потом стала коротко и отрывисто дергать указательном пальцем, как-то нервозно, даже не замечая.

В какой-то момент, когда я уже перестала о ней думать, она резко подняла голову, взглядывая на часы напротив кровати, и, так естественно, что поразительно, удивленно вски-

нула брови и сообщила без особых восклицаний: «надо же, так поздно. Подумать только, вечера летят так стремительно».

«Вас ждут дома?» – зачем-то спросила я.

– Ждут, – кивая, – я живу не одна, об этом не беспокойтесь, меня есть кому контролировать.

Это звучало сначала даже как-то обнадеживающе, она не улыбнулась, но в голосе чувствовалось тепло, а потом резкий прокол – шумные мысли сливались в одну, в несколько, в десятки! Порождали яркие картины!.. мое сердце забилось чаще. Почему она это сказала? Что она хотела этим сказать? Что она мне такое рассказала, разъяснив все одной фразой? Была бы я человеком, могла бы понять.

– Знаете, это так хорошо, когда можно обдумать все в простой тишине, на фоне молчания, – не дав руке коснуться ручки, вдруг заявила она.

На вкус прозвучало как благодарность. Она вышла, подхватывая сумку с кухонного стула, немного щурясь от света кухни. Алиса доедала суши, уткнувшись в телефон.

– Энн, проводишь Марину?

Никто ей не ответил.

– И все-таки, – придерживая дверь, остановилась я, – составьте мне компанию на музейной выставке, – ее прекрасное лицо озарилось улыбкой. Да. Она получила признание. Она получила то, чего хотела. Но очень скромно, боясь. Боясь быть отверженной и съеденной.

– Да, обязательно. Я посмотрю время на выходных. Я обязательно найду час! Или два!

Я с улыбкой закрыла дверь. И... снова эта темнота.

– У тебя появился парень? – я долго подбирала выражение, думала, каким тембром голоса это сказать.

– Просто чувак из универа.

Такой мерзкой она ещё никогда не была.

Монолиция смотрела сквозь темноту прямо в душу. В свете полночной Луны и проезжающих автомобилей она смотрела не зловеще, даже тепло, с единственным напоминанием о доме, Клоде. Я соскучилась по тёплым вечерам у камина, когда братья выстругивали деревянные игрушки, соревнуясь в ловкости, а сестры и мама читали вслух братьев Грим или искусно вышивали красивые узоры. Когда я научилась читать и держать иголку всем было не до этого. Наступило новое время. Оно было тёмным, как ночь, и чем дальше тянуло нас время, тем страшнее и чернее было беззвездное небо. Потом наступил рассвет, из однотонных румяных вишен. Дни сменяли ночь, вечера ждали утра, и каждый день в поместье оставлял все меньше надежды на счастье. Я не знаю, мне не было известно, что прервало мое прекрасное детство, полное тёплых вечеров, доброй матери и абсолютного спокойствия. В один момент все переменялось, мне понадобились годы, чтобы заставить время подчиниться мне, и, наконец, выпутаться из оков отчаяния, чтобы познать одиночество и предательство. Вечера меня не радовали, а лишь

ранили. Каждое утро холодными лучами солнца не ласково напоминало, что новый день настал. Он настал. И ничего в этом праздного нет. Я не смогла найти себя, но я стала холодной и резкой. Может, это наоборот, говорит о том, что во мне была душа?.. что я умела любить?

6

Мгновения тянулись, секунды лениво складывали время для осознания, разум сонно перебирал мысли. У Марины была спящая душа, она лишь иногда во сне дергала за ниточки, смеялась, подобно плеску ручья, и размышляла с тяжестью, подобно рокоту старинных вулканов, чьё напряжение ощущалось даже за поверхностью полотна картины. Ее душа пылала ярким пламенем благородия, полного спокойствия и умиротворения, это не было ловушкой для вампира, это было ловушкой для людей, для самих владельцев, иной не смог бы почувствовать красоты этой дивы, при всем своём желании! Человек, полный идеалов, идеал сам по себе, вертится вокруг грязных и безрассудных горьких душ, оскверняя своё представление об идеале.

Обмануть Марину было невозможно. Даже если весь мир будет кричать о том, что искусство того или иного художника заслуживает всеобщего признания и любви, она во что бы то ни стало пойдёт против всего мира, если работа не достойна называться искусством.

Была выставка какого-то немолодого художника, видно, что мастера кисти, человека, точно чувствующего краски и цвета, человека с большой душой... много чего о нем говорили, но картинами вампиров, и тем более учителей не обманешь. Никогда не видя художника вживую можно было без

особого труда оценить его моральные качества по картинам, сказать о нем даже больше, чем любой психолог. Первое, к чему меня потянуло, было «Утопленница», возле неё толпилось больше всего народу. И правда. Картина была мрачной, холодной и отстраненной. Рамки очень точно обозначали границы, будто запрещаая: туда нельзя! Картина была безмолвной и сухой, в ней не было прямой связи с миром, нельзя было предугадать, что случится в следующую секунду, что таится чуть подалеже картинной золотистой рамы, какого движение мрачайших камышей, как холоден ветер, когда кончится дождь? Когда у картины нет продолжения, и между ней и внешним миром стоит стеклянная стена, с художником и говорить не о чем.

Марина фыркнула, отходя к другой картине. Следующим был портрет. Представляю, как много сил и времени было потрачено, чтобы воссоздать этот вид, и правда, девушка ожила, и растущие из язвы на лице розы тоже были живы. Даже мелкие, едва заметные капельки росы танцевали бликами и кружили голову, заставляя вспомнить утреннюю морозную свежесть, сойти с ума от неё! Я смотрела и чувствовала. Я представляла, как пахнут розы, какая нежная кожа была у модели, испорченная художником сыпью и язвами. Черт, розы и сыпь... Оживленность картины – точно не его заслуга, чья угодно, даже освещения, масляных красок, красоты девушки, чье лицо смотрелось даже под призмой язвы великолепным, словно утренний рассвет! Но только не его.

Было очень противно признавать, что все это нарисовал он. Картины выглядели неплохо, ведь даже уже когда художник может растушевать краски и правильно поставить тень – это считается произведением искусства! Безвкусица.

Но тут мы увидели это... все, что было до него оказалось сказкой. В углу висел сюрреализм. Сюрреализм дозволено рисовать только сумасшедшим, больным людям, если художник здоров, то это не сюрреализм, это мазня. И мазня случилась! Рвотные оттенки, переплетающиеся в безумном танце Хэйкити из Акутагавы, темно-синие рвущие без молнии небо фигуры, чем-то напоминающие шаманов, кудрявый, унылый и уставший в бесконечной суете розовый тигр, много отдельных, незамысловатых фигур, никак не вписывающихся ни в сюжет картины, ни в цветовую гамму. Это было чудовищно. Картина непонятно шумела, я отчетливо видела и слышала помехи, будто бы ее рисовали наспех, совсем не заинтересованно.

Воняло дешевым куревом, сладкими до противного духами, сушеной грушей, да и вообще было душно. Мы вышли на улицу.

– Ну что за бездарь этот Игнатъев, – стараясь говорить попроще, фыркнула Марина. Я пыталась прийти в себя. Сразу после нас вышел Гаврилов, он общался с художниками, явно не высказываясь хорошо об Игнатъеве, я не стала подходить. Он коротко кивнул мне и двинулся к машине.

– Это мой новый куратор, – пояснила я.

Марина кивнула.

– Приятный человек. Что тебя в нем напрягает?

– Особо ничего, – я тяжело пожала плечами, – просто новый человек, к тому же и очень серьёзный.

– Мне кажется, между вами есть что-то общее.

– Я тоже так считаю.

Поскорее бы узнать, что.

Через некоторое время, остыв, Марина стала разговорчивей, стала ненавязчиво расспрашивать о прошлом, в общем, проявлять человеческие качества, хотя это сильно меня не отпугивало, я знала, что она не хотела переборщить с идеализмом (и правильно делала), поэтому прикидывалась.

– У тебя есть семья?

– Семья... – будто бы вслушиваясь в звучание этого слова, повторила я. На языке остался горьковатый след. Не родители – Клод. – Я им не нужна, – словно пропустив все объяснения, сразу подытожила я.

– Почему ты так говоришь? – вытирая руки после сырного круассана, спросила она.

– Брат со мной не общается, он перестал проявлять ко мне интерес, когда мне было 15 лет, родители за границей, они ненавидят во мне все.

Может, это было и нет так, я не понимала. Мне было сложно их понять.

– И у тебя совсем никого нет?

– Был друг, сейчас одна Алиса.

– Я слышала про этого друга не мало, и о его смерти тоже.

– Ты знаешь, как он умер?

– Да, но какая разница, как человек умирает. В мире, где есть понятие смерти все, что есть до неё не имеет такой большой ценности.

– Время разграничивает это понятие. За одну жизнь можно создать не одну семью и потерять все сотню раз.

– Безусловно. Так ли ценно время?

– Все будет так, как загадано судьбой, ее никто и ничто не обманет.

Она улыбнулась уголком губ. Это больше было похоже на усмешку.

– Как так вышло, что мы нашли друг друга?

– Чистая случайность, иначе это не назовёшь, – я вздохнула, – слишком много сложных теорий и сложных мыслей для одного дня. Мне со многим сегодня придётся смириться.

Марина усмехнулась.

– Если мы больше не встретимся, то я никогда не с кем так хорошо не молчала.

Молчала. Поразительная она. Не зря иногда недофилософы говорят, что с хорошим человеком и молчать приятно.

– Так многое осознаёшь рядом с тобой.

– Взаимно.

Вкусная душа, но ленивая, не притронулась бы я к такой, хоть и сладкая...

Дома меня ждал неприятнейший сюрприз, с которым мне

ещё придётся смириться, и на это потребуется не один день.

Вечер пятницы. Сижу и ем яйца в пустой квартире. За окном страшная метель, и действительно, близился конец ноября, начиналось снежное время. За все время что я жила с Алисой я разучилась быть одна. Теперь нет и ее. Я могла предугадать, когда она совершит суицид, но, почему-то, не сделала этого и потеряла ещё одну душу. Марина заходила ко мне несколько раз, убедиться, что я не сошла с ума. Она лишь сказала, что оба моих знакомых кончили одинаково, не знаю, стратегия это или нет, но оба они придурки. Суицид очень неудобная ситуация для всех, вплоть до пожирателей душ всех видов. Очень обидно осознавать, что такая красивая, вкусная и концентрированная тем или иным чувством душа улетела в никуда. Если бы у вампиров был кодекс, их бы за это строго судили.

Я не могла думать, находясь уже месяц в одиночестве, благо, учёба хуже не стала, Гаврилов помогал мне только с проектом, но зато с ним было приятно работать.

– Не квартира, а музей, – фыркнула как-то Марина, я сидела к ней спиной и печатала на сто раз переписанный проект. Я уже пожалела, что занялась им когда-то.

– Зато все мое.

– Но ты половиной не пользуешься.

– Я провожу там свободное время.

Марина беззвучно вздохнула. Зашла в комнату Алисы и пробыла там полчаса, пока не пожарились сырники. Не то что бы смерть друзей ударила по мне так, что я общалась с ними через их комнаты и отрицала их смерть, но я начинала чувствовать, что становлюсь человеком, хотя как можно стать человеком, ничего не ощущая.

Родители давали мне лишь лучшее, заманивали во взрослый мир любовью, обманывали хорошей жизнью, чтобы я все своё существование гнала за бесценными моментами счастья, чувствами, любовью, за которую были отданы драгоценные человеческие жизни, и никакое фальшивое тепло, жажда чувств, поддельной жизни не стоили дыхания людей. Я понимала, насколько ничтожна. Я ничтожней людей. Люди презирают друг друга, ненавидят, не зная, что существуют такие, как я, которые хуже в тысячу раз. Человек уникален по-своему, со всеми пороками, если бы не те, кто не достоин жизни, не жили, мы бы не знали, что такое любовь, добро, свет среди тьмы. Ведь среди солнечных дней не увидишь того самого, что будет светить ярче остальных. Так же и среди хороших людей не увидишь того самого, чьё внимание тебе будет слаще рая. Я знала, что умру, если не найду новую жертву, но поиски пока решила приостановить. Интересно, как там мама? Она уже отправила Джонни к людям, решив, что я такая же, как Клод?

– Когда у тебя сессия заканчивается?

– Я уже сдала.

Марина понимающе кивнула.

– В феврале опять туда же. Последняя.

– О, это же прекрасно. А дальше куда?

– Работать, если преподавать не предложат.

– А если предложат, согласишься?

– Нет, мне с трупами работать легче.

Марина невесело посмеялась. Ну да, повода смеяться не было.

На улице было слякотно. Пока ещё были тёплые дни, снег таял, все текло. Домой я приходила с мокрыми ногами и была на грани болезни. Сегодня была суббота, и так как я немного не укладывалась в сроки, приходилось работать с проектом по выходным. Гаврилов категорически отказывался ездить в университет в выходные, и поэтому мне самой приходилось ездить к нему в загородный дом, пока он думал, что для меня это не составляет труда. Дом был большой, не с одним этажом, одной из прозрачных стен и камином.

– Вы этот дом купили или построили? – задала я несколько бестактный вопрос.

– Строил друг, но он уехал и продал его мне.

– И все Вас в нем устраивает?

– Он очень просил.

Я усмехнулась.

– Видимо, сильно за границу надо было.

– Ну, он бежал от правительства, вместе с детьми, а с его женой мы до сих пор общаемся.

– Хороший друг у вас был.

– Я предпочёл бы никогда не знать его.

– Сколько спален в этом доме?

– Три. Не считая чердака. Он построен под наблюдения над звёздным небом, и очень хорошо оснащён.

– Он был астрономом?

– Любителем, не больше. По профессии он бизнесмен.

– Нет такой профессии, – я села за деревянный стол, открывая ноутбук.

– А его старшая дочь была блогером, как ты думаешь, после этого, для таких людей есть профессия бизнесмен?

– Ну, а Вы кто по профессии?

– Преподаватель.

Я удивилась.

– И все? Преподавательством на жизнь зарабатываете?

– Ты думаешь, я так красиво живу? Мужчине много не надо. Не вертись сильно и никуда не лезь, а там и деньги не понадобятся.

Я повернулась на стуле.

– Все равно не верю. Жизнь в Москве не из лёгких.

– Ну, вот смотри. Если несколько способов внешнего заработка: я снимаю квартиры приезжим и студентам, работаю репетитором и преподавателем, потом правильно распределяю свои расходы, при этом, имея квартиру в Москве.

Я отвернулась от него.

– Страшный Вы человек.

Он посмеялся, будто бы человеком и не был.

– Вы помните Советский Союз?

– Совсем немного. В девяностые пришлось уехать из большого города.

А я помнила. Все я помнила.

– Ну а ты как жить дальше собираешься?

Он знал, что я теперь снимаю квартиру одна, но поводом относиться ко мне лучше для него это поводом не стало.

– А че, я пойду работать, куплю себе двушку рядом с моргом и буду жить нормально. А может и уеду...

– Куда? В провинцию?

– Если Питер для Вас провинция, – он усмехнулся.

– В Питере не лучше.

– А почему Вы спрашиваете? Неужели квартира в центре у препода медуниверсита будет дешевле?

– Вряд ли, но она двухкомнатная и с ремонтом 20-го года.

Я не ответила. Плана у меня не было, как жить дальше, я ещё не думала. Цели у меня не было, хоть патологоанатом из меня вышел бы неплохой.

Я боялась, что Гаврилов начнёт говорить про семью и мыть мозги мне, что женщине нужен мужчина, но, видимо, решил не вмешиваться, а может, просто знал, что я все это понимаю. Он стоял у меня да спиной минут 20, смотря, как я печатаю, читаю, и исправляю. Я не знаю, что ещё тут можно исправить, – я вскинула руки, потягиваясь, и хрустя позвоночником. Он сел напротив и повернул к себе ноут.

Я встала и, лениво разминая затёкшие ноги, подошла к холодильнику, когда ты здесь почти каждые выходные, уже не важно, кто вы друг другу. В сковородке оказались голубцы.

– Можешь взять два.

– Их тут всего два.

Я внимательно посмотрела в залитые ароматным жирным соком аккуратные свёрточки в тонких, почти прозрачных листьях капусты, сейчас такие не делали.

– Значит бери все.

Я не поверила.

В последнее время я заказывала еду или готовила лёгкие блюда из полуфабрикатов, не заморачиваясь на долгую и серьёзную готовку, а голубцы были для меня невиданным счастьем, просто победой.

Гаврилов поднял на меня серые глаза, смотря едва не раздраженно.

– Ешь.

Два раза повторять было не надо. Не знаю, кем он меня считать после этого будет, пусть хоть своей дочерью, меня это не особо волновало.

– Здесь есть библиотека? – спросила я, набивая рот пряным мясом.

– Да, только с едой туда не ходи.

В углу, около столика, на который идеально приходился по размерам граммофон, стояла виолончель.

– А где у Вас телевизор?

– У меня его нет.

Если у меня тоже нет телевизора, могу ли я сравнивать себя по умственным способностям с Гавриловым? Нет, наверное, его ум слишком низок для меня. Хотя, я начинаю сомневаться в этом.

– А откуда у Вас граммофон?

– У человека, который предпочёл жить в глухом лесу без телевизора, не имея семьи и родных можно и не такое найти.

– И действительно...

Я доела и подошла к граммофону. В него была вставлена одна пластинка, больше я не нашла. В кресле лежал недавно забытый сборник стихов Артура Рембо. Никогда бы не подумала, что у такого организованного и собранного человека можно найти лежащую книгу в кресле.

– Вы играете?

Он повернулся. Я стояла около виолончели. Он посмотрел сначала на меня, потом на неё, потом снова на меня.

– Вы так хорошо подходите друг другу. Никто ещё так не вписывался в этот угол.

И отвернулся. И больше я от него слова не услышала. Вот таким был Гаврилов.

Библиотеке была отделена большая из комнат в доме, она была заставлена шкафами, а в глубине около широкого окна стояло кресло-качалка с аккуратно свернутым пледом. Под окном была батарея.

Я взяла с ближайшей полки Онегина, около него стоял Набоков. Интересно, как ему удаётся совмещать в себе столько черт характера, ведь чтобы охватывать такой спектр нужно быть поехавшим, но на поехавшего он не был похож, вот это меня и пугало.

Я решила спуститься.

– Аня, я дочитал, – встретили меня. – Теперь все идеально, я ничего не исправляю, должен сказать, ты поработала на славу. Я ещё не встречал таких хороших работ.

– Ну, Вы же мне помогали.

– Я лишь давал наставления. Твои родители, должно быть, великие люди, – с улыбкой произнёс он. Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться.

– Великие валят за границу, оставляя здесь детей? – молчание. Он смотрел на меня, я села в кресло, располагая локти на подлокотниках и сцепляя руки в замок.

– Знаешь, когда я вспоминаю о том, что могли делать люди 20-го века, при том, даже певцы, и что делают люди сейчас, не то что тоска берет...

– Певцы! Певцы были что надо, – я поняла, о чем он говорит. – Сейчас певцы птицам на еду не пойдут, – со злостью произнесла я.

– Это не певцы, это недоразумения.

– Певцы, звезды, толстосумы, а врачи и учителя живут в квартирах с тонкими стенами, слушая этих уродов. Видя их отпрыски в чертах своих подопечных, своих детях. Чем вот

они виноваты? Они просто хотели сделать жизнь лучше, облегчить существование жалким... ну, это неправильно, короче.

Казалось бы, совсем недавно я утверждала, что без тьмы не было бы света. Противоречивость – черта всех Эванс.

– Ну понятно.

Он не стал со мной устраивать дискуссию, хоть и слушал внимательно. Я не в первый раз делала такие умозаключения при нем.

Пока я философствовала, уже стемнело.

– Как, говоришь, ты до дома добираться?

– Всеми возможными способами.

– А если серьезно?

– Полкилометра пешком, а там есть автобусная остановка.

Последний автобус ушёл в пять. Хотите меня выгнать?

– Будешь так себя вести – выгоню.

– А как я себя веду?

– Нагло.

Я знала, но все равно обиделась.

– А комната у Вас свободная есть?

– Даже если бы и не было, я бы тебя к своей и близко не подпустил.

Я прыснула.

– Начинаю сомневаться, что Вы такой уж неконфликтный человек.

– И с кем же у меня конфликт?

– Ну или со мной, или с девушками.

– Скорее со студентками. Меньше всего мне хотелось бы иметь отношения со своей студенткой.

Он просто не знал, что по нему сохла вся женская половина моей группы. А может и знал, поэтому не хотел.

– И у вас совсем нет женщины?

– Ты так сказала, что она может быть частично.

Я опять засмеялась.

– Ну, с ней можно состоять в дружеских отношениях.

– В дружеских отношениях? С женщиной?

– Конечно! В чем проблема?

– В том, что большинство из моего окружения или студентки или замужние. Понятно теперь, почему у меня нет женщины?

– Неужели совсем нет достойных вас одиноких женщин?

– Пара-тройка выпускниц, правда, они сами так решили, – теперь уже он смеялся вместе со мной.

– А у меня был брат, – после долгого молчания, прерывающегося моими смешками, внезапно заявила я.

– Был?

– Мы сейчас не общаемся.

– Вина?

Я недоверчиво на него посмотрела.

– Да пей ты, где ты ещё 49-го года раритет попробуешь. Да ещё и с таким правильным человеком.

– Правильным для питья?

– Да. Почему с братом не общаетесь?

– Он в другом городе.

– Я понять не могу, чем ты такую нелюбовь родных заслужила?

– Не знаю. На мой взгляд, это самое неправильное высказывание, которое можно было придумать. Вернее, слабое. Я все-таки ассоциирую себя с силой, несмотря на то, что я женщина.

– Вполне оправдано.

– Я против феминизма.

– Про брата.

– Ну так вот. Он очень любил вишню.

Гаврилов задумался.

– Ты же в курсе, что вино делают из винограда?

– Да, но я не про это. Он показал мне книги, которые я читаю до сих пор.

– Какие?

– Ну, мне очень нравилась Астрид Линдгрэн... – когда она вышла из типографии, Клод сразу же притащил ее книгу домой, – Гарри Поттер, одна из моих любимых, Конан Дойл...

– А из российских?

– Носов и Пришвин.

– Очень разные авторы.

– Да, но я была в восторге от обоев. Ещё в детстве мне читали Михалкова, – я отпила и прочитала «Котят».

– Впервые вижу, чтобы на людей так действовало вино.

– Я ещё помню часть из «Дяди Степы»...

– Верю.

– Я могу рассказать.

– Ну расскажи.

Я обрадовалась. Меня не слушали с таким вдохновением с тех пор, как умер друг, наверное, этим он был похож с Гавриловым.

Он дослушал меня, и ответил несколькими стихами Барто, причём, так, будто ты читал это детям.

– Это мне читала бабушка.

– Те, кто читает детям, заслуживают отдельного уважения.

– Ордена.

Ночью мне снились глубокие, пропитанные запахам из детства сны, настолько яркие, что если коснуться рукой стены, можно было почувствовать отпечаток старых обоев в родительской комнате. Это был вещий сон. Он был из тех, что снятся в детстве, настолько запоминающийся, явный, что не поймёшь, во сне ты или сошёл с ума. Детские сны делают из нас тех, с кем нам приходится идти по жизни до самой старости. Много меняется, но сны остаются, и тут уж как повезёт – сон или был, или его не было. Когда тебе снятся особые вещи, ты, скорее всего, избран судьбой, ты не такой, как все, ведь сны не берутся из неоткуда. Мне снился родительский дом. Все как в тот самый день. Было пасмурно, дождь изредка брызгал в окно. Я ходила по коридорам, у меня было любимое платье, открывающее голяшки, и снизу обшитое

кружевом, наверное, потому оно мне и нравилось, что было без наворотов. С лестницы спускается мама, во сне она всегда была самой красивой женщиной для меня, с идеальными чертами лица, чёрными как воронье крыло шелковистыми волосами и белыми как снег руками. Она была настоящим вампиром, из древнего рода Фаустовых, зародившихся в средневековье. Ее грация и величие в каждом шаге говорили и о том, что по манерам она могла обойти саму королеву. На обоях незамысловатый узор, стараясь видеть во всем очертания животных, лица людей, природу, каждый узор напоминал лишь один момент: женщина поит козлёнка. Ее фигура склонна к полноте, а у козлёнка слишком тонкие ноги, он очень мал, и ещё окрепнет. Я коснулась узора, и по моей руке прошёлся импульс, ударяя в глубину сердца, попадая в кровь. В глазах все начало сливаться, но меня холодно схватили за руку, и я пришла в себя. Отключаться было никак нельзя. Дальше идут небольшие одинокие комнаты, расставленные разной мебелью, где-то стояла книжная полка, и только она, а может и несколько, на полу лежала шкура медведя, в другой было очень светло, что можно было посомневаться, что ты находишься в комнате, а не среди природы, ещё в одной кресла были отвернуты от камина и смотрели в сторону двери. Я прошла в комнату. На картине, прикреплённой к кирпичам, жнец отдыхал на стоге сена, жуя колос.

– Здравствуйте! – поздоровалась я.

– Здравствуйте, дитя, – ответил белоусый жнец.

Я обрадовалась.

– Что Вы делаете?

– Отдыхаю.

– А от чего вы устали?

– Я пасу овец.

Я удивилась.

– А разве не пастух должен пасти овец?

– Мы с ним поменялись – теперь он жнет хлеб, а я пасу овец, – довольно заявил он.

– А где же ваши овцы?

Жнец посмотрел по сторонам.

– Сбежали, наверное.

– А как же тогда хлеб?

– Пастух его соберёт.

Я возмутилась.

– Но вы же потеряли овец! Как он соберёт хлеб?

– Дитя, не все в этой жизни должно идти равномерно, возможно, однажды тебе повезёт.

И продолжил жевать колос.

В следующей комнате оказался Клод.

– Кэсс, – он присел передо мной на корточки, – смотри, какую книжку я тебе привёз.

Я прочитала – «Жнец». Насторожилась.

– А про что она?

– Про добро и зло.

– О каком добре и зле может рассказать жнец? – прищу-

рила один глаз я, как делал лорд Вуд.

– Ты сама знаешь ответ на этот вопрос, – строго ответил Клод, и встал, кладя книгу под мышку.

По моей спине прошёлся холодок. Откуда он знал?

– Иди, в следующей комнате тебя ждёт сюрприз.

Что-то не очень хотелось не знать, что там за сюрприз.

Коридор стал темнее, откуда-то взялся холод. У последней комнаты справа была золотая ручка. Я видела ее до этого, помню ее манящий лоск, но мне был страшно. Сон был будто бы чужим, ныне привычный для меня холод казался мрачным, полным ужаса и страха, а темные углы коридора полные чудовищ, но я знала, если я не открою дверь, сон не кончится.

Сейчас уже и не вспомнить, как многое я думала о взрослых вещах в своём маленьком наивном теле, теле маленькой девочки, никогда бы не подумавшей, что прекрасного места в мире нет. Какой бы свет не упал ей в руки, с чьей бы душой она не пыталась заговорить, все будет тщетно, и настоящей жизни она не узнает. Страхи переполняли, делая мое маленькое существо все боязливее, оно сопротивлялось, не верило, не хотело, но страхи рождались раньше, и верх над ними брать я не научилась.

Наконец, прибежав с дикими криками и зажмуренными глазами за угол, я обрадовалась. Вот она – та самая из чёрного дерева ровная, как раз по моему росту дверь, за которой стоит то самое, не материальное, что заставляет меня жить

и думать, что я особенная, зародившее в моей душе тогда тысячи разных идей и мыслей. Я дотягиваюсь до ручки, как вдруг... собачий рёв. Я, охладевши, поворачиваюсь, и вижу перед глазами сверкающие белые клыки, окутанные тьмой. Страх перешёл границу и... съел меня.

8

Я проснулась, вжатая в подушку, часто и тяжело дыша. Первое время мне было сложно понять, где я и что произошло, но потом все стало становиться на свои места. Я впервые за все время осмелилась повернуться на спину, на часах было всего-то 5 утра, спать мне не хотелось.

В семь по дому стали раздаваться первые шаги и утренний звук кофемашины, я радовалась им как никогда.

Лестница из красного дерева с ровными, плавающими огнём на солнечном свете перилами, вела к кухне. Там уже витали запахи кофе, чего-то сладкого, и лимона.

– Поедешь в город? – спросил у меня Гаврилов, не успела я поздороваться.

– А у меня есть выбор?

– Есть.

– Не могу же я здесь оставаться.

– А дома тебе что делать?

– А здесь?

Он не стал продолжать.

– Вам нравятся подопытные кролики? – спросила я, пока за окном мелькали заснеженные ели богатой загородной жизни.

– Нет.

– Почему? Они ведь не виноваты в том, что люди сделали

их такими.

– В этой ситуации ищешь не виноватых, а то, как смириться с этой ситуацией. Мы не можем заставить дебилов перед камерой перестать покупать и натягивать себе на лицо резину, чтобы они сказали глобальным брендам «ребят, нам это больше не нужно», чтобы рынок сказал лабораториям, что им больше не нужны кролики, и что косметику больше не нужно тестировать на животных, потому что их попросту некому покупать, и чтобы тогда кролики перестали быть подопытными. Пойми, фраза «подопытный кролик» распространяется не только на животных, а на всех нас, на тех, кто об этом даже не подозревает, а те, кто нагло идёт против системы и движется к истине своим способом, как правило, или живут не долго, или о них просто не говорят. Я ответил на твой вопрос?

– Более чем, – я была довольна, что со мной наконец заговорили по-взрослому. А что значило быть взрослым?

Я не знала. Я никогда не была маленькой. Я родилась осмысленным ребёнком. Меня нельзя было обмануть и, как любой Эванс, я умела ставить на место напудренных дам и почетных кавалеров, чей возраст был по годам больше моего. Никто об этом не говорил, но Эвансы рождались взрослыми. Может, поэтому им приходилось заставлять себя любить других?

– Вы не знаете, к чему снятся собаки?

Гаврилов стоял и смотрел сверху вниз, как я набираю себе

детских сладостей и сырков снизу холодильника супермаркета. День был ясным, впрочем, он был все тем же.

– Ты сама это будешь оплачивать?

– Конечно, – я встала, – не хочется же Вам выглядеть моим... – я в панике пыталась подобрать адекватное слово, отгоняя от себя противное «ухажёром», – партнёром?

– Партнёром? – он усмехнулся. – Это лучшее, что ты могла придумать? – и пошёл к отделу с крупами.

– Это намёк на мой маленький мозг?

– Ни в коем случае, но если уж ты так решила...

Я никогда не считала себя глупой.

– Ты про собак спрашивала?

– Да.

– Тебе в каком ключе собака снилась?

– Плохом. Она меня кусала.

– Сложно сказать, я не специалист в снах, но это, скорее, предшествует недосыпу, – он посмотрел на меня. – Ты бледная. Как вампир.

Настоящая интрига. Он знал, что говорит, это было похоже по заговорщической улыбке, хотя... может, она показалась такой только мне?

– Хочешь плова? Мне отец до самой смерти делал, и казан есть.

– Вы ещё и готовите?

– А голубцы тебе ни о чем не сказали?

– Немного... я просто была голодной.

– Ты не в первый раз у меня питаешься.

Он сказал питаешься. Не иначе. Так и сказал.

– Это обидно.

С одной стороны, в квартиру мне возвращаться не очень хотелось, там все ещё были мои друзья, они меня ждали.

– Так что, поедешь?

А с другой, он казался мне очень подозрительным. Я внимательно относилась к каждому человеку, что имел в моей жизни хоть малейшее значение, обращала внимание на любые его минусы и плюсы, а этот был без пяти минут идеален. Он был тем, кого искали все Эвансы, мне было страшно думать об этом до окончания работы над проектом, но, видимо, его придётся убить. Упускать такую возможность нельзя, да и вкус души уже не так важен, увядание ведь никто не отменял.

– Поеду.

Чего мне волноваться, вампир-то тут я.

Дом Гаврилова был чуть ли не самым лучшим местом для съедения души, где ещё мне будет подпевать виолончель и читать рифмы Рембо, а в загородной глуши только птицы щебечут, вряд ли синицы смогут дать показания.

В машине играл привычный Мумий Тролль, одна из самых популярных песен.

– Вы фанат?

– Нет, тяжело ездить одному на работу.

– Было с кем?

– Когда-то, это было очень давно, когда я ещё не думал, что стану врачом.

– Разве врачами не рождаются? – насмехнулась я.

Он посмеялся так, что лучше бы я молчала, поэтому всю оставшуюся дорогу я угрюмо смотрела в окно.

– Мне сегодня предложили барана, – так, будто бы мы вели все это время оживлённую беседу, заявил он, уже подъезжая к дому.

– А овцы Вам мало?

Он цокнул языком.

– А будет баран, свежий, травяного откорма. И много людей.

– Я не социофоб.

– Ну, я тебя ещё не приглашал, но раз уж ты сама себя пригласила, – он вышел из машины, чувствовалось, что температура понижается, скулы замёрзли сразу же, а я моментально становлюсь красной на морозе, – будет много моих друзей. Я настаиваю, чтобы ты была сегодня с ними, потому что шанс пообщаться с такими людьми ни в каждой жизни даётся.

– Да я вроде не против, – я искренне была заинтересована, ведь если друзья окажутся стоящими, такими же, как Гаврилов, можно будет избавиться от свидетелей!

Он дал мне мой пакет с продуктами, и я зашла в дом. Внутри было прохладно, нужно было дотопить.

– Меня только волнует твой внешний вид. Если Агата со-

изволит найти для тебя что-то приемлемое, то тебе очень сильно повезёт. Носить вещи после неё – дар для многих.

– А кто такая Агата? – вываливая из пакета сырки, спросила я.

– Жена бывшего владельца этого дома. Она абсолютно русская, но родители вроде бы из Англии. Ничего, она вполне достойная женщина, она тебе понравится.

– А я-то ей понравлюсь?

– Понравишься, ей почти все нравятся.

– А кто она по профессии? Не говорите только, что бизнесвумен.

– Нет, не в коем случае. Она реставратор.

Я многозначительно качнула головой.

– Раньше работала в кафедре биолого-химических наук.

– И что она реставрирует?

– Книги, картины, бывает, все, что из музеев и галерей отдают, с тем и работает.

– Мне теперь не понятно, почему носить после неё вещи – привилегия.

– Потому что она очень модная и стильная женщина, со студентами она не так часто работала, больше по научной части, в свободное время занималась модой, что случалось не часто, но у неё получалось. Английские корни дают о себе знать.

Я пожала плечами.

Весь день с кухни доносились ароматные запахи, витали

по дому и так и тянули за собой в тёплый зал. Тянула виолончель, струнные инструменты всегда вызывали у меня особую любовь: они были проявлениями настоящего идеала, всегда правильно сформированы, сконструированы так, что даже самые отвратительные мелодии покажутся приятным звучанием. Своим элегантным строением они говорили о быстроте мелодии, о лёгкости песен, что могли исполнять годами. В детстве меня пытались научить играть на скрипке, в смысле, меня научили, но этот навык не особо понадобился мне в работе.

Ступеньки лестницы были на удивление тёплыми. Я была хорошо одета, так как в доме было холодно, но все равно замерзала. Казалось бы, я никогда не знала тепла, лишь уют и комфорт, но жизнь заставила меня полюбить тепло. Меня к нему тянуло. Гаврилов меня не трогал. Он только дал мне старый колючий свитер, на удивление, в хорошем состоянии, и занимался своими делами. Во всем доме было тихо. Часы звучно тикали над аркой, отделяющей кухню от зала, в котором обычно ели. Ещё одна вещь, которая мне безумно нравилась – часы. Я обожала карманные, маленькие, пусть даже уже и не выверенные старыми мастерами, но все равно, точные. Мне нравились часы с маятником, как когда-то висевшие в комнате над дверью, но, почему-то, никогда не нравились с кукушкой.

– Чего ты там? Иди сюда.

Я встала и пошла на кухню.

– Почитай чего-нибудь, – кинул Гаврилов, пока заканчивал с пловом.

Я взяла излюбленного Рембо и открыла на первой попавшейся странице. Читать было неинтересно, но я читала. Гаврилову будто бы нравилось медленное безэмоциональное чтение, или он просто очень любил стихи Рембо.

– Кстати, Агата приедет на час раньше, чтобы ты успела переодеться, – прервал он меня на середине стиха. Видимо, на так уж ему нравилась поэзия. Он не слушал все это время.

– И через сколько она приедет?

– Минут уже через 20, – Гаврилов вскинул взгляд на часы.

Ровно через двадцать минут за стеклом послышался шум машины. Она приехала ровно по часам, минутная стрелка едва успела показать пять. Агата ездила на серой машине холодного оттенка, как будто говорящей о кротком нраве и аристократических вкусах хозяйки. Я пыталась отрицать внезапно нахлынувшее волнение, которое я успела забыть. Это стало непривычным.

Пока они обнимались и жаловались на погоду в прихожей, я оценивала душу по аромату духов, стоили они не меньше пятидесяти тысяч, скорее всего, коллекционные. Их голоса казались на удивление далекими, будто доносившимися сквозь года голоса родителей, душевно ведущих дешевые разговоры с напудренными гостями бала, но сейчас было ощутимо, какого высокого они друг о друге мнения. Какая особенная связь между ними, не как у обычных людей, а то,

что называется дружбой между мужчиной и женщиной.

В руках Агаты был небольшой пакет с красивым узорчатым логотипом, было понятно, что это, скорее всего, духи, и пакет пошире, чёрный, с простым названием из серебристых букв, плотной бумаги и атласных лент вместо ручек.

– Когда я ещё имела честь готовить тут, эта нора насквозь была пропахшей гнетом и ненавистью к еде, – вблизи она казалась моложе, только так я поняла, сколько на ней косметики, хотя кроме основных тональных средств и красной помады больше выделить было нечего. – Не думала, что кто-то может изменить это так, правда!

Гаврилов засмеялся.

– Кстати, насчёт еды... не поможешь мне с мясом, у меня кое-что не вяжется.

Она смотрела так, будто была способна решить любую проблему и умела работать с любым видом мяса от свинины до бедер кенгуру.

– Конечно, все, что угодно. Насколько это срочно? Мне нужно помочь с нарядом девушке.

– Кстати, это Аня.

Я сидела в кресле с видом убийцы, в очках для чтения и раскрытым учебником по физике за 10 класс 82-го года, пытаюсь формулами снять напряжение.

– Та самая? – я бы сказала, что она была восхищена, не будь это наигранным.

Гаврилов кивнул. Агата обратила на меня свой взгляд и

поклонилась, свободное платье на ней немного вскрыло худобу, выдавая нервозность.

Платье, что было в чёрном пакете, было не от неё, а с этикеткой. Мне было непривычно носить такое, у него был фигурный вырез, полоски по бокам, открывающие часть талии, с свободно лежащими нитями, но, видимо, оно пришлось мне не по фигуре.

– Хм, видимо, я ошиблась с размером, – глядя задумчиво на открытые части, произнесла Агата.

– Большое?

– Это не так страшно, тебе даже больше идёт.

У платья был разрез снизу до середины бедра, чтобы не путаться в полах в сантиметрах от пола.

– Прошу прощения, что чёрное, – расправляя полоски ткани, сказала женщина, подглядывая в зеркало, в котором я смотрелась совсем тощей.

– Ничего, мне даже подходит.

Эвансы не носят ярких цветов.

– А как же туфли? У вас нет туфель?

– Нет, наверное...

– Какая жалость, я не позаботилась о туфлях! – я даже была рада. – Может быть, окажется что-нибудь на чердаке? Я посмотрю.

Я осталась стоять около зеркала. Под зимними вещами я не казалась такой худой. Я истощалась и физически, мое тело изголодалось по тёплым душам. У Агаты хоть и была холод-

ная и отстраненная, с ноткой недоверчивости душа, краски в ней были задействованы разные. Думать особо не приходилось, если хотя бы один из гостей покажется мне гадким и противным, придётся ждать, пока они все разъедутся, чтобы вдоволь насладиться настоящим вкусом любви и теплоты души.

Она вернулась с лаковыми лодочками и бархатными энкл-стрэп.

– Там ещё были д’орсе, но я решила, что они для тебя будут слишком взрослыми, – подхватила мою ногу за лодыжку холодными пальцами и быстро вставила в ледяные лодочки.

– Откуда там туфли? – кряхтя я пытаюсь держать равновесие, сквозь зубы произнесла я.

– Это мои, просто я оставила их здесь, когда собирала вещи, большеваты... – с такой же нежностью примерила каблуки повыше с ремешком вокруг лодыжки. – Эти лучше. Как думаешь?

Я мельком глянула вниз.

– Они хотя бы слетать не будут.

Она надела второй и посмотрела со стороны через зеркало.

– Огонь. Ты носила что-нибудь подобное? Хотя раз в жизни?

– У меня когда-то было платье выше колен, но ничего такого.

– Ничего, тебе очень идёт. Я оставлю тебя, мне нужно по-

мочь с мясом.

Дверь за Агатой закрылась. Я скинула туфли и выключила свет. У меня было как никогда измученное и темное лицо. Сегодня полнолуние. По спине прошёлся холодок, меня передернуло и я сжалась. Как я не любила холод. В платье с открытыми руками это будет особенно мучительно, хотя внизу, должно быть, теплее.

Меня не трогали запахи мяса, разговоры и красивое общество, по горло я была этим сыта! Я трепетала в предвкушение, что-то издалека заставляло меня относиться ко всему иначе. Не догадываюсь, чем бы это могло быть, но я сгорала от нетерпения.

Это внезапно возникшее чувство, которое я едва успела осознать, было лишь вспышкой, я не была уверена, было ли оно настоящим.

9

Нет успокоения грешной душе. Я – смерть. Я – власть. Я здесь коронованная отчаянием и горем, никто не поколеблет мое величие. Я – избранная. Я убью посланника судьбы и навсегда завершу род роковых избранников.

Мы – боль. Нас – нет. Мы – грязь, грех, ненависть, потеря, горе... Эванс – клеймо, от которого невозможно избавиться веками, не испробовав на себе всех человеческих мучений, не потеряв едва найденное, не упустить дорогое и не убедившись в своей беспомощности.

Чтобы понять свою ничтожность, не нужно было убивать людей, нужно было просто видеть их смерть и быть не в силах что-то сделать.

Есть на завтрак ангелов – вот, что значит быть Эванс. Быть Эванс – быть грешным.

Холодало. По ногам шёл холодок. Некий Авдеев курил в раскрытое настежь окно, и слушать его было неприятнее всего. Слушать и видеть. Гаврилов со своим обществом оправдали мои ожидания: никаких высокопоставленных людей с самомнением выше почтенного, одни музыканты да преподаватели по совместительству. Но между тем, они очень хорошо за собой следили и стоили того, что говорили. Как только из внешнего мира за пределами дома не осталось тех, кто был достойным тут находиться, запахи лондонских

папирос, духов, подаренных Агатой и заказанных из Италии смешались, атмосфера дома стала законченной окончательно. От каждого пахло по-разному, души резвились и верещали в восторге от переплетения с другими, родственными душами, смеясь и играя вместе. С каждым гостем меня знакомили лично, Гаврилов уже начинал уставать от этого, и с последними двумя мне пришлось знакомиться попутно.

Все толпились на кухне, как подростки на пятничной вечеринке, я сидела в одиночестве в столовой, очень жаль, что не было дивана. За мной что-то быстро шухнуло и я вздрогнула. В кресле, стянув тощие колени в чёрных расширенных снизу брюках, сидел самый молодой из гостей, двадцати девятилетний Валерий (невозможно было называть его Валерой или как-то ещё), виолончелист самой престижной консерватории Питера. У него были длинные высветленные, я бы сказала седые волосы, до того небрежные, что были разбросаны по плечам и скромно закрыли лицо, а одна прядь выбивалась и огибала элегантный изгиб лица. Он тоже вздрогнул, почувствовав на себе мой взгляд, и медленно повернул голову. Его пальцы касались запялённого медного покрытия граммофона, чувствовалось, как его сердце изнывает и трепещет от прикосновений ушедшего времени.

– Холодно здесь, да? – я отпила из фужера вино, уже не то, которое Гаврилов открыл на днях, более молодое.

Парень посмотрел на свои дрожащие руки, хотя дрожали не только руки.

– Да... у меня всегда руки дрожат.

– Виолончелист, а такой нервный.

Он ничего не ответил. Обиделся, наверное.

– Платье красивое.

Если бы он сказал что-то вроде «оно тебе идёт» или «красиво на тебе сидит», я бы напряглась.

– Спасибо... холодное, только.

Он подошёл и взял со стола ровный прямоугольник поджаристого нежного мяса, оставленного остывать на столе.

– Я недооценивал свинину все это время.

– Мне нравится говядина.

– А баранина?

– Я редко ее ем.

Он доел и сложил вилку.

– Давно знакома с Гавриловым?

– Э... ну, месяц примерно. Он мой декан и помогал проект писать.

– Это тот, что научная работа? Мы уже все знаем.

– Надеюсь, он рассказывал обо мне не в отвращенном ключе.

– Нет, он тобой восхищался. Я когда-то играл на одном концерте, потом оказалось, что нас ожидают гастроли по всей стране, – он нервно хихикнул, – это сложно, когда не привык работать с людьми. До сих пор... даже признаться стыдно.

– У меня то же самое, совсем не умею с людьми дела вести.

Если бы Данил Сергеевич меня не терпел, не знаю, где бы я была сейчас.

– Почему?

– У меня умер друг и повесилась соседка, с которой я квартиру снимала.

Он осмотрел мое лицо быстрым взглядом, и уставился в глаза, безмолвно призывая продолжать.

– Теперь живу одна, – я выживала. Они давили, ненавидели. Я чувствовала их присутствие, и это убивало меня.

Валерий опустил голову, впиваясь в худые пальцы глазами.

– Мне говорили, что с такими пальцами вообще нежелательно на инструментах играть. Когда я перешёл на более долгий курс в музыкальной школе в шестнадцать лет, меня очень долго отговаривали директора и родители, никто не хотел видеть меня музыкантом и тем более с виолончелью. Потом я стал готовиться к экзаменам и меня отправили в гимназию. В консерваторию меня, конечно же, никто не пустил.

– А как ты туда сейчас попал?

– Бросил юридический. Ну какой из меня юрист, скажи? Я людей-то не бояться не научился, – он вдруг опомнился, – я не хочу показаться жалким... просто ты выглядишь такой закрытой... не поймёшь, чего от тебя ждать.

Я сидела, закинув ногу на ногу и подперев щеку кулаком. Сидеть было лень, хотелось лечь на пол.

– Учишься сейчас?

– Нет, сессия в марте.

– А что после?

– Группа, концерты, спектакли... у меня друзья струнники.

Я улыбнулась уголком рта от слова «струнники», думаю, это особый сленг.

– Хочешь, кое-что покажу? – он встал и протянул мне руку.

– Где?..

– В библиотеке. Я думаю, тебе понравится.

– Не понравится – убью, – я никогда не шутила про убийства. Он хихикнул.

Библиотека была самым холодным местом в доме, как только я туда вошла, меня сразу затрясло.

– Ты один живёшь? – закутываясь в клетчатый плед, все так же лежавший в кресле-качалке, спросила я.

– Да, конечно. Жить с кем-то – слишком сложно, – Валерий перебирал быстро книги с полки, гуляя по ним так, будто знал все наизусть. – А жил. С девчонкой с одного курса, но она потом бросила и вернулась в Питер, а я остался.

Он торопливо убрал вылезшие пряди за уши, и задрал голову к верхним полкам.

– Второй день согреться не могу, – дом плохо прогревался, горячей воды было не так много, приходилось греться как в средневековье.

– Я вторую неделю, жуткий мерзляк.

Вытащив с задней полки несколько книг из первого ряда, парень достал плотную книжку с яркой защитной обложке и передал мне.

– Их было всего пятнадцать, их издал один из друзей Данила Сергеевича, знаешь, чем они ценны? Автор умер по непонятным обстоятельствам, его личные вещи были оставлены в разных местах Москвы, где он любил бывать. По словам Гаврилова, за неделю до смерти писателя они сильно поругались (но причастным к смерти он не был), книгу ему не подарили, но через месяц он нашёл ее у себя на подоконнике в прихожей, подписанную одним только... – он открыл книгу на первой странице, где чёрным над именем автора было выведено: «Искусителю, Данилу».

– Какая жуткая история, – меня передернуло от холода.

– Книгу нашёл один лишь Гаврилов, у других были подарки побогаче, кто-то нашёл серебряное ожерелье дочери.

– А с дочерью что?

Он пожал плечами.

– Ничего хорошего, раз мы этого не обсуждаем, – и поставил книгу обратно на полку. – Пойдём, а то тут холодно.

Я сложила плед.

– Ты меня поразил, если ты этого хотел добиться.

– Не совсем, точнее, совсем не этого, просто хотел показать, что меня удивляет тут больше всего. Было бы лето, смотрели бы на звёзды. На чердаке сейчас холоднее, чем на

улице.

Спускаясь по лестнице, он вдруг остановился.

– Может, не пойдём вниз? В гостиной сейчас должно быть красиво... если тебе холодно, может быть, Данил Сергеевич разрешит принести туда чай?..

Мне меньше всего сейчас хотелось общаться с людьми, я была измучена до невозможного, но мальчик выглядел настолько милым и стеснительным, что мне было жалко его расстраивать. Я вздохнула.

– Только если с чаем.

У Валеры загорелись глаза.

В гостиной на втором этаже была одна стеклянная стена, продолжение нижней. Гаврилов, вздыхая, что его оторвали малолетки от общения с серьёзными людьми, даже нашёл старый пыльный обогреватель, с ним гостиная стал сказочной. Не хватало какой-нибудь гирлянды или сразу елки. Мне вспомнилось, как я в прошлом году наряжала елку с другом, сейчас это казалось таким пустяком. Таким неважным.

С нижнего этажа слышался смех, не тот, что я слышала из соседней комнаты в квартире Алисы, а более юношеский, хоть и измаравшийся в слезах, повидавший горе и отчаяние, но смогший все это победить и теперь радостный новым дням и встречам. Скажи это Гаврилову – он бы сказал, не снимая очков, «слишком торжественно». Валерий поджимал под себя ноги и мелко тряся, думаю, в глубине души он тревожно думал, о чем со мной заговорить. Я сама об этом ду-

мала, но мысли никак не шли в голову. Не хотелось.

Чайный хрустальный сервиз тихо звякал, чай шептал, убавлявая, какую-то неспешную песню. Завывания метели за окном пробуждали воспоминания, которые не должны были возникнуть сегодня вечером, иначе, как я должна буду убить всех этих людей?

– Какие люди тебя раздражают? – внезапно донеслось мягким тоном.

– Смуглые.

– Смуглые? – я покивала.

– Они обычно противные, я не говорю о темнокожих, скорее просто не чисто белые. Вот их я стараюсь обходить стороной.

При полной Луне бледная кожа смотрелась сияющей, такой чистой, при тусклом свете этого было не понять, волосы казались уже не такими небрежными, а скорее поэтическими, впервые в жизни мне хотелось думать, что это естественно, что так и должно быть. И действительно, Валерий не шёл к этому, подбирая и завершая образ, пытаясь быть дешёвкой и пародией, он просто жил, и как ты не старайся, жизнь сделает тебя таким, какой ты есть, и никаким иначе.

– Странно, я спрашивал не про внешность.

– Ну, наверное, неопределённые. Которые не знают, чего хотят и что делают.

– Я часто вижу таких, и когда такие как они берут в руки инструмент, мне становится жалко струны.

– Ты только на струнных специализируешься? – внезапно для самой себя спросила я.

– Да, остальные меня не особо трогают.

– Как думаешь, они скоро опьянеют?

– Ненавижу пьяных.

Он спокойно отпил из чашки, будто бы слово «ненависть» резко потеряла своё значение и как-то нейтрализовалось.

– Какие ты песни помнишь из детства?

Хороший вопрос. Помню семейную «Лолиту», гимн, вселивший больше страха, чем все гимны других семей, «Пристань гнева», который запрещалось петь женщинам (Скарлет и это не волновало).

– Особо никаких, – с поникшим видом сообщила я. Все ходы на случай затрагивания темы детства были продуманы, оплошностей быть не должно. Люди очень быстро составляют логические цепочки, – родители не особо мной интересовались, я много времени проводила с бабушкой. Она, похоже, была не особо этому рада.

Запахло понемного нарастающей яростью. Было сложно понять, от чего у него трясутся руки, от холода или эмоций, которые приходилось направлять только в руки. Меня это забавляло.

– А ты?

– М?

– Что про детство расскажешь?

Лучше бы я не спрашивала. Он так долго рассказывал о

том, как хорошо было в детстве, мелкие и незначительные моменты, которые, якобы, сделали его в настоящем. Слушать было не противно, мне даже нравилось, но большой заинтересованности я не почувствовала. Все потому что был барьер. В жизни человека должны быть момент, когда он преодолевает себя и рушит этот барьер, чтобы общаться со всеми людьми и без страха рассказывать о себе. Но серьёзное всего было то, что представление души оставалось мутным. За столько времени можно было ее ощутить, попробовать на вкус, дать ей форму и очертание, но тут... или барьер был очень большим и плотным (что вряд ли), или я столкнулась с чем-то очень странным.

Если углубляться, то пожиратели душ бывали разными: бывали вампиры, к которым относилось большинство семей, оборотни, не имевшие тела и принимавшие человеческий облик, их было очень просто узнать, и самые опасные – демоны. Демоны жили одиночками среди людей, в отличие от вампиров, они были в человеческих семьях с рождения, и могли отобрать душу ребёнка ещё в утробе. Демонов становилось все больше, вся их опасность была в том, что они не ощущались как-то иначе, жизнь в человеческом теле приспособляла к скрытию настоящей сущности, поэтому опасности не чувствовалось. Они убивали хладнокровно и безболезненно, не доставляя больших проблем, не рассматривая людей годами и совсем не мешкая. Мне редко приходилось думать о других нечистях, но сейчас я подумала, как низко

опустилась перед демонами, хоть никто об этом и не знает. Будет смешно, если знает.

В заключение Валерий добавил, что с родителями он сейчас, к сожалению, не общается.

– Почему?

– Потому что не хотят, – и нахмурился, – дали деньги на обучение и дальше стало неинтересно.

– Так не бывает. Они, скорее, просто думают, что ты справляешься сам.

– Даже если бы я не справлялся, они бы не помогли.

– А ты справляешься?

Не понимаю, почему я это спросила. Кстати, демоны испытывали весь букет эмоций, дарованный человечеству, но их проблема была в том, что они не могли жить с человеком, какой бы сильной не была любовь. Люди рядом с ними быстро умирали.

Он посмотрел на меня чистыми глазами, от них мне стало холоднее.

– Да. Конечно...

– Судя по всему, помощь тебе нужна.

– Не столько помощь, сколько поддержка. Я жалко смотрю?

– Нисколько. Это хорошо, когда люди могут понимать, что с ними происходит и осекать себя. Но ты зачастил.

Он надолго замолчал, чуть ли не с головой заворачиваясь полусидя в одеяло, я все это время сидела, голова была пу-

стой.

– Ты когда-нибудь работала с подростками?

– Вроде нет... не приходилось. Чтобы работать с подростками, нужно быть подростком, а я рано повзрослела.

– Чем это мешает?

– Не знаю, они меня пугают.

– Да кого они сейчас не пугают? Я хоть и не далеко от них ушёл, но гуляют они слишком часто.

– Гуляют в смысле...

Валерий выпутался из одеяла и сел на край дивана ближе ко мне.

– У моей соседки постоянно кто-то есть, они или пьют, или весь подъезд закуривают, или музыку до трёх ночи слушают. Я больше так не протяну, я так устал от Мияги!

Я засмеялась.

– Тебе же скоро тридцать, скажи им как взрослый.

– Я? Взрослый? Ты не представляешь, как сильно ошибаешься.

– А кто ты? Случайно выживший мальчик?

– И это тоже. Я не хочу чувствовать себя взрослым, хоть и приходится. Меня больше угнетает цифра в паспорте – тридцатник. Типа, «тебе уже тридцать, когда перестанешь ныть», или «когда женишься?».

– Кто так с тобой?

– Учителя, соседи...

– Те, что запустили детей?

– И эти тоже. Я не знаю, если заводить детей, то только с тем, в ком ты уверен, и нужно быто уверенным в себе, я прав?

– Абсолютно.

– Быть уверенным мне не в ком, а в себе тем более.

Я помолчала.

– Как ты дожил до 29 лет?

– Я задаюсь тем же вопросом, – он достал незнакомые мне сигареты и вспыхнул зажигалкой. – Ничего же, если я не буду курить в раскрытое окно?

– Я жила с постоянно курящей девушкой, дыма почти не чувствую.

– А ты не куришь?

– Нет, и не хочу.

– И правильно. У тебя красивый голос.

Меня это тронуло.

– Правда?

– Да. Лесть уместна только для глупых, а тебя не проведёшь. У меня отличный слух и на фальшь, и на голос, и на талант.

– И какой у меня талант?

– Художественный.

Он смотрел на меня расслабленно и как не в чем не бывало, я объедала его взглядом так, будто он человеком и не был.

– Что ты сказал?

– Художественный талант у тебя, говорю. Кисти гибкие и мягкие, и пальцы длинные, и не трясутся. Дело, в общем-то, не в руках. По тебе видно.

Тут в гостиную зашёл Виктор Степаненко, доктор филологических наук.

– О, вот, где у нас молодежь, – Валерий неохотно оглянувшись, держа сигарету в зубах, – уже курите вместе!

– Не курю я! – воскликнула я.

– Ага, – кинул он, заходя в комнату напротив, – Валера с кем попало не курит, я-то знаю.

Я глянула в переменившегося в лице Валеру. Он проводил спускающегося по лестнице Виктора и повернулся ко мне.

– Хочешь виски?

– Если для этого нужно спускаться вниз, то нет.

– Я принесу.

– Зачем? – я встала и пошла за ним.

Гаврилов алкоголем не злоупотреблял, и виски с вином не мешал, пили или те, кто не пил вино, или те, кто был уже заурядно пьян и было все равно, что пить, и как будет утром. Он невесело на меня посмотрел, что-то шепнул Валерию, и отдал бутылку, по губам читалось «уноси», и что-то ещё.

– Вот так просто? – спросила я, как только мы вернулись.

– Да. Ты много не пей, ночевать, видимо, сегодня у себя дома будешь.

Я подняла брови.

– Ты тут вообще давно?

– Два дня, вроде.

– Ну, тут сегодня, похоже, кто-то с ночевкой, потому что уже выпили нормально, а водить в таком состоянии, сама понимаешь.

– Понимаю, и что дальше?

– Ничего, я на машине.

– Ты хочешь...

– Добросить тебя до города. Не оставлять же тебя здесь.

– Как ты в воздухе переобуваешься.

– В смысле?

– Это курение так на людей влияет? Ты же вроде тот самый забитый отшельник – музыкант, обиженный ребёнок и угрюмый виолончелист.

– Все так сначала думают, а ты просто приятный человек, с тобой можно вести себя естественно.

Я планировала убить его. Кстати, убийство Гаврилова, видимо, тоже придётся перенести, хоть уже и мало остаётся времени.

Прошло минут 10 тупого смотрения на звёзды, Марс пылал.

– Тебе хочется тут оставаться?

– А мы можем поехать прямо сейчас?

– Да, желательно, незаметно. У тебя вещи где?

– В комнате с зеркалом.

– Ясно, там были важные тебе вещи?

– Не особо... ты хочешь, чтобы я ноги себе отморозила?

Он повернулся в дверном проёме под аркой.

– Хочешь попробовать пронести вещи мимо этих гиен и создать о себе плохое впечатление?

Я секунду колебалась.

– Пошли.

Гаврилов лишь кинул быстрый взгляд, не отвлекаясь от гостей, и мы скользнули из дома.

– Угадай, какая моя машина.

– А если на угадаю?

– Значит, пешком пойдёшь.

Конечно, я знала.

– Серебристая?

Он с удивлением глянул на меня. Машина была просторной и быстро нагрелась, а между тем у меня начался насморк.

– У тебя нет одежды тут? – с подрагивающим голосом, спросила я.

– Нет, никакой. Даже одеяла нет. Сейчас теплее, может, станет. Тебя кто таким легким платьем наградил?

– А-гата.

– А если бы не это, то какое?

Я не отвечала, пока не перестала стучать зубами.

– Коричневое и в пол, лучше бы клетчатое.

– И тёплое.

Я покивала.

Темнота сгущалась над дорогой, а худые ветки угрожаю-

ще складывались в мозаичатую арку, что казалось пугающими и зловещим даже мне.

Со временем дорога выровнялась и перешла на асфальт.

– Чего молчишь? – я начинала засыпать.

– А что говорить.

– Не знаю. Тебе холодно?

– Немного.

– Дома прими ванну.

– Не знаю, спать, скорее всего лягу. Очень спать хочу.

– А болеть лучше?

– Хотя бы дома посижу, звонить никто не будет. Хотя мне и звонить-то некому... – я вжалась в кресло, дыша в ворот пуховика. – Не хочу ничего делать, никуда ходить, ни с кем разговаривать. Я так устала от людей, они все такие...

– Гадкие?

– Да, и гадкие тоже. Не хочу людей.

– А кого хочешь?

– Никого не хочу.

Валера вздохнул.

– Вот так люди и кончают жизнь самоубийством.

Вдали блеснули первые городские огни.

– И в мыслях не было. У меня было уже двое таких.

– Серьезно? О, я очень сочувствую... как ты это пережила?

– Переживаю. Их вещи все ещё у меня в квартире.

– И как ты собираешься там ночевать?

– Так же, как и все ночи до этого.

Он сжал губы и качнул головой коротко в сторону.

– Не представляю, какую силу жизни нужно иметь для этого.

– Мне помогала знакомая. Ну, как помогала, чаями отпаивала и на выставки водила.

– И как тебе выставки?

– Честно? Блевотина. Безвкусица и больная фантазия.

– Разве художники не все такие?

– Понятия не имею, я их не признаю. Мне даже музыканты больше по душе.

Он усмехнулся.

– «Даже»?

– Нет, ну, я не это хотела сказать!..

– Да понял я, что ты хотела сказать.

Я долго думала и молчала. На въезде в центр спросила:

– Тебе какая музыка самому нравится?

– Я думаю, тебе лучше пока не знать. Ты похожа на тех, кто привязывается к людям через плейлисты.

Откуда он все знает? Кто он? Откуда он взялся?

Меня передернуло. Впервые мне пришлось чувствовать над собой превосходство ЧЕЛОВЕКА.

– Кстати, ты пьёшь кофе? Я знаю годную ночную кофейню... – и осекся. Не знаю, почему. – Домой хочешь?

– У меня настолько вид измученный?

– Ага. Где ты живёшь?

– Высади там, придя откуда я не проснусь здоровой, – я знала, что не заболею... знал ли он? Судя по глазам, он искренне этого не хотел. – Пожалуйста.

– Что за нелюбовь к себе? Зачем?

– Ты хочешь, чтобы я начала читать тирады?

– Нет, я тебя завтра хотел пригласить на чай после пар, но если ты будешь больная...

– Можешь приехать ко мне.

– Нет, что ты, тебе наверняка не захочется видеть людей весь день. Не буду мешать твоему одиночеству. Говори куда ехать.

Я назвала тихо свой адрес. Гордость не позволяла забрать слова назад, но и находиться дома одной было не так приятно.

Около подъезда было совсем темно. Машина остановилась, я все мешкала.

– Ноги отмерзли?

– Нет. Запишешь мой номер? Завтра я позвоню, может, буду нормально себя чувствовать...

– Говори сейчас, приезжать или нет?

– Да.

– Что да?

– Ты же все понял, зачем переспрашиваешь?

– Вдруг ты не уверена?

– Я всегда уверена в своих словах.

– Ну, проверим.

Впечатление от души оставалось как после коробки съеденных конфет. Я, наконец, осознала ее очертание: большая белая полярная сова. При свете дня не рассмотришь, но как только наступит ночь или удобное для неё время – выпорхнет из снега, вскружится, поднимет метель широкими крыльями, пронесётся над головой, словно окатит ледяным потоком эмоций. Сложная птица, просто так не подойдёшь, главное найти правильный язык, за простой корм она не подойдёт, узнаешь лучше – поймёшь, насколько она непростая и своевольна, особенная, но по-своему обычная.

У души свои привычки, эта была приятной, но не на вкус, а для общения и существования, комфортная, хоть и на первый взгляд холодная.

А дома все было пропитано смертью. Не той, которую любили вампиры, вернее, которой они питались, вкус смерти любить сложно, а слишком кислой, чёрной и болезненной, едва не с ощутимыми за стеной трупами. Сразу зайдя в квартиру я почувствовала слабость, дикое желание уйти как можно дальше от дома, или поскорее забыться тягучими кошмарами, я была уверена, что они продолжатся сегодня.

Спала я мало, в семь уже вырвало из сна. Я лежала с широко открытыми глазами, Монолиция шелестела крыльями от холода. Отопление было слабым. Не глядя на время было ясно, что ещё раннее морозное утро, небо лишь начинало голубеть за окном. Я сильнее закуталась в одеяле поджимая ледяные ноги под себя. Состояние было мутным, тело словно онемевшим, слушалось плохо. За стеной у соседей заиграла веселая заводная мелодия радио, но весело от этого не стало, даже наоборот.

Вчера вечером я не была в ванной, я не была там достаточно долго, водные процедуры старалась делать на кухне, мылась быстро, потому что там умерла Алиса. Я не могла с этим свыкнуться: она была, и вот ее нет. Причём, патологоанатом ответил, что шансов у неё было мало, она умерла почти сразу же, даже не мучилась. Не знаю, должно ли меня это было обрадовать.

После горького кофе я пошла вниз, в дешевый супермаркет, купить что-нибудь к чаю, продолжить завтрак и купить овощей, мяса мне не хотелось совсем, даже тошнило при мысли о нем, после вчерашнего. Не любила я супермаркеты и магазины потому, что люди ходили туда без удовольствия, возможно, это покажется чудачеством, кому понравится копаться в холодных необработанных продуктах и вы-

искивать нормально пахнущую курицу, но стороны – это целое приключение! Не в том, чтобы найти свежую курицу, а в том, какое разнообразие было сейчас на полках. Яркие упаковки, складные слоганы, мелкие приятные детали, незаметные людям в спешке. Везде убранство, холодный свет придавал продуктам более товарный вид, хотя выражение «товарный вид» звучало слишком просто, ведь продуктовая монополия не хуже модной. Попробуй продать придирчивым старухам побитый овощ, или недостаточно сыпучий сахар. Россия ещё нравилась мне тем, что тут скорее помощь нужна была «сильным и независимым», а не пожилым и слабым. Россия, пожалуй, была моим любимым местом в мире: тут все так просто, но везде по-разному, такая невероятная, многослойная, великая история, необыкновенные люди, лучшая в мире литература, искусство... о моей любви к стране я могла говорить часами, главное, чтобы кто-то слушал.

К двенадцати у меня начало ломить все тело, прошиб озноб, я стала искать всевозможные таблетки у Алисы, к счастью, нашлось что-то годное, болела она часто и такого добра у нас было навалом. Эти чувства были для меня совершенно новыми, меня никогда не морозило и не ломило кости, я всегда переносила морозы спокойно, но что-то стало меня очеловечивать. Это было неувидительно, скорее всего? Стали происходить сбои, защитные реакции организма, и он стал перестраиваться, но с другой стороны, это прошло слишком безболезненно, не знаю точно, как вампиры становятся чем-

то между людьми и нежитью, не углублялась, но что-нибудь произойти определённо должно было. Еды давно не было, организм был истощён... причин было много, разобраться в них было сложно.

Из раздумий меня вырвал резкий звонок в дверь. Я в недоумение поднялась со стула и двинулась к двери. За ней стоял седоволосый, не особо приятный человек в чёрном пальто. Когда он начал говорить, мне захотелось лишиться ушей, настолько неприятным и хриплым был его голос.

– Вы кто? – спросил он.

– Я здесь живу.

– Вы Алиса Фёдорова?

– Я ее бывшая сожительница, – наверное, это заказчик картины, – Вы за картиной?

– Да, но без художницы не хотелось бы смотреть. Она дома?

Я секунду думала, как сказать ему об этом, чтобы он развернулся и больше никогда сюда не приходил.

– Алису Вы больше не увидите.

– Это почему же? – воскликнул он.

Я многозначительно на него посмотрела. Он ахнул, опираясь о дверной косяк, так и хотелось пальцы отдавить.

– Это плохо, очень плохо. Я был ее куратором в галерейке, где она продавала свои художества, – так грязно о ней не говорил ещё никто. – Могу я взглянуть на завещание?

– Какое завещание может быть у повесившийся двадцати-

пятилетней художницы?

– Тогда сразу на картины, – и, оттолкнув меня легонько в сторону, вошёл в квартиру.

Я обомлела, но не долго думала, и прижала его за горло к стене.

– Знаешь что, ты, дурак пустоголовый, если следствие подтвердит, что на умерла от ваших чертовых дидлайнов и гнета начальства, я тебе обещаю, ты не то что в тюрьму отправишься, я тебе такое устрою, что ты пожалеешь, что родился. Ещё раз тебя увижу – умрешь мгновенно. Понял меня? Ну, беги же, птица вольная! Счастья, подонок! – и вышвырнула его из квартиры, он покатился на лестницу, цепляясь за перила.

Я захлопнула дверь и почувствовала удовлетворение. Как существо не назови, оно все равно будет испытывать удовольствие за страдания других.

Я тихо зашла в мастерскую Алисы, там около пустого пакета с кормом лежала ещё живая кошка. Она не выходила отсюда с пятницы, когда я кормила ее в последний раз. Мэгги научилась выживать, ловила птиц, воровала еду, в общем, я знала, что она не пропадёт. Пушистая Сибирская серая кошка подняла голову и с жалобным мурчанием прошла между мольбертами ко мне. Она меня не особо любила, не могла свыкнуться с тем, что я вампир, но сейчас ей нужна была капля сострадания, тот, кто мог бы оплакать с ней хозяйку. Картины Алисы были живы. Они по-прежнему смирно вы-

полняли своё дело, и ждали часа окончания. Но вряд ли они его дождутся.

По очень старой не изученной технике вампиры могли поедать души хозяев через вещи с очень концентрированным остатком души, не зря говорят «душу вложил в свои старания». Думаю, картины входят в число немногих объектов, которые можно было поглотить, я была достаточно опытной, чтобы выполнять те операции, которым обучена не была.

Я вынесла на всякий случай одну из моих любимых законченных картин (потом ещё одну), потому что поглотиться могло все, и выставила за дверь кошку. Как только я закрыла глаза, ощутился холод и густая темнота, я коснулась отчетливо ощутимых мазков масла пальцем, и руку пронзил блаженный электрон души, струей окутавший тело. Самое интересное в поглощение душ – момент поедания, ты не почувствуешь его больше никогда, поэтому наслаждайся, как только можешь. У Алисы мягкая с кислинкой душа, сладкая, если потрогать – пушистая и плотная как шерсть северного оленя. В ней нет злобы и намеренной ненависти, в ней меланхолия, усталость, местами горе, и страх. Едва заметная нотка страха, который сам-то не уверен, есть ли он. Вкус души можно создать самостоятельно убеждениями.

Вкус картин был очень разнообразным, он не мешал душе, а наоборот дополнял, шёл как-то мимо, вмешиваясь лишь иногда, ведь это душа, а картина тут на втором плане. Она имеет большее значение у глупых художников, рисуя-

щих ради денег и славы, не знающих, что они пишут. У таких картин и вкус грязнее. Как у гнили. Таким и отравиться можно.

Когда я открыла глаза, комната стала светлой, окно будто бы стало шире, давая свету свободней проникать и отражаться от светлых обоев. Все холсты были чистыми, но уже без грунтовки и местами порванные. Рука тряслась от напряжения. Я знала, что я сделала, Алиса никогда не хотела бы, чтобы ее картины попадали в руки непонятно кому. Я оставлю это навсегда в себе.

У меня подкосились ноги, и я засмеялась. От такого блаженства и эйфории хотелось броситься в окно, но не для того, чтобы умереть, а чтобы испытать БОЛЬШЕЕ наслаждение и довести себя до точки, взорваться, узнать то, чего не видел никогда, увидеть раз яркую картинку и сразу же забыть. Оказывается, чтобы жить, не нужно убивать людей, достаточно наслаждаться их душой через творчество, через их общение, несильно упиваясь сладким даром души. Все это время не обязательно было кого-то убивать. Но я поняла это слишком поздно. А может, как раз вовремя, если учесть все, через что мне пришлось пройти.

Болезни как небывало, все сразу же исчезло, мутация прекратилась (мне было страшно пользоваться этим словом, тем более о себе, но теперь все позади).

В пять кто мне в дверь позвонили несколько раз, да ещё и постучали, чтобы точно услышала.

– Ты чего такая веселая? – настороженно спросил Валерий, заходя в квартиру.

– Я думала, ты не придёшь.

– Почему?

– Ну, как по классике, сидишь весь день, ждёшь его, никуда не выходишь, а он не приезжает.

Он фыркнул.

– А ты чего такой хмурый?

– Меня к отчислению готовят.

– За что?!

– За пропуски. Сделали «последнее китайское предупреждение», – передразнил он противным голосом женщину.

– И что ты будешь делать?

– Долги по учебе раздам и с учителями нужно отношения налаживать, – он со вздохом сел за стол, – это тебе не с Гавриловым у него дома мясо есть. Там все сложно и серьезно, ну... как серьезно, они все там музыканты великие, преподаватели первоклассные, а ты так, червячок криворукий, первый раз смычок в руки взял.

К нему на колени прыгнула Мэгги и положила лапы на плечи, обнимая, и мурлыкая. Он сразу ей понравился.

– Крутая у тебя кошка. Да и живешь ты ничего так.

– Я сюда переехала, когда все это уже было, тут моего мало, – ставя на стол чашку чая, сказала я. – Будешь пирожные?

– Я покупные не ем. Из принципа. Какие у тебя принципы?

Я задумчиво села напротив.

– Я... не ношу юбки выше колена...

– А вчерашнее платье было не в счёт, да? – он перебил, хихикнув. – Извини, что перебиваю, я ожидал тебя увидеть в более открытой одежде, что ли?.. – я странно на него посмотрела, – ну, я имею ввиду, кто будет ходить дома в толстом тёплом свитере, кстати, у тебя тепло очень, и таких хороших штанах.

Штаны у меня были атласные, мне очень нравился атлас, но в город их не наденешь, смотрелись они как пижамные.

– Я.

– Это я уже понял. Про принципы.

– Не ношу короткие платья, не читаю современные книги, очень редко пишу в электронном виде и не езжу на такси.

– Ну про современные книги все понятно, а пишешь ты что?

– Меня очень часто принимают за писателя, только по внешнему виду, но на самом деле я никогда этим не увлекалась всерьёз, слишком мало жизненного опыта.

– Моцарт начал играть в шесть лет.

– Я не Моцарт. И не гений.

– Я ничего не сказал про гения.

Повисло молчание.

– Сахара подсыпать?

– Нет, обойдусь.

Валерий встал и открыл холодильник, протяжно и устало

простонав, не найдя там ничего съедобного.

– Ты ешь хоть иногда?

– После вчерашнего не хочется.

– Сейчас пять часов вечера!

– И что, я могу не есть днями!

– А врачам потом лечи тебя.

– Я патологоанатом, почти...

– Ага, вот именно, что почти. У тебя есть мука?

– Должна быть.

– Значит доставай. С какой начинкой ты пирог будешь?

– Да мне без разницы... выбор не такой большой, есть груши и вишня.

– Два моих любимых продукта.

– Смешаем? – я подняла глаза.

– Смешаем, – заговорщически посмотрев на меня вниз, спустя долгое мгновение раздумий, ответил он. – Может, есть ещё лимон?

– Нет, на такое я не пойду.

– Лимон просто мой безусловный фаворит, я его люблю больше вишни и груши.

У меня была привычка пробовать сырое тесто, пока Валера не видел, я попробовала его кончиком пальца, оно было вкусным настолько, что мне сильнее захотелось поесть готового пирога.

Стемнело. Кухня наполнялась приятным сочетанием совершенно разных ароматов, но выходило просто потрясаю-

ще. Стало теплее, дома было тихо.

– Ты была в Питере?

– Неа.

– А хочешь?

– Не знаю, у меня сейчас планов особо нет.

– Ну как знаешь, я в пятницу поеду к другу на день рождения, дня три мы там точно пробудем.

– А жить где?

– Ну, квартира-то у меня есть.

Он был абсолютно серьёзен.

– Прости за нескромный вопрос, откуда столько денег?

– Родители меня содержат, деньги-то они мне дают, хоть и нехотя.

Я снова задумалась.

– У тебя будет время подумать, можешь хоть в пятницу дать ответ, только утром. Я просто вижу, как тебе в Москве тоскливо, ищешь-ищешь старину, а найти не можешь. За искусством в Питер.

– Ладно, я подумаю. Обязательно.

– Можешь даже не ходить со мной везде, но в 10 нужно быть уже дома.

– Ты предлагаешь мне жить у тебя?

– А ты знаешь другие варианты?

– Множество.

– Нет, ну тогда получается фигня: я тебя привожу, и оставляю на произвол судьбы. Я так не поступаю.

– Из принципа?

– Нет, никогда, потому что ты того стоишь.

– Чего?

– Всего.

Впервые «всего» не звучало, как отмазка.

Я поправила сползшие очки.

– Ты похожа на Велму из «Скуби-Ду», и на Дафни волосами.

– Дафни рыжая.

– Я знаю, но у неё волосы более пышные и длинные, чем у Велмы.

Я ещё не сравнивала себя с героями сериалов и мультиков, руки что ли не доходили.

– Можно посмотреть твои комнаты?

Я встала с дивана.

– Можно, но моего тут не так много. Две из них уже превратились в отдельные музейные комнаты.

Мы вошли в первую, некогда принадлежавшую Алисе. На подоконнике засохшие гортензии, по комнате разбросаны вещи, всюду большие наброски и болеутоляющие. Комната моего друга за неделю-две до его смерти чем-то была похожа. Валерий поднял раскрытую страницами вниз книгу с расправленной кровати. По розовой обложке узнавалась Джейн Эйр. В комнате пахло дорогим английским ароматом, которым она пользовалась по особым случаям, и было холодно, на удивление. Плавающие алые розы, которыми она ко-

гда-то расписала дверцы шкафа, затухли, вряд ли уже зацветут. На столе были раскиданы бумаги, она давно перестала в них разбираться. Я подошла к столу, на нем лежало разбитое небольшое зеркало. Наверное, к суициду она шла долго.

Столько откликов души, молящей о малейшей помощи, не услышанные людьми. А хотела ли она, чтобы их услышали? Она хотела спокойно умереть, не доставляя другим проблем, или ждала, пока кто-то ею заинтересуется? Внезапно меня пронзила боль. Я никогда раньше не плакала, но у меня потептели глаза. На кануне у Алисы появился молодой человек, а я нагло решила к этому придраться, посчитать ее только более глупой. Как отвратно это было, понимать, что она нуждается в помощи, ищет ее в других, и только больше обижаться на неё ни за что и искать минусы. Я почувствовала себя глупейшим и самым подлым существом, никакой Серов, никакие грязные души не сравнятся с этим. Никакая боль от потери дорогого человека не доставит столько слез, как неоправданная ненависть, когда ты слишком поздно понимаешь, что не прав, но сделать уже ничего не можешь!

– Не хочешь тут прибираться? – простой и лёгкий вопрос вышиб меня из слезливого состояния, заставляя мгновенно опомниться. – Я понимаю, это сложно, но нужно выкинуть лишнее, ты не планировала переехать?

– Нет... не знаю, а куда?

– Ближе к работе или центру. Ну или в Питер.

Я не стала отмахиваться сразу. Там и людей достойных

больше, и культурных мест навалом. И белые ночи...

– Я буду думать. Меня и тут ничего не держит, и там никто не ждёт.

– Уверена? – спросил он так, будто знал ответ лучше меня самой. Я поднял глаза. – А как же Гаврилов?

– Если ты хочешь на что-нибудь мне намекнуть, то все мнения ошибочны...

– Нет, ни на что я намекать не собираюсь, просто вы не собираетесь работать вместе?

– В каком смысле?

– Ну, ты дальше будешь сама научной деятельностью заниматься?

– Ну, я ещё не думала над этим, хоть это и важно.

– Подумай хорошо, мне кажется, быть простым патолого-анатомом с твоими знаниями и умениями... грубо.

Небо покрывались комками чёрных мрачных облаков, загораживая зловещие, ярко-красные, почти однотонные участки неба. Это было настоящее злое небо, навевающее и тоску, и страх, и горе.

– Что значит грубо? Ты и о «умениях» моих не знаешь.

– Нет, ты ошибаешься, я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Со слов Гаврилова, – я насторожилась. – Он рассказывал, как легко ты выполняешь действия и задания, которые не под силу большинству студентам, показывал твои конспекты. Меня в первую очередь напряг почерк, я поэтому сначала и подумал, что ты художница.

– И что можно сказать по моему почерку?

Он оперся о столешницу, становясь рядом со мной.

– То, что ты пытаешься что-то скрыть даже от своих конспектов, тебе приходится ломать мировоззрение и внутренний склад ума, чтобы твой почерк не был похож на холодные очерки на пергаменте скрипящим пером однодневным кавалерам, при свете ночной свечи, чтобы не заметили родители.

– Как тебе могло такое извращение в голову прийти? – убить, не убить?

– А что ты хотела услышать?

– Правду, – я отошла к двери со сложенными руками, и закрыла ее легко ногой, – я не боюсь людей и родителей, не боюсь себя и своего мозга, но, видимо, раз ты его не смог понять, я слишком хорошо шифруюсь.

– Ни один человек не стал бы себя так вести.

– Да что ты знаешь?! Ты не терял людей! Они не сбегали от тебя как от огня!

– Может и сбегали... скажи в прямую, кто ты.

Я расслабила руки и опустила голову. Вещи в комнате замерли, я слышала каждое движение в доме, часы остановили свой ход.

– Кассандра Эванс, – прошептала я.

– Нет, ты давно ею не являешься.

– Да как ты смеешь!!!

Холодными руками он в сантиметре от своего лица остановил мои потемневшие ладони, под кофтой зубило клеймо.

Я была сильнее, он прогнулся и с попутным ударом головой повалился на пол.

– Убьешь меня – будет ещё больнее!..

– Какой страх перед смертью!

– Смерти я не боюсь, я боюсь чего угодно, только не смерти.

Я с звонким хлопком оставила красную печаль на бело-снежной щеке, он не издал ни звука. Я дотянулась до канцелярского ножа со стола и села рядом. Он смотрел на меня холодно и бесстрашно, как гордая куропатка, угодившая в зубы хищника.

– Какой смертью ты хотел бы умереть?

– Минут через 20 ты поймёшь, насколько глупый это вопрос.

Я без замедлений вонзила нож ему в ногу. Он резко втянул воздух сквозь зубы и легко пнул меня свободной ногой.

– Пока ты будешь биться в конвульсиях, я хочу расспросить тебя о том, кто ты, что ты обо мне знаешь, и кто твой источник.

– И все? А причина проявленного мною интереса тебя не интересует?

– Тут все просто, ты в меня влюблён.

Он засмеялся.

– Влюбиться в тебя может лишь полный идиот, не видящий, что перед ним воплощение зла и равнодушия.

– За зло спасибо.

– Ты слишком старомодна, никто сейчас не любит.

– Но ты же любишь.

– Я наёмник. И всего-то, – ответил он.

– Раз так, смотри, не сболтни лишнего, мне будет интересно в этом разобраться после твоей смерти.

– Ладно. Я надеялся, что все будет исполнено ещё там, где все началось, но планы изменились. Я был против, но с нанимателем шутки плохи, он сказал тебя увозить.

– Насколько был продуман ваш план?

– Я наёмник высшей степени, я просто беру заказ, выполняю дело и забираю часть души себе, если одно из условий не соблюдается – я нарушаю свои условия, и тогда уж наниматель одним демоном не отделяется.

– Так ты демон!

– Я не люблю, когда меня так называют. Демоны перестали быть такими, каких ты их помнишь, поэтому я решил принять человеческую жизнь с полным букетом: боль, физика, деградация, тело. Я ко многому не был готов.

– Само собой. Как тебе удалось стать человеком?

– Это новая техника, ты привыкла поедать души без остатка, но их можно ещё и ставить на пустующее место. Другие вампиры будут определять тебя как человека, ты будешь чувствовать эмоции, в общем, не отличишь от обычного человека. Нужно просто найти самую вкусную душу и жить с ней. Но это такая морока!

– И все на вечере были такие?

– Да. И их пьянство в мой план не входило. Для исполнения нужна была абсолютная сосредоточенность всех присутствующих.

– Нежить, а в руки взять себя не может.

– Должен сказать, я восхищён тобой.

– Учти, что вся лесть не отделит тебя от смерти.

– Хочешь испытать мою силу? Давно ты в Небытие была, а?

– Ну, ты сейчас хотя бы обездвижен.

– Мало что это даёт, – он сел, болезненно подтягивая ногу и вынимая нож.

– Как твое имя?

– Я привык к земному.

– Это мое самое нелюбимое имя.

– Граф Мэдоку Симидзу.

Я с силой ударила его в плечо.

– Ты драл меня да косички в пятнадцатом веке до их эры!

Мэдоку засмеялся, хоть и болезненно.

– А теперь откуда ты знаешь, кто я?

– Наниматель мне все про тебя рассказал.

– Интересно, все музыканты – скрытая нежить? – я помогла ему подняться.

– Не знаю, все ли, но виолончелисты большинство.

– Черт.. горелым запахло.

– Не била бы меня – ели бы нормальный! – крикнул он мне в спину.

Подгорел он не так сильно. Я сидела и смотрела на Мэдоку с перевязанной на несколько раз ногой, с аппетитом поедającego подгорелый пирог. Подгорел он только в середине, есть можно было.

– Ты чего не ешь?

– Ты совсем не изменился.

Он закатил глаза.

– Ты сама сложность.

– Ты знал меня до пяти лет. Что ты мог понять и рассмотреть в пять лет.

– Мальчикам не нужно быть взрослыми и осознанными, чтобы любить красивую девочку.

– Ты считаешь, я красивая?

– Была, пока тебя родители одевали. Сейчас в отрепьях каких-то ходишь.

– Сам-то. Знаешь, как тяжело сейчас нормальную одежду найти.

– Ну, в платье ты была красивей.

Графа Мэдоку я знала с первых встреч, он был первым из демонов, кто решил играть со мной, Клод всегда был с ним в хороших отношениях, и даже когда их семья перестала появляться в высшем обществе, они продолжали переписываться. Мэдоку ушёл как-то внезапно, я была слишком мала и глупа, чтобы заметить и почувствовать его отсутствие. Через время я вспомнила его, и поняла, что все-таки мне его не хватало.

– Есть средневековые. Ну, они типа средневековые. Люди сейчас имеют ну очень смутное и неверное представление о средних веках.

– Ага. История такая лживая. Ты замечала?

И тут он начал. Останавливать его не было смысла, да и к тому же, он обидится. Оставалось слушать и поддакивать. Демоны – странный народ. Не были они приспособлены к обществу, потому и ушли, но не в ад, в аду их никогда не было, ад забрали ангелы, а демоны пошли в свет, к людям. Можно даже сказать, они были первооткрывателями для нежити.

– Мы недавно нашли твоего младшего брата.

– Джонни что ли? Сопливая марионетка, никогда не верила в него.

– Он сейчас в Японии, и дело семьи Эванс, как я понимаю, потеряно навсегда. Вы с Клодом были последними нормальными детьми.

У меня сжалось сердце.

– Как думаешь, он предатель? – спросила я.

Мэдоку пожал плечами.

– Пока оставим эту тему, я не готов об этом разговаривать.

– «Пока»? Что значит пока?

– Хватит к словам придирааться. Садись и ешь, а то взяла моду одним мясом питаться.

Я в голос засмеялась, но к пирогу так и не приступила.

– Я так рада, что ты оказался демоном, а то уж очень странно, что у студента-музыканта такая хорошая машина и

квартира в Питере.

– Ага, а ты как в трехкомнатной квартире оказалась?

– Это все Алиса, ей мама помогала, вроде. Но я сомневаюсь, что она была кем-нибудь из нежитей.

– Да нет, не могла, следов было бы слишком много для нечисти, – потом, почти не думая, он заявил, – поехали в Питер.

– Вот так сразу?

– Да. Инициатива в моих руках, наниматель будет ждать, пока я приведу тебя ему.

– А зачем я ему?

– Ну, я скажу лишь то, что твое существование не стоит под угрозой.

– Ну, мое существование никогда не стояло под угрозой, – я нервно посмеялась. Мэдоку молчал. – Или стоит?

– Ситуация сложная, стоит под вопросом не твое существование, а другого, более значимого человека, скорее всего, он умрет.

– А я чем могу помочь?

– Ты или отдашь ему одну достойную душу, или заберёшь его к себе, поставишь на пустующее место, так сказать, – он изобразил кавычки пальцами.

Я понимающе кивнула.

– И как долго ты можешь гулять?

– Если я затяну, мне напомнят, но я не хочу с этим долго возиться.

– Что сделаешь, когда закончишь?

– Не знаю пока, как пойдёт, может, останусь у нанимателя.

– Он настолько достойный человек?

– Жизнь полна сюрпризов, поверь мне, я прожил шестьдесят пять жизней от и до. В одной даже убил сестру... набор генов был плохой.

– Ну да, само собой.

– Так ты поедешь?

– Не знаю, – я потянулась, – ехать долго, да и вряд ли на машине. Да и дела у меня незаконченные есть.

– Да какие там дела, Гаврилов тебя полгода трогать ещё не будет, а я тебя с семи лет не видел. Знаешь, как тяжело среди людей, которые никогда тебя не поймут и даже не захотят, когда ты был предан семьей, всеми, кто тебе был дорог и самим собой? Я был очень рад, когда узнал, что буду иметь дело с тобой. Так рад, как не был никогда за всю сознательную жизнь.

– Ты так говоришь, будто я твоя родственная душа, души не имея.

– Кто научил тебя не верить?

– Семья. Я – их самое большое разочарование, подававшее самые большие надежды. Ты не знаешь, как там мама?

– Нет, ни с кем давно не связывался. Поехали, пожалуйста. Я так не хочу сидеть тут. Ещё советую тебе это все сжечь.

– Как-нибудь в другой раз, когда будет теплее.

– Ждешь, пока они начнут преобразовываться в материю?

– Ни разу такого не было.

– Мне-то ты не рассказывай. Ладно, как вернёмся – от всего избавишься.

– А когда мы вернёмся?

– Ну, времени у нас много, но не настолько, чтобы говорить «когда захотим», жить у меня вечно ты не можешь.

– Ты все ещё можешь меня убить?

– Если ты про ограничения, то они не действуют, я тебе больше скажу, разным видам теперь можно кровь смешивать, а жить подавно.

– Демократия, – ответила я недовольно. – Брать что?

– Одежды много тёплой. Вряд ли у меня дома тепло сейчас будет.

– Погоди, а как же твоя учёба, отчисление?

Он улыбнулся.

– Не учусь я нигде, это для вида было, а все струнные инструменты я ещё в 15 лет освоил.

Определить человека можно по одному простому вопросу: «ты спасёшь предателя, или того, кто предаст тебя?». По самому ответу решаешь сам – нужен он тебе или нет, здоров ли он, болен ли? Очевидно, так можно легко определить внутренний конфликт, борется ли человек, забыл ли он, злопамятен, или наоборот, очень дальновиден, умен, и не любит быть обиженным.

Ночь. В машине играет душераздирающая музыка, давно затерянные мелодии, растворившиеся в резвом потоке перемен.

Мэдоку молчал.

– Меня пугает твое молчание. Над чем ты думаешь?

– Над тем, что все мы выдумка одного человека, а схожие черты характера в людях из-за того, что у него не хватает на всех фантазии.

– Ясно.

– Ты платье взяла?

– Надо было?

– Ну, ты хоть какое-нибудь взяла? Друг-то у меня реальный, и день рождения будет тематический, 19-ый век.

– Ну, брала что-то. А он тоже вампир?

– Нет, больше двух друзей-вампиров слишком много. Они тебя порвут в конце концов.

– От ревности?

– А ты сама-то часто ревнуешь?

– Ещё не было.

Он кивнул:

– Это пока.

Мэдоку сменил скорость.

– Какие из острых ощущений тебе нравятся больше?

– Убийства в людных местах.

Фонари освещали трассу. Это был прямой путь от Москвы до Питера, самый удобный и, наверное, веселый из вариантов.

– Расскажи.

– Однажды я убила ученого на конференции, он сидел, а я была сзади, сделала аккуратно прокол, и через полчаса он был готов. А какое у тебя самое эпичное убийство?

– Ты уверена, что хочешь знать? – это было предупреждение.

– Ты считаешься со мной?

– Берегу твою психику.

– Или готовишь к чему-то.

– Или это. Я сам не знаю. Я стратег только когда дело касается работы и тёплых душ.

– Вот так просто... тебе не кажется, что ты слишком дешево себя продаёшь?

– Нет, не кажется, я слишком хорошо и чисто делаю свою работу. Узнаешь, когда дело дойдёт до финала.

– У тебя и термины литературные?

– Зачем? Музыкальные.

Совсем скоро мы въехали в город. Мне даже показалось, что до квартиры мы ехали дольше, чем от Москвы до Питера. В квартире, как и ожидалось, было холодно.

– Я сплю на диване, – сразу заявила я. Мэдоку посмотрел на меня так, будто видел впервые.

– Тебя никто и не приглашал, от тебя ничего кроме холода и отмороженных ног не дождёшься.

Я не стала отвечать.

Единственный диван стоял посреди комнаты между спальней и кухней. Интерьер был авторским, составленным по кусочкам на протяжении всей жизни в квартире. Не сказать, что граф жил бедно, было две комнаты, просторная спальня вмещала в себя и кровать, и большой рабочий стол, три книжных полки, один стеклянный книжный шкаф, в общем, совмещала и кабинет, и спальное место. Во второй комнате стоял шкаф, который Мэдоку упорно называл платяным. Кухня была простой, но невзрачной ее назвать было нельзя, в ней чувствовалась неидеальность человеческой души, лёгкие пороки, вопросы, слабый отпечаток одиночества. Несмотря на всю простоту без ярко выраженных отметин богатства (а он мог), кухня, да и вся комната в целом смотрелась неплохо, из-за порядка, мягких приятных оттенков мебели и вещей. Мэдоку, может, и не лучший человек, но об обустройстве дома и убранстве он мог позаботиться.

Я долго не могла заснуть. На потолке отражались ровные и гладкие ветки старого дуба, едва достающего до окон второго этажа, он ещё вырастет. Ветер слегка колыхал его и без того подвижные ветви, казалось, они все мелко подрагивают.

Розоватый свет от фонаря нежно ложился на потолок, трещинами покрываясь от тени веток. Такую красивую тень я видела впервые в человеческом мире. Потом я поняла, что

дело в старом потолке. Суть квартиры не в том, что она двухкомнатная, а в том, что в нем высокие потолки и обои с прошлого века. При свете ночи было трудно понять его старость, но уже оказавшись внутри можно было все почувствовать.

При свете утра, когда я проснулась от звука убегающего с плиты кофе, комната казалась ещё более уютной и тёплой. Небо было мутным и тёмным, ближе к кухне даже горел свет.

– Я не хотел тебя будить раньше времени, – на Мэдоку были какие-то молочного цвета хлопковые штаны (а ещё сам меня ругал за внешний вид) и красный атласный халат, напоминающий кимоно, – будешь кофе?

– Неси сюда.

Он принёс вместе с молоком в отдельном приборе, с сахарницей, и туркай. Он всегда был идеалистом, и страдал от этого. Это одно из многого, что я поняла из писем, которые мне читал Клод, причём, неохотно, и я понимала, почему.

– Ты будешь философствовать?

– Да, – ответил он так, будто бы хотел начать, садясь напротив в позе лотоса. – А ты что-то имеешь против?

– Нет, просто в последнее время философии в моей жизни очень много.

Мэдоку посмотрел на одеяло.

– Ты как под одним пледом спала? Я под одеялом в кофте замёрз.

Я пожала плечами, будто для меня это было естественным.

– Куда пойдём?

– Туда, где минимум людей. У тебя есть такие места?

– Некоторые галереи, маленькие музеи, библиотека.

Смотря, как ты собираешься меня анализировать, – он по-
лился на меня посмотрел.

– Ты не представляешь для меня угрозы, зачем мне тебя
изучать? Ты же сам настоял на том, чтобы вместе провести
время.

– Я этого не говорил.

– Но ты хотел.

– Если ты будешь так со всеми спорить, то никогда не вый-
дешь замуж.

– Я не собираюсь замуж за кого попало, да и поздновато
уже, не думаешь?

Он помолчал.

– Все должны искать себе подобных, люди – людей,
нежить – такую же нежить. Не должен вампир не по своей
воле приходить в мир людей и следовать их правилам.

– Кого ты ругаешь, а кого оправдываешь?

– Оправдания – это не мое. Я никогда этим не занимаюсь.

Вообще, я, как исполнитель, всегда на нейтральной стороне,
но иногда могу встать на сторону жертвы, очень редко, когда
это подросток или женщина.

– Демонам легче анализировать людей, я просто этим не
занимаюсь. Мое дело маленькое. Убить и раствориться.

Мэдоку не стал ничего отвечать, долго смотря в точку и

опершись головой о спинку дивана.

– Почему ты хочешь именно в безлюдное место?

– Я слишком давно не вела себя естественно, в мире людей это слишком дико.

– Ты хочешь заедать йогурт чипсами и читать Гоголя на китайском? – Мэдоку подавил смех. Ничего смешного я не видела.

– Нет, не совсем.

Многие неприемлемые в человеческом мире вещи были естественными для быта вампиров: они дарили серебряные украшения детям до десяти лет, дамам забальзамированные запястья земных красавиц вместе с перстнями и браслетами, а господам глаза грешников, которыми они в последствие играли в бильярд. Отвратительнейшие обычаи, я ненавижу серебро, и не нравится оно мне начало задолго до того, как мой туалетный столик стал трещать от количества колец, ожерелий и браслетов из чистого серебра.

Завтрак в поместье вампиров не начинался, пока не придут все члены семьи. Детям на завтрак подавались невкусные тягучие каши, от которых мутило при одном лишь взгляде, малиновое варенье тем, кто отличился на неделе (хорошо или плохо – догадывайся сам), это было как чёрная метка, по крайней мере, для Клода, не было ни дня, когда он не ел бы малины, и причина всегда была видимой.

Каждый ребёнок после 7 лет съезжал от старших, и жил в своей комнате, ему предоставлялись горничные и гуверне-

ры, редко няни. У меня была милая шестнадцатилетняя девушка необычайной красоты, непонятно каким образом попавшая в рабство и подаренная нам семьей Тиффанс. Мелоди была со мной всегда, сколько я себя помню, она была мне милее родителей, помогала нам собирать вишню в саду... а потом ее внезапно не стало. Из-за провала в памяти, возможно, спровоцированного родителями, я не помню, куда она делась.

– Поехали на метро, сегодня на улице тепло.

Я пожала плечами.

– Смотря куда мы поедем.

– Где-нибудь пошатаемся, есть классный район, где много интересных магазинов и пекарен, там же и петровские улицы, старый Питер, короче, тебе понравится.

– Если не понравится – я тебя съем.

Он просмотрел на меня, чтобы убедиться, что я не шучу.

– Договорились.

В метро было много студентов, не знаю, куда они пытались успеть в 10 часов, у каждого тут свой распорядок дня. Сравнить два города было не в моей власти, я слишком слабо и расплывчато оценивала индивидуальности и тонкости мироздания двух столиц. В обоих можно было найти уют с правильными людьми.

– Где шапка? – прошептали мне в ухо весьма угрожающе, что шум метро стал более тихим и блеклым.

– Дома.

– А лодыжки почему голые?

Я боялась поднимать глаза.

– У меня нет других штанов.

– Значит пойдёшь и купишь себе нормальные.

– Хорошо.

С демонами шутки плохи, особенно когда они видели тебя с измазанным в сливочном креме ртом и с неправильно надетыми туфельками.

Когда мы вышли, я сказала:

– Вообще-то я не чувствую холода.

– Это пока.

– А ты видел людей, которые в -2 носят шапки?

– Влажность воздуха высокая, поэтому холодно. Ещё немного и сопли до пола будут.

Я прыснула.

– Это от кого у тебя такое?

– От Гаврилова.

– При мне он так не краснословил.

– Он и не так может.

Хуже всего на людей влияет общество. В нем они становятся фальшивыми, глупыми, безразличными. На Мэдоку это не распространялось, он был намного выше людей чувствовал своё превосходство над ними, поэтому никто не вступал с ним в конфликт, даже когда очень этого хотелось.

Тонконогое шебутное создание в узких чёрных джинсах и легкой куртке встало прямо перед ним в очереди за горячи-

ми панкейками, делая лисье лицо, демонстративно не замечая нас. Губы бариста вытянулись в тонкую полоску. Готова поклясться, у Мэдоку лицо было проще, чем у этого парня.

– Два капучино и пончик с корицей, – пропищала травинка.

– За капучино в ларёк пойдёшь, у нас тут «Markov», а не «Кузина», – ответил железным голосом бариста.

– Так сложно сделать кофе? – вспыхнул тогда мальчишка, всплеснув руками. Тут вмешался Мэдоку, я с интересом смотрела на все происходящее:

– Ты чего-то не понял, или ждёшь, пока тебя выведут отсюда? – ах, вот это волны ярости, нечеловеческая сила!

– А ты вообще кто?

– Ну, видимо, тот, кто тебя выведет.

Вывел. Все с интересом смотрели, как бледноволосый, вмиг ставший сильнее в разы музыкант эпично и без наводящего страха выводит жалкое создание за стеклянные двери ресторана и чуть ли не кидает в лужу, но зная Мэдоку, слова, которые он произнёс напоследок, не оставят травинку ещё долго.

– Спасибо, – отозвался добродушно бариста.

– Обращайся, – он произнёс это так по-взрослому, как говорят настоящие мужчины, с такой манерой, будто бы были давно знакомы.

– Не советую есть на террасе, скоро будет дождь.

Я удивилась.

– Он не каждому так говорит, – объяснил Мэдоку, – это сын владельца, он редко встает за кассу, но сегодня, как видно, особенный день.

– Тем, что ты выпроводил травинку?

Он посмеялся.

– А почему травинку?

– Ну, волосы-то зеленые.

– Зелёные, как сопли.

Я прыснула.

– Верно подмечено! Ты меня впечатлил.

– Чем?

– Своей похожестью на Гаврилова. Он бы сделал также.

Мэдоку помрачнел. Не хотел он быть похожим на Гаврилова.

– Увидела, какие теперь настоящие демоны?

Я подняла на него взгляд, судя по смешку, он был очень говорящим.

– Волны не от меня исходили, а от него. Жалкое демоническое отродье, так и не смогшее найти своё предназначение.

– Как мерзко.

– Мерзко. Знаешь, что ещё мерзко? То, что они сделали это за несколько столетий. Ангелы свергли власть не так давно, совсем недавно, и за все время, что черти провели на Земле, они успели зарыть все, что у них было.

Я помню, как из моей юношеской жизни резко ушли демоны, балы стали устраиваться реже, народу на них было ма-

ло. Демоны очень следили за своим благородием, всегда были опрятны, кротки, и, в общем, достойны уважения. То, что произошло с ними сейчас, вызывает жалость к тем, кто тянул их род к хорошему положению в обществе. Каждая семья, каждый род, каждый именитый бес стремился оправдать честь демонов в глазах другой нежити, они работали над собой, ломали повадки и характер, чтобы наконец-то быть оценёнными, быть наравне с другими высокопоставленными личностями, но, видимо, зря. Демоны были не теми, какими мы привыкли их представлять, они всегда знали себе цену, их внешний образ заслуживал уважения, они давали себе несколько больше свободы, чтобы раскрывать в себе красоту, которой боялись вампиры, вся красота была в них. Их острый разум, умение поддержать любой разговор интересной гипотезой, литературными знаниями, собственными предположениями, которых боялись другие, вот, что делало их выше вампиров, и вот, за что их не любили. Семья Мэдоку не была исключением. С ними очень плохо обошлась моя семья, однажды моя мама сказала маме Мэдоку, что их младшая дочь Кики в заношенном платье старшей сестры, намекнув на бедность. На тот момент у моей мамы было шесть детей. Шесть. Она никак не могла собрать их около стола и навести в них порядок, а ещё она постоянно забывала их возраст, это было самым обидным. Вообще примечательного в ней было мало, красота, да и только, не знаю, чем думал мой отец, когда женился на ней. Вряд ли его спрашивали. Тем

не менее, у миссис Симидзу было всего трое детей, но зато с ними можно было поговорить явно о большем, чем с той же Скарлет. От Таками я была без ума. У неё были теплые бархатные руки, а больше я ничего о ней не помню. Мэдоку я помню в серебристом костюме, маленького, с чёрными волосами, немного длиннее положенного. Мне уже тогда был мил его вид и нрав.

– Твоя мама была красивой моей.

Мэдоку поднял глаза. Он не стал ничего отвечать, потому что был расстроен, и ведь было очень сложно угадать, чем именно. Воспоминания крыли его разум слишком часто, ещё немного, и он может треснуть. Он очень много думал, о многом переживал и расстраивался. Он жил нехотя, все жалея о прошедших временах. Это была единственная слабость, которая меня в нем напрягала. Которую я смогла разглядеть.

– Умнее, не больше, – ответил он, закончив с панкейком и поднявшись с места. – Пойдём, я покажу тебе одно интересное место.

На улице стало немного теплее, хотя было ещё зябко. Погоду Петербурга можно было описывать бесконечно, на разный лад, разными фразами и словами, ведь это же Питер, город дождей.

Мы зашли в небольшой отдел на большой улице, вывеска и витрина мне понравились сразу. Внутри в нос ударил запах старости, который, о Боже, пах ностальгией.

– Иди за мной.

В магазине старого француза-реставратора было мало людей, Мэдоку вёл меня сквозь узкие проходы старой хрупкой, никак не ветхой и не гнилой, мебели, обходя быстро шкафы и диваны. Он резко остановился, и я уткнулась в его пальто.

– Тише ты, – шикнул он мне.

Я вышла вперёд. У стены стоял полосатый диван, внутри были пружины, ставшие упругими со временем. Едва выцветший полосатый материал, фигурные ножки, покрытые лаком.

– Такой стоял у доктора Тангенса в кабинете. Вернее, не такой, а он.

Я обернулась.

Доктор Тангенс знал, как лечить все болезни, ставил протезы, делал пластические операции, а все потому, что имел хорошую связь с внешним миром и был тут чуть не доктором наук в медицине. Я лечилась у него, когда была эпидемия ангины, с виду он неприветлив, но с детьми очень даже ладил.

– Как?..

– При транспортировке украли. Он на тот момент почти полностью переехал на Землю. Все же живой.

– Ну ещё бы!

Я прикоснулась прохладной поверхности деревянной ручки, будто бы и не было всех этих лет.

– В городе такого все меньше. Люди забирают, реставрируют, перепродают, украшают этим дома, ломают... – он по-

смотрел на меня, – безумие – помнить такое?

– Безумие, – подтвердила я тихо.

Мэдоку зашагал молча прочь от магазина. У меня складывалось впечатление, что со мной он расстраивается лишь больше, через некоторое время сказала ему об этом, на что он ответил, что ему просто не с кем было грустить.

– Неужели у тебя совсем нет друзей?

– Кстати, про друзей. Мы же в пятницу идём на бал. Скажи, как давно ты была на балах?

– Достаточно, чтобы забыть сколько слоев юбки носят на званый ужин.

– Тогда все нормально. У меня есть одна знакомая швея, у неё своя мастерская и много ассистентов, она может сшить шикарное платье или костюм в старом стиле за день. Удивительная женщина. Сейчас или после библиотеки?

– Э, сейчас, наверное. Это далеко?

– Пройдёмся пешком?

– Если ноги не сотрём, то можно.

С Мэдоку сложнее, чем с Клодом. Мысли о брате вообще стали для меня чем-то новым с появлением Мэдоку, я словно поняла, как давно не думала о нем всерьёз, лишь образно, как изменилось мое видение, как повлияло на него мое мизерное окружение и все слова Мэдоку. Думаю, он может знать больше, чем я, но почему ничего не рассказывает – другой вопрос. Немного поразмыслив, я поняла, что забыла Клода, за все то время, что я не пыталась оставить его

в памяти, он просто растворился. С Мэдоку сложнее было потому, что он не был мне братом, он был не больше, чем другом, с которым мы когда-то общались. Только сейчас мне стала странна его реакция, поведение, все-таки, он необычный. Стал бы кто-то другой, увидев меня не так много раз, радоваться мне, о чём-то предупреждать, водить по своим любимым местам? Вряд ли это сделал бы и сам Клод. И тут возникает вопрос: сравнима ли любовь брата, почему-то оставившего тебя, не сказав ни слова, и симпатия не боящегося любить демона, который нашёл тебя, взялся именно за твое дело, встретившего тебя после стольких лет так тепло? А может быть, все снова лживо, и я в шаге от того, чтобы опуститься ещё ниже, стать еще более ничтожной из-за обмана? Не каждый здравомыслящий человек стал бы доверять демону. Но с другой стороны, я сильнее... нет, дело не в силе, а в чести, в том, о чем я редко задумываюсь. У Мэдоку она была, это я прекрасно знала, поэтому, думаю, я могла ему доверять.

Удивительно чувствовать окрыление от того, что доверяешь нежити в мире людей, так много думаешь и рассуждаешь, легко сломаться.

Внезапно я снова ударилась о Мэдоку. Пальто у него всегда было тёплым.

– Ты отстала на два метра. О чем так сильно можно думать, чтобы не замечать, куда ты идёшь?

– Сам-то как думаешь?

– Я предпочитаю не думать. И тебе тоже не советую, – и двинулся дальше. – Мы почти пришли.

Дома вокруг стали меняться, становиться более современными.

В тёмном павильоне на втором этаже с черно-белой плиткой было темно и тихо.

– Она придёт? – прошептала я.

– Не знаю.

– Нет здесь никого! – донёсся раздражённый крик с другого конца комнаты. Я вздрогнула. Послышался стук каблучков. Блондинка в широких очках с тонкой оправой, широких джинсах и до ужаса старой и растянутой кофте, что виднелись плечи, вышла из-за вешалок с плотно висящими костюмами и платьями в аккуратных упаковках. – А, это ты, – она мельком глянула на Мэдоку, потом на меня, голос у неё был приятный. – Чаю хотите?

– Нет, мы сразу к делу.

– Внимательна, – она сняла очки, и без очков она была милее.

– Нужно средневековое платье для дамы.

– Цвета?

– Слоновая кость и седая сорока.

Швея ухмыльнулась уголком губ.

– Я бы взяла цедру апельсина и кофейный взгляд.

Они начали говорить на каком-то неизвестном мне языке.

– Значит договорились?

– Ага. Цена?

– Тридцать.

Она прыснула.

– Шутишь?

– Нет, – Мэдоку оторопел.

– Пятьдесят по старой дружбе, и если ты отдашь мне модель, – она кивнула на меня.

– Это не модель! Это заказчик!

– Вегетарианцы разделяют свинину и говядину?

– Ужасная.

– Жмот.

Я села за столик в углу.

Они ещё долго о чём-то спорили, но потом пришли к общему мнению и разошлись.

– На сколько вы согласились?

– Это не важно. Твои родители продали няньку, чтобы купить тебе платье.

Я очень сильно обиделась. Мэдоку начинал вызывать у меня подозрение. Подозрение было у меня в крови, я не могу относиться нормально к людям, и не ждать от них подвоха, хоть он и не человек.

– Какой момент ты считаешь переломным? – вдруг спросил он меня.

– Смерть Серова.

– Не появление Гаврилова?

– Сначала умер Серов, потом появился Гаврилов.

Мэдоку подумал.

– Хочешь поговорить о твоём друге?

Я пожала плечами.

– А что о нем говорить, я уже почти ничего не помню.

– То есть, он не был особенным?

Начинался дождь, крыша библиотеки уже виднелась за деревьями, холодало.

– Нет, не был. Это не имеет значения, его душа досталась дьяволу.

Я не знала, зачем Мэдоку знать про этого друга, но скрывать от него что-то было глупейшей ошибкой, он все равно рано или поздно, от меня или через других людей узнает, как было все на самом деле.

Мэдоку выбрал самый безлюдный угол в библиотеке, там, по крайней мере, было тепло, взял какую-то старую зачитанную книгу, и сел, как ни в чем не бывало. Я надеялась, что он хотя бы расспросит меня про друга, но все оказалось ещё хуже, теперь он, возможно, залезет мне в разум, прочитает мои заметки, узнает то, о чем я, возможно, могла бы умолчать. А опасность может крыться даже в изложении мысли, в том, как я могла бы подать ему это, и что он может увидеть в моей голове. Демонам не составит труда до сатаны достучаться, если им что-то нужно.

– Совсем не хочешь про него ничего сказать? – испытывающе посмотрел на меня Мэдоку, откладывая книгу перед собой.

– А что я могу сказать? – я не нервничала, сдерживала волнение. – Он был неплохим, но как жертва – лучше.

Когда во мне заговорили первые человеческие черты характера, это заставило меня напрячься, но я даже не могла предположить, как глубоко в прошлое это заставит окунуться. Мне нравился Мэдоку даже из писем. Нравился его темперамент, манера, которую он не спешил скрывать, особенности характера, изъяны в нем, которые в вампирском обществе считались дурным тоном, за который шло сравнение с демонами (в такие моменты очень сложно понять, да и потом тоже не легче, поступил ли ты правильно, отказываясь от общепринятых правил, принимая философию совсем других существ, не пользующихся авторитетом среди родителей и взрослых. Этот вопрос очень долго меня мучал, и продолжает делать это до сих пор, но я пришла к выводу, что это случилось бы все равно). Один факт того, что я испытывала симпатию к демону, то, что он демон, меня не особо волновало, одновременно и пугал, и радовал, и доставлял удовольствие. Тогда, капля боязно существовавшего во мне тепла, была совсем незначительной, чтобы ее заметить, мне потребовалось время.

Его письма пропахли страхом, на который не очень-то хотелось обращать внимание, бархатом, серебром и нежным парфюмом матери, густо перемешанного с любовью. Демонов осуждали за чувства. Они и демонами-то и не были, просто любовь считалось пороком. Милые добрые существа, вы-

зававшие зависть вампиров тем, чем те не были наделены. Глупо и обидно. Обидно, потому что я всегда, ну, часто, питала пустые иллюзии о благородности и справедливости моего рода, но они были слабы даже в своём предназначении.

Мэдоку мне нравился, хоть я и знала, что мы никогда не увидимся, да и не нужно было. Запретные желания лучше не поощрять. Этот секрет мне пришлось зарыть глубоко в землю, иначе он погубил бы меня. Тогда мне со многим пришлось смириться, слишком со многим. В то же время ушёл Клод, а затем полный холод ко всему, равнодушие, и сплошной чистый горизонт. Источник, который невозможно потревожить.

Мэдоку уставился на меня не с удивлением, больше с интересом.

– Если бы я была рыжей, ты бы на меня так же смотрел?

Он смущенно посмеялся.

Ирония была в том, что чувства во мне стали пробуждаться с новой силой, и я знала, что меня это погубит. Как только ты теряешь бдительность, можно считать дело проваленным.

Мы долго ещё сидели молча. Мэдоку перевернул страницу с загнутым уголком и сразу передал мне.

– На, почитай отсюда, – он показал мне пальцем со второго абзаца.

Состаренные страницы пахли лимоном, обложка была обтянута тканью. Он читал ее не в первый раз, судя по тому, что отметка карандашом и загиб на страницы были сделаны

в разное время. Я начала читать:

«Всем идиотам, которые говорили, что школа делает из людей идиотов я позволял себе плевать им в лицо. Идиотами делали американские школы, где учителя не думали об образовании детей, преследовали свои какие-то странные цели, грезили о чём-то постороннем, что, конечно же, недопустимо. Школу с недавних пор принято считать местом отвратным, где всех косят под один шаблон, но происходит это далеко не в каждой. Школа – это коммуникация, это первый большой мир, в который попадает ребёнок, будущий человек, где для хорошей жизни есть все условия: соперничество в умеренном объеме, отличное образование, подготовка к дальнейшим учебным заведениям, общение, общество, которое ищет намеренно в каждом отличительные черты, которые не нужно зарывать в землю. Никогда нельзя пренебрегать учительским трудом, он бесценен. Учитель выигрывает войну, я так скажу. Те сорок минут, что даются на посвящение ученика в необыкновенный мир отдельного предмета, дарят невероятное чувство, полное погружение в тему, искру, которой стоит добиваться. Искра передаётся от учителя, если преподаватель ее не даст, ответной искры ждать нет смысла. Учителя – первые рассказчики, никакие писатели, журналисты, публицисты не сравнятся с умением подать трепещущему уму захватывающий материал так, чтобы он заинтересовал, зажег, дал толчок. Если ему это удаётся, то это достойно уважения.

Учителя не заслужили неуважения, как люди, открывающие мир, могут терпеть нелюбовь и унижения, что ещё страшнее. Это самый честный и искренний труд, где все зависит от амбиций, желания и резонов делать это каждый день. Не ради денег, всемирной позорной славы или завоевания чьего-то доверия, любви, внимания... это самые честные и бескорыстные люди, которым взамен многого не надо.

Школа относится к тем местам, где проверяется каждый, насколько кто силён духом. Люди там разные, слабость заработать легче легкого...»

Мне все стало ясно еще на середине страницы. Я дочитала до отметки и усмехнулась, передавая книгу обратно.

– Не слишком ты шифруешься.

– Нет, почему, для 98-го года же нормально. Последний год жизни Дмитрия Жуковского и год рождения Валерия Кравцова.

– На мой взгляд это самое что ни на есть субъективное мнение. Не особо все обосновано, не удивительно, но не пошло дальше городской библиотеки.

Мэдоку ужасно обиделся, но не подал виду. Не скажу, что мне хотелось его обидеть, мне просто нужно было что-то сказать, а из учителей я знала кроме Алисы и Марины только домашних гувернеров, и хуже них людей я не встречала. Хотя, они людьми-то не были, но это не помешало им оставить ужасный отпечаток у меня на душе.

Домой, уже под вечер, мы ехали молча. Холодный одно-

тонный закат сковывался над крышами домов района, уже ставшего для меня родным. Мы купили острой пиццы и мохито со льдом из пиццерии напротив. По словам Мэдоку, это заведение настолько старое, что он ел тут подростком в 76-ом году.

В квартире было тихо. Мэдоку глухо тыкал мышкой, смотря в экран ноутбука. Я старалась не издавать лишних звуков. Чтобы не мешать ему и не нарушать идиллию. Думая, что он меня не видит и не слышит, я решила зайти в его комнату. Смысла в этом не было, но мне хотелось испытать экстатическое наслаждение, зайдя в его личное пространство, контролируемое украденной душой. Но ничего особенного я там не увидела и даже не почувствовала. Душу Мэдоку можно было увидеть лишь под призмой призрачного света, которую он создавал демоническим характером, привычками, даже настроением. Душа была непостоянной, вредной, сухой, но это был самый безопасный из вариантов. Во всем многообразии душ Питера вероятность встретить абсолютно чистую была меньше вероятности возвращения чумы. Хорошие души были, но, скорее всего, воспитанные, не без своих демонов на поводке. Эксклюзивные, повидавшие такие страдания, что научившиеся сдерживать себя с таким обманом, что удавалось обмануть даже пожирателей душ. Такие не очень хотелось брать для себя, нужно было что-то повкуснее, поспокойней.

Я скоро вышла из комнаты и села на диван. Мэдоку в но-

утбуке не занимался ни чем годным, терял время.

– Я знаю, что ты думаешь, – сказал он, монотонно, не отвлекаясь от экрана.

– Что? – секунду выждав, спросила я.

– Что я глупый, – он закрыл ноутбук, – может быть и так, честно, Кэсс, мне не хотелось становиться человеком, это ещё хуже, чем быть демоном. Мне не повезло с душой, но за тебя я спокоен. Мой наниматель подобрал тебе лучший из вариантов.

– С каких пор ты за меня так волнуешься? Тебе вообще не должно быть интересно.

– Фу, как скучно, – фыркнул он, я почувствовала усталость в его голосе, которую он, почему-то, пытался всячески скрыть и замаскировать, – я ожидал от тебя более глубокой мысли.

–Ладно. А твой наниматель случаем не Гаврилов? – он кивнул. – А Гаврилов человек?

–Нет, но почти им стал.

–Почему я есть в его плане?

–Ты единственная, кому он доверяет.

Я стала думать. Мэдоку не вспоминал обо мне до глубокой ночи, пока для нас обоих не стало ударом, что оба мы не спим.

– Ты все еще думаешь? – с каким-то ужасом спросил он.

– Частично о другом, – ответила я, глядя, как он насыпает ложку за ложкой растворимый кофе в стакан. – А ты чего?

– Да так, статейки разные читаю, я же в прошлом искусствовед, пока еще давалось тут хорошее образование и можно было сидеть где-то кроме архива.

Я качнула понимающе головой.

Мэдоку глянул в окно.

– Сегодня полнолуние, – цокнул языком он. – Опять мама сниться будет.

– Мне, наверное, тоже.

– Давно дом снился?

– Нет, совсем недавно.

– Почему?

– Вряд ли из-за полнолуния.

Но сна сегодня не предвиделось. Около полутора часов глупого рассматривания советских потолков и ворочанья мне понадобилось, чтобы смириться с бессонницей. Мэдоку не спал, но вести с ним разговоры мне не очень хотелось. Это казалось мне странным, ведь мы не виделись столько, сколько представить страшно, а желания общаться не было совсем. Не знаю, что могло повернуть во мне обратный механизм.

В полусонном состоянии я направилась в ванную, там горел яркий свет, и пахло ментолом. Глядя на уставшее, измученное лицо в зеркало, я удивилась тому, насколько я становлюсь похожей на маму при неестественном свете. Я больше была похожа на папу, чем на маму, хотя большинство детей перенимали от нее лицо и фигуру. Только потом до ме-

ня дошло, что изображение не двигается, а лишь пристально вглядывается мне в глаза, и что в нем не я, а мама. Пышные каштановые волосы незаметно стали черными и гладкими, а черты лица более острыми и затемненными. Она никогда не была красивой, но теперь особенно. Кожа стала бледной и сухой, глаза злыми, доброй ее назвать было нельзя, но тут она этого не скрывала.

Я быстро кинулась к ручке и дернула вниз, но ее будто бы держали крепкой рукой снаружи. Внутри меня заговорила неизвестная прежде паника. Стало душно. Комната манипулировала моими чувствами, они непроизвольно то умолкали, то становились ярче, страх и ужас то всколыхивал мое подсознание, зажимая сердце, то давал разряд внезапной эйфории, взрывал контрастом испуганной радости, забитой тревожно в угол. Я едва сдерживалась от криков, хотя вряд ли кто-нибудь их услышал бы, моим подсознанием кто-то правит, играет с эмоциями, но тем не менее, давать полную волю эмоциям было нельзя. Наконец – тишина. Тысячи голосов и мыслей в моей голове утихли. Я с трудом поднялась с пола, и открыла дверь. Вместо привычной комнаты и коридора в полумраке я увидела до боли знакомую картину: наш семейный гобелен. Я чувствовала себя не ребенком, это был новый сон, открывающий новые возможности и познания, но не факт, что они окажутся светлыми. Это не воспоминания, это новые размышления, взгляды и неожиданности. За моей спиной со свечей в руке стоял Клод. Тот самый,

каким я запомнила его незадолго до ухода. Он стоял и молчал.

– Ты манипулировал мной?

– Если и я, то что тогда? – я не надеялась на ответ, но он все же ответил. Это был слишком явный, продуманный сон, в котором участвовал не один человек. А было ли это сном? Ощущалось, что да. Что меня искусственно в него ввели.

– Тогда я убью тебя прямо здесь.

– Смело, но тогда история не увидит конца, а ты не хочешь быть в этом вечно?

Я усмехнулась.

– Меня втянули в такую дрянь, из которой я еще долго не выйду.

– Почему ты так думаешь?

– Зачем тебе это? – вспыхнула я. – Почему бы тебе просто не залезть ко мне в мозг и не выведать все оттуда.

– Если бы я мог, я давно бы это уже сделал. Некоторые факторы ограничили мои способности, и от вампирского у меня осталось только пыл и жажда крови.

Я фыркнула.

– Меня ждет то же.

– согласишься?

– Куда я денусь, – я села за стол, разворачивая стул к середине комнаты, – я связалась с очень серьезными людьми.

– А не они с тобой? С Мэдоку же у тебя все неслучайно.

Я напряглась.

– Что значит твое «все»?

– То, что ты хотя бы ночуешь в его квартире. Что вы день провели вместе, и он рассказывает тебе о своих делах.

– Это не твоего ума дело. Что ты вообще тут делаешь?!
Где ты?

– Ближе, чем ты думаешь. Я совсем рядом.

– Хватит водить меня за нос! Чего ты хочешь? – не выдержала и завопила я.

– Ты сама себя водишь за нос. А я тебя тут просто информирую.

– О чем?

– О том, что игра скоро закончится. Дело к развязке. Со всем скоро, тебе раскроют все карты, – сказал он где-то над ухом и я выпала в коридор квартиры Мэдоку.

Я не стала дожидаться, пока проснется Мэдоку, и разбудила его довольно грубо.

– Откуда Клод все знает про тебя?! – закричала я, как только он начал подавать первые признаки жизни, просыпаясь от тряски за плечи и моих резких ударов, – Кто ему все рассказал?!

Тому, что я рассказала, он был не рад. Сначала даже не стал ничего пить, разговаривать, только слушал, потом запил несколько таблеток от головы сладким чаем.

– Молодец, что сразу рассказала. Не хочешь пойти, прогуляться, мне надо кое-кому позвонить.

Я не стала возмущаться, за это можно было еще сильнее отхватить, и, быстро натянув джинсы, двинулась куда-то по спящему Питеру. Откуда-то слышался пробуждающий вой сирены, недалеко витал запах сигарет. Не так давно я стала ловить себя на мысли, что если бы я курила, возможно, нервничала бы меньше. С другой стороны, гордость не позволила бы мне, иначе мне пришлось бы принять то, что я становлюсь человеком.

Доходило 6 утра, некоторые клиники, больницы, магазины начинали свою работу. В высотках появлялось все больше загорающихся окон, машины стали появляться на улицах. Я пошарила в карманах, там не оказалось даже карточ-

ки, они были абсолютно пустыми, я даже не взяла телефон, настолько ошалев от сна.

От нечего делать я села на лавочку в сквере, пройдя квартала два, и тут начал идти снег. С сине-черного неба сыпались хрустальные звезды, подгоняемые ветром, из-за чего больно режущие теплое лицо. Я не чувствовала холода, и не замерзала. Снежинки быстро таяли на моем лице. Я вдруг подумала, что хочу поменять цвет волос. У вампиров человеческая внешность зависит от характера, но изменить ее я могу. Правда, на это уйдут деньги, но это не так страшно.

Дома уже пахло завтраком.

– Голова прошла? – спросила я, кидая куртку на спинку дивана, на котором лежал Мэдоку, и пошла на запах подгорающих в сковороде сосисок.

– Нет, – болезненно и тихо ответил он.

Я выбрала менее подгорелые части яичницы и принесла ему.

– Ты звонил нанимателю?

– Да. Он сказал мне ничего не делать и ждать твоих действий.

Я посидела с минуту.

– А что я должна сделать?

– Я откуда знаю, тебе же Клод снился. Подумай, погадай, может, что-нибудь надумаешь.

– Мы в угадайку играем?

– Ко мне какие претензии? Меня наняли, я все, что дол-

жен был, сделал. Моя миссия на этом заканчивается, – Мэдоку встал с дивана и, покачиваясь, пошел к кухне.

– А ты разве не должен будешь доставить меня в руки нанимателю?

– Зачем? Ты знаешь, кто он, ты у него под колпаком, так что сбежать уже никуда не сможешь. Да и к тому же, он даже более могущественный, чем я.

– И что? Настолько он страшный, что я должна буду поверить твоим словам?

Он удивленно на меня глянул. Я с нетерпением ждала, когда он уже закончит эту бутылку с молоком.

– В этом часть моей работы. Ты сама к нему придешь, не важно, заставит тебя кто-то или нет, сама ты придешь, или привезут тебя.

Я резко встала с дивана.

– Я сегодня хочу перекраситься и мне нужен выпрямлятель волос.

Мэдоку изменился в лице.

– С чего вдруг?

– Не спрашивай меня, просто хочу. Еще я хочу кожу как у японок – белую и гладкую.

Он смотрел на меня с подозрением секунд 10, пытаясь что-то разглядеть в чертах лица и глазах.

– Тебе денег дать?

– Желательно. Я не знаю, как это происходит.

– А я откуда знать должен? – спросил он с еще большим

подозрением из другой комнаты.

– Ты же дольше в человеческой среде живешь, должен же ты знать, как все это устроено.

– Я женщиной был всего три раза, и один из них – революционерка. Как ты думаешь, имею я хоть малейшее представление о том, как устроен мир женщин? – Мэдоку вернулся и протянул мне плотную стопку голубых купюр, среди которых виднелось несколько рыжих.

– Не знаю. Походи со мной хотя бы по магазинам?..

Он лишь фыркнул и ушел делать кофе. Я взяла его ноутбук и нашла хорошие салоны, где занимаются окрашиванием волос.

– Тебе тут не все на окрашивание, там и на косметику должно хватить. Пересадка кожи на 20 тысяч не выйдет.

– Само собой. А как глаза узкими сделать?

– У пластического хирурга. Я не понимаю, зачем тебе это, ты же вампир, можешь в любой момент стать тем, кем захочешь.

– Пока я в мире людей – это невозможно.

– А кто тебя может потерять? Кроме Марины друзей у тебя нет, с Гавриловым все понятно, документы можно переделать.

– Тебе денег жалко?

– Нет, твои волосы и кожу. Учитывая то, что ты приняла физическое тело, все процедуры будут очень токсичными.

– Загнию? – посмеялась я.

– Ты же медик, сама должна знать. Да, загниешь, но не так скоро.

– Так я и человеком не успела стать окончательно.

Мэдоку отстраненно пожал плечами. У него был такой вид, будто бы он вообще никакого отношения ко мне не имеет, и ему на меня наплевать. Я знала, что это не так.

– Ничего не хочешь мне сказать?

– Нет, не особо, – сказал он и закурил, обычно я бы все поняла и отстала, но в этот раз это погоня за ответами, вопросами, и существованием.

Я подошла и забрала у него сигарету.

– И все-таки, что могло заставить тебя так поменять свое обо мне мнение и перевернуть все с ног на голову?

Он выдохнул в последний раз и с очень серьезным видом посмотрел себе на ноги. Создавалось впечатление молодого подростка, который еще не взрослый, но испытываемый судьбой, и пытающийся что-то из себя рисовать и строить.

– Гаврилов сказал, что после выполнения миссии мы, скорее всего, больше не увидимся, а если и увидимся, то он меня после этого убьет.

– Гаврилов? Чего это он такой в себе уверенный?

– А ты в себе почему? Ты же не знаешь, кто он *на самом деле*.

– А что это поменяет?

– Узнаешь – поймешь. Тебе совсем после этого не захочется на него идти.

– Я чувствую огромное «но».

Мэдоку смирил меня серьезным взглядом, уже не принадлежащим подростку, а, скорее, демону. Настоящему, знающему свое место.

– Нет никакого «но». Я, да и он тоже, просто делаем свое дело. Ничего личного, никаких фантазий! Никаких мыслей и размышлений! – он вышел в коридор, словно опьяненный сигаретным дымом. – Думать тут должна только ты. Думай, иначе мы пропали.

Больше он из комнаты не вышел. Я не знаю, что он там делал, над чем думал сам, но я не видела его до вечера. Я думала весь день, пока была в кафе, на экскурсии в Эрмитаже, в увядающей березовой роще, сквере, душе. Я думала, пока лежала и мельком чувствовала, как меняется мое лицо и выпрямляются волосы, а кожа становится более нежной и гладкой. Я думала о Гаврилове, о его появлении в моей жизни, пыталась увидеть связь в каждой мелочи, затронувшей мою жизнь. Пыталась обдумывать смерти моих друзей. Если у обоих из них был суицид, то, вполне возможно, спровоцированный, если он все же к этому причастен. Если и так, если наниматель Гаврилов, если все это было подстроено, и в итоге я должна буду забрать душу, ради которой я ему нужна, то кто он? Это человек, который точно знаком с Мэдоку, вряд ли демоны станут выполнять приказы направо и налево. Он хорошо меня знает, но если он еще и догадывается, что я равнодушна к Мэдоку, то дела очень плохи. В лучшем

случае это сталкер, следивший за мной на протяжении всего времени, читал мои записки, знает мои самые сокровенные секреты, знает, во сколько я встаю по пятницам, какой покупаю кофе и какой фирмой зубной щетки пользуюсь на протяжении 7-ми последних лет, это сам бог, сама я, тот, кто знает меня лучше, чем я сама. В худшем случае – это кто-то из моей семьи. Меньше всего на свете мне сейчас хотелось видеть кого-нибудь из своего семейства.

Я постучалась в дверь комнаты Мэдоку. Он сам ее открыл, спустя несколько секунд.

– Что расскажешь?

– Я хочу сыграть с тобой в викторину.

Он еле удержался от смеха.

– Чего ты ржешь? Кстати, как тебе мое новое лицо?

– Пойдет, – на самом деле ему очень нравилось. – Что там про викторину?

– Мне кажется, я начинаю догадываться о том, кто твой наниматель.

Мэдоку сел за письменный стол и закинул ногу на ногу.

– Жги.

– Отвечай только «да» и «нет». Первый вопрос. Суицид Алисы и ее знакомого был спровоцирован?

– Нет.

Я остолбенела.

– Нет? – переспросила я.

– Нет.

– Ладно, второй вопрос. Ты давно знаком с Гавриловым?

– Нет.

– А с тем, что он *на самом деле*?

– Да.

– Воот. Я знаю *это*?

– Да.

– Гаврилов не человек?

– Да.

– Вампир?

– Да.

– Черт...

– Да.

Я строго на него посмотрела.

– Дальше я не буду спрашивать. Можешь на следующие вопросы отвечать полностью. Алису повесили?

– Да. Убили и повесили.

– С тем было то же самое?

– Да. И сделал это один человек.

– Человек? Так он человек.

– Да, ты же не почувствовала в Гаврилове вампира, он уже нашел себе хорошую душонку и следует ей.

– Значит, Гаврилов давно в моей жизни.

– Дольше, чем ты думаешь. Мне не нравится это разделение между Данилом Сергеевичем и его вампирской сущностью, он с тех пор не особо изменился.

– Ладно. А зачем я ему?

– Я тебе говорил. У одного из ферзей большой игры отказывает физическое тело, да и на деле ему больше пяти сотен лет, он устал, и ищет подходящий сосуд для своей души. Ты ее присутствия почти не заметишь, но зато он не отправится в ад.

– А есть причина?

– Он не самый хороший человек, и родословная у него гаденькая.

– Тоже демон или вампир?

– Без разницы, умрет он все равно.

– И на мне никак не отразится?

– Нет, абсолютно. Проблемы могут быть лишь если кто-то попробует насильно отобрать у тебя его душу.

В этом предложении мне не понравилось каждое слово.

– А такое возможно?

– Я ни разу свидетелем не был, но чисто в теории – да.

– Зачем?

– Потому что это вкусно, – сказал он так, будто признавался, что сам этим грешит, – а отбирать души у нежити – великое мастерство, которого вампиры и демоны добиваются и учатся столетиями, и просто так они его в землю зарывать не будут.

– Понятно, – я вдруг вспомнила, что завтра пятница. – А что там про день рождения?

– А, точно, завтра с утра нужно будет заехать и забрать платье, я сделаю это сам, тебя она не признает, и в шесть у

нас праздник в загородном доме.

Я вздохнула.

– Опять эти загородные дома.

– Нет, это действительно богатые люди, они даже не вампиры и не демоны, а вот их ребенок... ты когда увидишь, все поймешь.

– Он опасен?

– Нисколько, он пятилетний ребенок, божий одуванчик, ангел воплоти, хоть и с демонической кровью.

Я подумала.

– Демоны выбирают себе родителей?

– Да, выбирают. Но бывает такое, что они ошибаются.

Вернее, получают не того, чего хотят. К примеру, забираешь ты зародыш ребенка семьи бизнесменов, думаешь, что эти люди дадут тебе все деньги мира, города, страны, ты даже не ждешь от них внимания, а потом оказывается, что они ждали от тебя заоблачных результатов, чтобы передать компанию тебе в руки. Или бывают такие неожиданности, как хронические наследственные заболевания. Это можно решить, а вот внебрачных детей, внезапные разводы, или набор генов скрытого убийцы, который из троих детей раскроется именно в тебе!.. вот это действительно страшно.

– Почему?

– Потому что я не планировал быть убийцей, когда приходил в мир людей, но убивал. Не каждый раз, но промахи были, и иногда очень существенные.

– А как насчет кругов ада? – перебила я его. – Говорят, суицидники проходят одно и то же по кругу, пока не переборят себя?

– Да, такое действительно есть. В одной из жизней я совершил суицид сразу после убийства, и меня тут же забросило в альтернативную ситуацию. Я не знаю, почему это распространяется на демонов, по идее не должно.

– Демоны правят грехами?

– Нет. Может быть, какие-нибудь другие. Честно, я уже не знаю. Может быть, я давно уже не демон. Может, я просто потерявшийся недочеловек?

– Это слишком сложно.

– Мы живем в то время, когда разделения между нежитью стали боле расплывчатыми, появились смеси, в том числе и с человеческой кровью.

– Опасная это игра.

– Да, очень опасная. Поэтому мы должны оставаться теми, кто мы есть.

– Средневековыми книжными червями?

– Не только. Люди сейчас освободили себя от обязанности продолжать род, нам такого допускать нельзя.

– Как?

– Я был членом одного секретного общества в 1923-ем году, оказалось, это общество короля Варлена девятого, помнишь его?

Как не помнить? Из моей жизни он исчез только тогда, ко-

гда ему удалось вывести меня до таких чертей, что я мстила ему еще несколько десятилетий после пришествия на Землю. Отвратительнейший тип, пусть и король, в моей семье считали его самым умным из вампиров, я же его просто ненавидела целиком и полностью, гнобила так, как умела, а когда он начал отвечать на это тем же, мне пришлось обращаться к более серьезным методам.

– После убийства его сына я надеюсь никогда больше его не увидеть.

Мэдоку усмехнулся.

– Я когда узнал, я не поверил. Я всегда думал, что ты милая и пушистая.

– Я никогда такой не была.

– Впечатление из писем Клода было совсем иное.

– Он писал про меня? – удивилась я.

– Да, и еще как.

Клоду не нравилась любая моя заинтересованность в Мэдоку, он был ужасно ревнив и иногда не давал мне читать его письма. Он знал, что Мэдоку может составить ему конкуренцию, и боялся этого. Да, боялся.

– Твой брат – это, конечно, нечто, – сказал он так задумчиво и с недовольным тоном, помрачнев.

– Давно ты его видел?

– Нет.

Как гром среди ясного неба. Я сидела и молчала. Мне не хотелось думать о том, что он где-то поблизости, где-то ря-

дом и знает каждый мой шаг. Он – страшный кошмар, неосызаемый, я не хочу о нем вспоминать, я боюсь этого. Боюсь, как огня, я не знаю, чего ждать.

– Ты будешь со мной?

– Конечно, – ответ последовал неожиданно быстро, он даже не задумывался. Я знала, что это не легкомыслие.

– Почему?

– Потому что это очень опасно. Если бы об этом знал хоть кто-нибудь не из золотого окружения Гаврилова, ему бы давно вручили кубок за самый извращенный метод добычи со-суда для чужой души.

– А зачем ему это? Вряд ли он стал бы делать это даже лучшему другу.

– Не стал бы, – уверенно подтвердил Мэдоку. – Я не знаю, что ему могли пообещать взамен, в последнее время он немногословен.

– А был?

– Для целостности картины не хватает всего одной частички пазла, он есть у тебя, но ты не хочешь его озвучить. Когда ты это поймешь, все вопросы сразу растворятся и все встанет на свои места.

– А чем это может кончиться?

– Для тебя? Для тебя только хорошо.

– А для тебя?

– А что я? Я и не из таких ситуаций выходил.

– Но с моим родством ты дело не имел.

– Ошибаешься. Это не в первый раз. Я знаю, что делать в таких случаях.

Пока что я не знала, что меня пугает, но, чтобы понять это, мне нужно было столкнуться с проблемой лицом к лицу, попробовать ее на вкус и только потом убедиться, что для меня это действительно является проблемой, которую я сама же себе и создала.

13

Утро задалось прохладным, пришлось одеваться лучше и добираться на машине. Я рассматривала брошюры, завалявшиеся у Мэдоку в бардачке, беззаботно подпевая неизвестной американской песне, идущей фоном в машине.

– Ты чего такой задумчивый? – спросила я невзначай, пытаясь говорить естественно.

– О предстоящем празднике думаю.

– Все так сложно?

– Ну, да. Это будет серьезное мероприятие, на котором будет только три представителя похитителей душ того времени.

– Кто из семейки этим занимается?

– А ты как думаешь? Сын.

– А что значит «того времени»?

– Новомодных вампиров и демонов там не будет.

– С этого момента поподробнее, – я нашла жвачку, говорят, у них нет срока годности. – Что за новомодные вампиры?

– Семьи, образовавшиеся и родившие детей среди людей. Была пара, показавшая сущность своего ребенка миру и школе, все трое в психиатрической клинике. Так что это дело очень тонкое, просто чтобы ты понимала.

– Я-то понимаю.

– Вампиры и демоны сейчас крайне безрассудны, к этому относится и смешивание крови.

– Насколько я помню, нежити редко нравились себе подобные, но женились они всегда на своих.

– Правильно ты помнишь, а сейчас контролировать их некому, вот и творят всякую фигню.

Некоторое время мы ехали молча. От Мэдоку чувствовалось напряжение, но я не спешила отвечать тем же.

– А какая особенность у этого... ребенка?

– Возможность переносить мышечную память в другие тела. Вряд ли ты о нем слышала.

– Нет, не слышала. То есть, попроси его приготовить шоколадный фонтан по рецепту 19-го века, он его с закрытыми глазами сделает?

– Да, но только сейчас он старается не шокировать родителей, да и в 5 лет многого не сможешь: для готовки сил много надо, для танцев в том числе, с детским телом это нелегко, языки тем более.

– Как все сложно, – сказала я с неподдельным удивлением.

– Кстати, у тебя есть туфли?

– Есть те, которые подарила Агата, черные на шпильке и какие-то из Англии, мне привозили.

– Вот их и наденешь.

– Хорошо. А лицо придется красить?

– Ты никому так не скажи, – посмеялся Мэдоку, – что-нибудь очень легкое, веки не крась, или можешь темные круги

под глазами нарисовать, но это необязательно. Если будешь делать румяна, то делай это свеклой.

– Свеклой?! – воскликнула я.

– Да, так девушки на Руси делали. Все должно быть естественно.

– Хорошо, накрашу глаза углем.

– Молодец, уловила суть.

Мэдоку вернулся от швеи с красиво запакованным в чистый белый кусок бумаги и перевязанным коричневой лентой платьем. Сочетая в себе охровый, нежно-бежевый, в тени становящийся каким-то серо-бежевым, чистый коричневый, кофейный, цвета на платье не повторялись, каждый элемент имел свой цвет, не считая основного – молочного. Все было обшито сияющим на солнце дорогим бисером, но так искусно, что и бисером не назовешь – золотом, не меньше.

– И даже без корсета?

– Там есть вроде бы какой-то тряпичный.

– Блин, как не вовремя я решила внешность сменить.

– Да, слоновая кость подошла бы лучше. Если по фигуре не подойдет, затынем в некоторых местах, может, и без корсета сядет нормально. Ты сколько лет корсетов не надевала?

– Лет сорок.

– Сорок лет... подумать только. Выпьем кофе?

– Конечно.

С утра я ничего не ела, поэтому заказала себе десерт «Красный бархат», потом еще тирамису, но страшно в нем

разочаровалась.

– Я все хотел спросить, – Мэдоку редко убирал волосы с лица, ему нравилось, когда они мешали, или он просто обозначал, когда хотел завести серьезный разговор, убирая их. Он специально сел так, чтобы солнце поблескивало у него лице и жмурило, я этого не понимала, ведь зимнее солнце совсем не греет, – на момент ухода брата тебе было 15 лет. Как это было?

Я оторопела от такого наглого вопроса.

– Ты имеешь ввиду, как долго я страдала?

Я не помню, что думала тогда, я просто помню боль, которую приходилось переживать, шрамы одиночества, саднящие и по сей день раны от ухода главного и любимого наставника по жизни... я не думала о Клоде, тогда уже не было смысла, я пыталась справиться с собой, и по итогу это сделало меня черствой, сухой, и грубой до взрыва мозга. В то время из моей жизни и ушли положительные чувства.

– Нет, какую революцию это произвело у тебя в голове?

Я прекрасно знала, о чем он говорит, и видела, что он явно хочет меня слушать, судя по хорошему расположению духа, хоть и не акцентировал.

– Большую. Я тогда поняла, что верить не стоит никому, и всегда нужно быть готовым к худшему.

– Зачем так жить?

Я пожала плечами.

– Я не знаю, это мазохизм, это очень тяжело, осознавать

и думать о том, что все хорошее в твоей жизни может кончиться в любой момент, особенно когда ты этого не ждешь. Но иначе боль будет еще страшнее. Ситуации в жизни бывают разные, и каждый относится ко всему по-разному. Каждый сам для себя решает, над чем убиваться и как страдать. В целом, можно жить и без этого, но это непросто. Нужна большая работа над собой, стальные нервы... а людям хочется просто жить, и ничего больше.

Я не так хорошо помнила Клода, чтобы о нем говорить, я старалась его забыть.

– Ты пошла бы на любовь еще раз? – спросил Мэдоку.

– Думаю, да. Если оно того стоит.

– Как это?

– Если это будет взаимно, плодотворно, перспективно.

Нельзя же просто любить того, с кем у тебя нет будущего.

– А ты этого боишься? Того, что кто-то не оправдает твоих ожиданий?

– Да, почти. Если я что-то планирую, то у меня должна быть гарантия на то, что это случится, иначе я места себе не найду.

– Нельзя так жить, Кэс! Нельзя все время жить будущим.

– Может, мне еще надежду не иметь? – я начинала злиться, но, когда увидела обреченность в лице Мэдоку, и гораздо более серьезную, чем он хотел показать, я немного остыла.

– Нет, я не это имел в виду. Просто не строй планов и живи настоящим.

– Я вроде так и живу.

– Дай обещание, – он пристально на меня посмотрел, и тут я поняла, к чему он клонит, и задумалась.

– Насколько серьезные планы у тебя на сегодняшний вечер? – наконец, спросила я.

– Очень серьезные.

Вечером стало еще холоднее. Мне дали чудом завалившуюся в шкаф дубленку, чтобы все выглядело эстетично, и нам предстоял не менее утомляющий и долгий путь. Я все думала над тем, к чему меня все это время готовил Мэдоку, я знала, к чему, к тому, что ничего у нас не получится, раз его наниматель так против этого, но должен же быть выход. Хотя, если Гаврилов – это скрывающийся под лживой маской член моей семьи, то дела обстоят гораздо труднее, чем можно себе представить.

– Не хочешь сейчас мне все сказать? – спросила я.

– А ты готова? – ответил он.

– Надо же рано или поздно об этом заговорить.

Он тяжело вздохнул.

– Когда я узнал, что буду иметь дело с тобой, я думал, что-нибудь из этого выйдет, из нашего с тобой общения. Я всегда знал, что нужен тебе, и что ты не откажешься от возможности начать строить свои грандиозные планы на жизнь. Я бы тоже не отказался, но тут видишь какая штука: Гаврилов не хочет, чтобы мы были вместе, он по-прежнему силен, по-прежнему могуществен, и идти против его правил мне очень

не хочется, но может оказаться так, что и ты ввязываешься в это дело, и это может быть опасным для тебя. Я все это время не знал, как тебе сказать, что он против.

– А ты сам-то не против? – перебила я.

– Как я могу быть против? Я за, но ты знаешь, как это будет сложно.

– Ну и что? Если ты не можешь, давай я его убью и нет проблем.

– Кассандра, ты готова пойти против своего брата?

Сомнений не осталось.

– Это Клод?

– Да.

Мир не рухнул, но на его руинах закричали голодные грифы, и, захлопав крыльями, унеслись в краснеющий закат. Я долго молчала, пытаюсь придумать ответ поостроумней, чем сухое «и что же нам делать?»

– Как я после этого могу не идти против брата, который пытается сломать мне жизнь, зная, что я буду страдать? – сказала я со злобной дрожью в голосе, едва не ломая себе пальцы.

– Это очень большой риск. Для начала нужно понять, чего хочет он, потом уже делать выводы.

– Ему нужно, чтобы я все время была рядом с ним, чтобы везде и всюду была как на поводке, но я этого не хочу!

– То есть, ты считаешь, со мной свободы у тебя будет больше?

– Не только это, ты мне хотя бы не противен.

Лицо Мэдоку не выражало ни спокойствия, ни согласия, в общем, он был недоволен мной. Он поймет, что я права, и остынет, я в этом уверена.

Когда мы остановились около большого, засвеченного изнутри теплыми домашними огнями дома, Мэдоку достал с заднего сиденья сверток, от которого исходила сильная темная энергия. По форме это напоминало книгу.

– Что это?

– Подарок их ребенку. Мужа зовут Виктор Геннадьевич, жену Евгения Павловна, их ребенок Платон, но, если ты его назовешь так, он не побоится и плюнет тебе в лицо, поэтому зови его Такаги.

– Что-то знакомое.

– Был такой род демонов, если ты застала тот момент, когда они начали выпускать книги, то должна их помнить.

– Да, я вспомнила.

Дома было тепло, шумели гости. Царила больная атмосфера современной роскоши и, как всегда, лживого 19-го века вперемешку. Всюду были расставлены ароматические свечи, дом был оформлен модно, но вряд ли кто-то здесь стремился передать холод и страдания тех лет. Из гостиной слышался детский залихватский смех. Встречать нас, видимо, никто не спешил. Роскошные дамы в открытых платьях взирали свысока, побалтывая в бокалах дрянное вино, под их взглядами я чувствовала себя неудобно. Пока темноволо-

сая мать с пышно наклепленными ресницами что-то увлеченно обсуждала с подругами, рыжеволосый милый мальчик в шортиках из шелка доламывал и без того уродливую игрушку, яростно долбя ее о твердый пол. Мэдоку протащил меня через весь зал к бородатому накаченному мужчине, впечатление о нем с самого начала сложилось не самое лучшее, было видно, как придирчив он к своему внешнему виду, как педантичен, и какое состояние вкладывает в то, чтобы каждый день выглядеть блестяще, не меньше.

– Виктор! – изобразил радость Мэдоку, тот даже ему не улыбнулся, хоть и вышел из толпы. – Страшно рад тебя видеть! Платоша так подрос, – мы втроем перевели взгляд на убивающего игрушку о ламинат ангелочка, – что говорит психолог?

– Сказал, придется еще походить, – с досадой ответил мужчина, – но состояние уже улучшается. Платон! Иди, поздоровайся с дядей Валерой.

Ребенок поднял светящийся взгляд, мгновенно забыл о разбитом самосвале, и бросился к Мэдоку, тут же усаживаясь ему на руки.

– Кстати, это Чжуй Фу, приехала учиться играть на виолончели из Китая, – кивнул он на меня, я обреченно стояла и прижимала книгу, что уже буквально выбивала энергетикой мне сердце из груди. – Совсем не понимает по-русски.

Мужчина пожал мне руку, я поздоровалась так хорошо и правдоподобно, как только умела.

– Мы пойдем с Платошей, откроем подарок.

– Хорошо.

Платон спрыгнул с рук Мэдоку и побежал вперед нас. Его комната была идеалом детского уголка, всюду стояли развивающие книжки, дорогие игрушки, рамки с фотографиями подрастающего ребенка, и многое другое. Как только дверь за мной закрылась, он скинул туфли и забрался на кровать. Лицо его стало уставшим, насколько это было возможно в теле ребенка, и измученным. Мэдоку сел напротив.

– Я так от них устал, они такие душные, – наконец, сказал Такаги, и положил подушку в виде солнца себе под голову. Я села за маленький столик. – А мне с ними ведь еще весь вечер тусоваться.

– В таком возрасте вообще проблем не должно быть.

– По твоей логике у меня их еще лет 15 не должно быть? – он перевел на меня взгляд. – Ты, ты не китаянка.

– Само собой нет, – ответила я.

Он заинтересованно сел, скрестив ноги.

– Тогда я угадаю. Ты вампир?

– Да.

– Эпохи Мигуке?

– Варлена.

– Ах, ну да, ну да... я был близок. Тогда ты, должно быть, Кассандра Эванс, легенда из рассказов Мэдоку.

– Возможно.

– Я так много в свое время о тебе выслушал, – я видела,

как загорается Мэдоку, и замирает сердце, – убить был готов. Но, вижу, он ни капли не соврал.

Он след с кровати и подошел ко мне.

– Мийохара Такаги, к Вашим услугам, – он поклонился и сел напротив, – Мэдоку предупредил, что вы приедете с вопросами, хотелось бы обсудить все с вами побыстрее, или по крайней мере узнать суть проблемы, скоро привезут пиццу и торт, а я уговорил Женьку взять мне яблоки в карамели. Сначала я хочу увидеть *ее*. – Он уставился на книгу. – Пожалуйста.

Я отдала. Он с нетерпением разорвал бумагу и загоревшимися глазками взглянул на старинный переплет.

– Она самая! Мэдоку, я буду на тебя молиться, – воскликнул Такаги и сунул ее под кровать. – Теперь у нас есть достаточно времени, я слушаю.

Мэдоку рассказал все вкратце, рыжеволосый светящийся при свете луны и светильников ребенок с белой кожей внимательно слушал его, в секунды из веселящегося существа ставший воплощением задумчивости и глубоких мыслей.

Дослушав нас обоих, он сделал еще более озадаченный вид, потер лицо, будто бы великовозрастный мужчина с частой бородой, и ответил серьезным тоном:

– Иди вниз, мне нужно будет кое-что с ней обсудить.

Мэдоку кивнул и немедленно поднялся с места.

– Только попробуй мозги промыть, – сказал он сквозь зубы, прикрывая дверь.

Такаги повернулся ко мне, упираясь локтями в столик с названиями животных и регионов страны.

– К сожалению, я знаком с твоим братом, я с самого начала понял, что Мэдоку не просто так ко мне обратился, нас двоих связывают, скажем, не самые хорошие отношения с Клодом, и раз уж ты решила вступить в игру, то ты должна понимать, что если ты с Мэдоку, то идешь против не только своей родной крови, но и против одного из самых могущественных и способных существ за последние девять поколений. Это не твой брат, в его руках ты сильное оружие, возможно, наемник, он собрал вокруг себя знакомых и создал мафию, до каждого человека в любой точке мира он имеет доступ и в любой момент может кого-нибудь ликвидировать. Я сбежал от него не так давно, и у меня были большущие проблемы, мирового масштаба, я бы сказал.

– Чем сильнее потеря, тем злее он, – покивала я, – я это знаю.

– Из всего этого я понял, что у него портятся отношения с Мэдоку, это очень плохо. Если вы думаете, что сможете сбежать и бороться с этим, то я тебя разочарую, бороться вечно ты не сможешь. Ты знаешь, в чем проблема смешивания крови? Один из пары вскоре умирает, а второй не может найти замены. Я уже не говорю о потомстве, страдающем из-за всевозможных мутаций и потере одного из родителей. Это очень плохая вещь, Кассандра. Я, возможно, лезу куда не надо, но я буду краток. Я понимаю твои намеренья, и все,

что ты задумаешь, поддержит Мэдоку, но это не навсегда, он умрет, а ты останешься. Какого будет жить после такого?

– Тяжело.

– Правильно. Это будет невыносимо сложно, я не говорю, и ни в коем случае не отговариваю, я знаю, что ты имеешь особенность к хладнокровию и равнодушию, но, чтобы почувствовать весь сектор чувств, ты будешь готова к возобновлению поедания душ, я правильно понимаю?

– Возможно, ты прав, но разве новая техника с оставлением душ не работает на это?

– Нет, у тебя просто будет возможность сделать оправданный грех, и стать приманкой для старых вампиров. Возможно, через время найдется способ безопасной и счастливой жизни у вампиров и демонов, и у вас есть все шансы, но зная Клода, и притом, зная то, как он близко к нам, – он вздохнул, – очень опасную игру затеял Мэдоку, конечно, но выбора нет, я помогу.

– Как?

– Если понадобится, – уточнил Такаги. – То есть, в ближайшее время у нас царит неизвестность, я настойчиво тебе рекомендую делать все так, как говорит Клод, иначе проблем будет вдвое больше.

Он не успел договорить, хотел сказать что-то еще, но вдруг снизу раздался лай и рычание собак в три голоса.

– Кстати, я забыл собак, – спустя пару секунд произнес Такаги, – в доме живут три взрослых ротвейлера, а Мэдоку

совсем не переносит собак, или они его.

Я встала.

– Да сядь, он разберется, не маленький, – спокойно ответил ребенок, – в конце концов, там взрослые есть.

Вечер затягивался, Мэдоку почти не пил, только в тех случаях, когда пробовал алкоголь и отдавал мне.

– Vodka? – спрашивала я с глупым лицом каждый раз, когда он протягивал мне бокал. Он улыбался, отвечал, что это не водка, и говорил пить. В последний раз он выругался на меня на демоническом так, что даже Такаги обернулся и посмотрел на нас через толпу взрослых.

На небе стала появляться россыпь звезд, собаки смиренно лежали около входа, изредка поднимая голову. На балконе было холодно, мне дали норковую шубу, я изобразила восторг, но как только мы вышли, я ее сняла – гадкая дешевка.

– Ну как? – закуривая, спросил Мэдоку.

Я пожала плечами.

– Пока нормально. Меня впечатлил разговор с Такаги.

– Он умеет. Что он тебе сказал?

– Да так, подытожил, – отмахнулась я.

– Ну ладно.

Он долго молчал, а потом спросил:

– Ты искренне беспокоишься за наше будущее, или это лишь иллюзия?

Это был крайне нелегкий вопрос, мне было сложно думать и анализировать, что я чувствую и думаю. Создавалось

чувство, что я пятнадцатилетний подросток, впервые встретивший настолько же трепещущую душу. Думать в теории было глупо, нужно было думать о себе как о индивидуальности, а я этого не умела.

– Да? – с вопросом к самой себе ответила я.

Я боялась, что Мэдоку начнет нервничать и злиться, но он выбросил окурок и обнял меня.

– Я понимаю, как тебе тяжело, и даже если ты не сможешь меня любить так сильно, как хотела бы, я все равно тебя буду держать.

Ему было нелегко это сказать, еще бы! На морозе, под крошкой звезд на зимнем декабрьском небе, он впервые признавался в любви, о которой поколения писали поэты, а у меня впервые в жизни жгло лицо и трепетало сердце. Наконец-то живое.

Началась новогодняя неделя, на лицах осчастливленных людей виднелся морозный румянец, на ресницах прилипли снежинки, неделя началась с жуткого снегопада, из машины выйти было страшно. Мэдоку с самого утра заявил, что как только он выпьет дневную дозу кофе, нам предстоит нелегкий тур по магазинам, в поиске подарков для близких друзей.

– Сколько у тебя таких близких друзей? – спросила я, как только вышла из подъезда и мне в лицо прилетел комок снежинок с неба.

– Не много, – ответил он, и в углу мелькнула фарами легко заснеженная машина, – главное для Лоры найти что-нибудь толковое.

– Что за Лора? – нарочито пискляво спросила я.

– Ты ее знаешь.

Я задумалась.

– Мы уже где-то встречались?

– Да, но почти не общались. Я знаю ее дольше, чем Гаврилова, но она моя близкая подруга. Она настолько близкая, что знает, какой чай я люблю пить в июле, когда идет дождь, и в комнате пахнет сирень...

Я фыркнула, и тут же получила неприятный тычок между ребер.

– А что она предпочитает? – спросила я уже в машине.

– Ее желания очень трудно угадать, мне это еще не удавалось, но она любит очень нестандартные вещи, лучше бы исторические, или те, про историю которых она будет слушать часами. Вот, например, ей бы понравилась какая-нибудь из картин твоей мертвой художницы – она человек искусства – и к тому же помешана на странностях, – у меня кольнуло сердце. Я совсем забыла, что в моей жизни были люди, о дружбе с которыми я забыла так скоро и обесценила все то, что они делали для меня совершенно искренне. Меня скорее волновало это, моя неблагодарность, чем то, что их больше нет. «Все рано или поздно исчезает, – говорила мне мать, – лишь твои страдания будут вечны, с такими грехами в нормальной жизни делать нечего... особенно такому ребенку, как ты» Я всегда была для них позором. Девочкой со странностями.

– Поищешь? – голос Мэдоку вырвал меня из раздумий.

– Да.

Меня вдруг так потянуло тошнить от всего, что происходило в моей жизни. Такое странное осознание, чужая мысль о том, что раньше я жила лучше, лживая, я знала. Мне как будто нравилось ничего не чувствовать, быть гордой и самолюбивой, отрезать всех, кого не лень, упиваться во вкусной крови, радоваться поиску теплых душ, чувствовать от этого азарт. Такое ощущение, будто казалось, что чувства делают меня слабой, но оно проходящее, я, несомненно, справлюсь,

но исчезнуть захотелось чертовски.

– Дай денег.

– Сколько?

– Мне надо сначала в антикварный магазин, потом в библиотеку.

– В антикварном магазине тебе не расскажут всей истории предмета, а если она будет лживой, это будет страшнейшая оплошность, считай, для Лоры ты умер, а из библиотеки книги воровать просто плохо.

Я снова фыркнула.

– Еще раз так сделаешь, никуда не поедешь.

– Напугал!

Мэдоку помрачнел.

– Кассандра, если ты такая смелая и решительная, то позволь тебя просветить в то, что тебя ждет, если ты останешься со мной. Я демон третьего ранга, после меня следует король и председатель ада, помимо того, я наемник, на минуточку, с пятидесятилетним стажем, я убивал и доставлял и не таких вертких, как ты, проводил и не таких умных, как Клод, губил и не таких хитрых, как Эванс, если я захочу, я свергну архангела и сяду на трон, – самым интересным было то, что он говорит правду, и я все это прекрасно знала, – я не просто виолончелист с демонической мощью под кожей и в костях, я имею доступ к пятидесяти измерениям, не принимающим философию и порядки этого мира. Не то что порядки, там тебе попусту физическое тело и умение мыслить

не надо. Так вот, к чему я это: после того, как мы разберемся с Клодом, вернее, разозлим его, от тебя будет требоваться полное послушание и понимание важности каждого моего действия, чтобы быть женой демона мало иметь клыки и крылья, нужно понимать мои действия на три шага вперед, чтобы не приносить жертв. Ты должна думать в унисон со мной, и быть правой рукой. Пока ты еще не вкусила сладость жизни с родной душой, я тебя предупреждаю – придется поработать. Это сложно, но весело страсть!

Я вжалась в кресло и смотрела на проносящиеся мимо машины. Мэдоку водит ужасно, и всегда в сантиметре от смерти... не его, конечно же.

– Как-то быстро ты на жену съехал, – наконец сказала я, с пересохшим горлом.

– А у тебя были другие планы? – приснул он.

– Не думаю.

– Мыслить в унисон, помнишь, – посмотрел он на меня, и коснулся виска концом пальца.

Меня аж затрясло.

– Кстати, пока не забыл, у нас встреча в четверг, достаточно важная, нужно платье.

– Какое?

– Чем больше открытых мест, тем лучше, – я еле сдержалась, чтобы снова не фыркнуть.

– Не объяснишь, с чего вдруг такие требования?

– Ну, просто сбор ценителей, кхм, демонов и вампиров

высшего ранга. К тому же встреча при поддержке главного модельера эпохи Микуге.

Я кивнула.

– А что я там буду делать?

– Ну, ты приглашена на дефиле в качестве зрителя. Это большая привилегия.

– Даже не по благу?

– Да, впервые в жизни тебя заметили не из-за имени. Понимаешь, мероприятие устроено Лорой, а Лора сшила тебе платье.

Тогда я поняла, почему они так общались и почему это необычная женщина.

День прошел нудно и снежно, будто бы в тумане, не помогли те три чашки кофе, которые я выпила в полдень и после 4-х. Домой мы вернулись поздно и без денег. Мэдоку включил какой-то мексиканский утопический сериал и уснул первый, а я не могла сомкнуть глаз, и пошевелиться, чтобы хотя бы сделать себе кофе.

Часам в четырем я вернулась в свою комнату. Холодная постель, как и ожидалось, так и оставалась нетронутой, полумрак и полная луна освещала хаотично валяющиеся вещи в комнате. Они, разбросанные в каком-то непонятном порыве то ли страсти, то ли эмоций, фальшивых, совершенно неискренних, кружились мертво по комнате, кружа голову и заставляя сознание волноваться. Я бы не волновалась, если бы интуитивно не замечала в них странные отголоски, чем-то

смахивающие на *отклики души*, что в принципе было невозможно. Я включила свет. Конечно же, это был самообман. Я села на кровать, и осознала, что настолько завралась самой себе, что душа во мне стала появляться из неоткуда, а может, я в обмане до сих пор, и никакой души у меня нет, и я просто вижу, что хочу. Самым отвратительным в этом во всем было то, что я обманывала себя в чувствах, и я не знала, искренне ли это. Может, за все время я научилась обманывать себя настолько, что дошла до того, что убедила себя в том, что люблю. Как говорил Клод, все проблемы идут из головы. Когда он отрекся от семьи, а я впала в апатию, его слова стали лишь ярче и понятней для всей семьи. Не стану упоминать, как родители убивались от того, что их ребенок так бессовестно покинул родительский дом, но на это у них сил хватило, а я еще раз напомню, что от силы души жертвы зависят эмоции **ВСЕГО СЕМЕЙСТВА** и дома. Клод страшно облажался. Возможно, если бы не его выходка, я бы сейчас тут не копалась в себе.

Фраза «копалась в себе» представлялась мне чем-то иным, чем посиделками у психолога с разборками в своем детстве. Чтобы копаться в себе, нужно как минимум разрыть могилу не одного человека, голыми руками, не жалея белой вампирской идеальной кожи, не думая ни о чем другом, кроме как найти наконец ответ на самый главный вопрос: зачем я? Почему именно я? Кто я такой?

Об этом не писалось в книгах, но вампирам никогда не

понять, кто они такие. Хотя все могилы перерой, хоть Гоголя с того света вытащи, такова их кара. Демоны – могут, вампиры – ни за что. Они всего лишь хладнокровные убийцы, злые и высокомерные, гонящиеся за лакомствами грешного мира, ни на что кроме добычи сладких душ не способные. Другое дело демоны. Совершенные противоположности.

Утром Мэдоку ходил мрачный. Я не решалась спросить.

– Угадай что? – спросил он, наконец-то сев напротив, и уткнувшись взглядом в столешницу.

Я попыталась залезть ему в голову.

– Клод звонил?

– Нет, Лора. Ей пришла угроза, в виде десяти вооруженных людей в черных плащах с одинаковыми нашивками, и сказали, что если Гаврилов не будет внесен в список уважаемых гостей, ее ждут очень большие неприятности.

Я опустила голову.

– Он решил все сделать сам?

– Да. Ему нужна ты. И он тебя получит.

– Как?

– Не знаю. Время еще есть. Если он попытается со своими людьми завалить Лоре дефиле, то тогда проблемы будут у него, – он залпом допил приторный кофе, встал, прошел пару шагов и остановился прямо возле меня, – и причем с теми людьми, *существами*, от которых отделаться не могут они сами. Оденься, съездим к Лоре, у нее сегодня выходной.

На улице падал снег. Мэдоку решил ехать на метро.

– А ты мрачнее тучи, – разливая из фарфорового сервиза полупрозрачный ароматный чай, заметила Лора, поглядывая на Мэдоку. Моя чашка по-прежнему пустовала. Девушка, если прославленного модельера эпохи Микуге можно было так назвать, сидела на подлокотнике широкого ярко-оранжевого дивана, прижимая к груди колени, ее волосы наскоро были завязаны в пучок карандашом, не расчесанные с вечера, на плечах болталась вязанная своими руками растянутая кофта в полоску. Квартира не представляла собой ничего особенного, но было много старых вещей, вещей из других миров, энергетика которых приукрашивала комнату, если сосредоточиться.

– Можно мне тоже чая? – слабо спросила я, будто боясь нарушить тишину.

Она моментально перевела меня загоревшиеся желтым глаза, мигая поочередно то правым, то левым.

– Извиняюсь, не знала, что пьют сейчас отпрыски высших вампирских поколений.

Она налила, я не обижалась, но было страшно.

– Сам-то прикол в том, – продолжала она, – что они не знают, кто я такая, – Лора залилась кошмарным залиvistым смехом, что отбился от голых стен зловещим гоготом, – решились запугать!

Мэдоку повернулся ко мне влоборота с чашкой в руке.

– Лора относится к тем существам, которыми ей угрожает Клод: и не демон, и не вампир, и душа есть, но бессмертен,

и могуществен, и пользоваться не спешит в полную силу.

– Поняла.

– Ребятки Клода пугают меня больше, чем те, кто может действительно поставить меня на место.

– Чем? Они же бестолковые.

– Ты один из них, не следует об этом забывать, – она ткнула в него аккуратненькой серебряной ложкой, – просто для меня Орден Созвездия Морганы очень предсказуемая шайка друзей со школьной скамьи, а отбросы Клода имеют довольно непредсказуемую и извращенную фантазию, которая может придумать мне глубокие проблемы, на решение которых я потеряю свое драгоценное время.

– Ты бессмертна, о каком времени может идти речь.

– Ты тоже, но твоей жизни рано или поздно придет конец, и такой, как она, у тебя уже не будет, и ты наслаждаешься каждым ее днем. Так же и я, я пользуюсь мгновением, потому что другого случая не будет.

Она допила чай и встала. Раздвинула ширму, на манекене посредине висело пышное открытое платье. По реакции Мэдоку можно было понять, что это не иначе как *шедевр*.

– Вашему вниманию *«молочная утренняя пенка в качестве подъюбника, крылья бабочки сверху и трехслойная сырая английская вафля для большей пышности...»*

– А верх?

– *«Кокосовый взрыв, мягкий зефир и офисная бумага».*

– И как это называется?

– Я не думала долго и назвала «Завтрак у Мартовского кролика».

Я встала и подошла ближе. От платья пахло сахарной ватой и настолько приторно, что наворачивались слезы. Жесткий каркас из мастики обвивали паутинки из карамели, держащие на себе россыпь белого, словно хрустального сахара. Платье было крайне непрактичным, мне жаль ту модель, которой предстоит в этом выйти.

– А наденет кто?

Лора фыркнула.

– Я, кто еще. Думаешь, я доверила бы теплокровным вампирам надевать свои творения из легко тающих материалов?

Если так подумать, теплу в ее теле взяться неоткуда, но, тем не менее, в моем-то тоже.

– Точно, – Мэдоку понимающе кивнул.

От бесед с Лорой он устал еще больше, хотя вряд ли он ехал и надеялся, что она чем-то его обнадежит.

– Я ждала большего, – наконец сказала я.

– Я тоже, – со вздохом ответил он.

Мэдоку от всего устал. У него не было сил думать, потому что думал он слишком много. Близился четверг, а за ним и пятница. Вечером в среду он заявил, что лучше бы остался дома и провел это время со мной, чем ходить и улыбаться нежити, о которой он, не скрывая, не высокого мнения.

Но четверг, каким бы нежеланным он не был, настал. И начался он весьма непредсказуемо.

Хотя считала так одна я. Когда Мэдоку утром разбудил телефонный звонок от одного из неприятнейших типов, изумление в его голосе совсем не было. Он разговаривал так, будто это он ставит условие, а не Клод, как будто бы он позволил в семь утра и ставит перед фактом, что сегодня хочет жертву при всех.

– Не пойму, зачем я ему? – спросила я абсолютно будничным тоном, завязывая волосы в хвост, и поняла, что могла сказать лишнего, и это разозлило бы Мэдоку, но он стерпел.

– Все для того же, – прозвучал ответ, – хотя он вроде аферист еще тот, – он вздохнул, – ненавижу людей, которым не могу влезть в голову.

– Сделать кофе?

– Да.

Обычно после крепкого без молока Мэдоку становился в разы энергичней, но в этот раз он уснул. Стал таким уязвимым, словно не успевший долететь до окна крупный снег, внезапно сдутый ветром. Снег валил и падал на крыши домов на фоне черного неба. С многоэтажки близко к центру виднелись новогодние огни города. Он закипал и просыпался. Было 30 декабря.

Наверное, новогоднее настроение – это то уникальное чувство, ради которого стоило бы продать душу и фамилию,

ведь это единственный раз в году, когда ты веришь в чудо, чувствуешь его присутствие, искренне рад, и даже когда разочарован, тебе наплевать, но это останется. Мэдоку говорил, что это нормально, если нет новогоднего настроения. Зачастую даже у людей его нет вплоть до боя курантов. Новый год нужно отмечать с правильными людьми, и тогда не будет никаких проблем. О новогоднем чуде ему думать не приходилось, было очень сложно понять, чего он хотел и о чем думал. Спросить я не решалась.

Я огляделась вокруг. С последнего разговора в машине я поняла, что подчиниться Мэдоку я должна и в уборке, поэтому клала на место вещь я только туда, откуда она только что упала, или если это говорил сделать мне Мэдоку. До стола непривычно длинной рукой я взяла книгу в глянцевой обложке, судя по всему, подарок от самого автора. И да, на первой же странице оказалась выведенная надпись с росписью. Между страниц выпал календарик на 2016 год, наверное, он был закладкой. Я пролистала страницы, это была датская фантастика.

– «Пародия на искусство», – я вздрогнула от внезапного звука.

– А?

Мэдоку сел рядом.

– Название книги. Это подарок автора, дочери одного из ребят, что со мной учились.

– И даже без печальных концовок?

– Да. Девочка лишь думает, что уникальна, смерти такие не нужны.

– Но ты это читаешь.

– Уже как шесть лет. Нашел недавно, решил продолжить. Он оперся на мое плечо и забрал книгу. Пролистал до половины.

– А где закладка? – я показала календарь, он многозначительно хмыкнул. – Значит, я могу ее не дочитывать, или начать потом заново.

– Что мешало тебе сделать это раньше?

Он пожал плечами.

– Принципы. Читал как в тумане, не думал даже, что читаю.

– А продолжал тоже из принципа?

– Да.

– И часто ты из принципа действуешь?

– Когда это по-человечески. Когда Клод не прав, я отпускаю жертву, из принципа. Или, когда мне ее жалко и я вижу перспективу в ее глазах, или, когда смерти она не нужна... часто довольно таки, если дело касается работы.

– И все-таки, на кого ты работаешь?

Пару минут он не реагировал и думал.

– На себя и на предков. Я – честный убийца, а не кто-то там. Это дело чести и совести, а не выгоды и денег. Думаешь, мне за это платят? Это скорее... искупление, что ли?.. Да. Избавление от угрызений совести, очищение в глазах самого

себя. Нелегко же жить, когда сам знаешь, кто ты такой.

– А от чего ты очищаешься?

Через секунду-две он заинтересованно хмыкнул.

– Хороший вопрос. Я думаю, от навязанных грехов, в которых меня убедили вампиры. У каждого своя цель, мы как-то не интересуемся приоритетами других, и не общаемся внутри наемников и мафии.

– Если они навязанные, зачем от них избавляться?

– Они уже есть, я в это поверил, от этого никуда не денешься. Самовнушение – знаешь ли – самая страшная паутина, выкарабкаться из нее очень непросто.

– А что с этим делать?

– Борься, – он пожал плечами, – смиришься – будешь съеден, остается только съесть и переварить.

– И... забыть?

– Может быть, тут уже сам решаешь, надо ли тебе забывать.

– А есть варианты?

– Конечно. Когда ты это пережил, оглядываясь назад, лишь смеешься.

– Потому что в настоящем у тебя более серьезные проблемы?

Мэдоку подумал, замерев.

– Да.

После еще одной чашки кофе Мэдоку стал вальяжно ходить по квартире, и на каждый мой вопрос что он ищет и

могу ли я чем-нибудь помочь, он лишь мотал медленно головой и отвечал, что найдет все сам.

– Напомни, во сколько нас ждут? – спросила я.

– К пяти, в 4 нужно выйти.

На часах было 12.

– Черт... я совсем забыл, ты подумала насчет подарка Лоре?

– Да.

Я сходила в свою комнату и вернулась со спичечным коробком.

– Это кокон в вишне. Он раскроется через две тысячи лет, по закону временного заклинания, и две бабочки, жившие и слышавшие все вокруг, расскажут мою историю и Клода.

– Как ты это сделала? – Мэдоку взял у меня его из рук, рассматривая четко прорисованных мотылей в образе нимф на крышке коробка.

– Есть вещи, чтобы найти которые, мне стоит лишь назвать свое имя. Они привязаны ко мне.

– И Монолиция?

– Это семейный образ, а не мой.

– Но тебя-то она любит больше всех.

Монолиция – равновесие, она будет преследовать тебя столько, сколько ты будешь этого достоин. Если ты перестал слышать шелест ее крыльев за окном по ночам, значит, ты что-то делаешь не так.

– У тебя она подлинная, и ты ее выбрала, а это значит, ты

ее подчинила.

– Так не бывает, она просто легенда.

– Люди верят в легенды, и они становятся явью. Просто прими то, что никогда не станешь любимицей семьи, потому что их главный идол выбрал тебя. Чье внимание они пытались заслужить веками, а ты просто играла с ней как с подругой.

Монолиция не была для меня чем-то особенным, но в сквере перед университетом, незадолго до ухода Серова, я рисовала не божество, а подругу.

Спустя еще час раздумий и походов, Мэдоду нашел широкий в плечах и свободный для него пиджак, смятые только в коленях брюки, гладить он их не будет, и явно не новую, а века так из 19-го, белую рубашку. Покопавшись еще в вещах, он достал дорогие наручные часы, клеймо, подаренное Клодом, массивный регулирующийся кулон с мизерной осой из черного камня, залитую в янтарь, несколько колец, одно он дал мне, сначала я думала, что оно покажет, что я принадлежу ему, он Мэдоду сказал, что это бред, но ему это нравится, а на самом деле кольцо обладало нечеловеческой силой, при правильно воздействие способной убить все вокруг кроме самого носителя, или наоборот.

– Я выживу?

– Конечно, его носил мой прадед, оно почти не действует, к тому же, ты Эванс.

Сам он надел одно узкое с тремя едва уловимо перелива-

ющимися камнями, и второе просто железное.

– Почему?

– Потому что минималист.

– Это хоть по этикету?

– Возможно. Не то что бы меня это волновало, сама понимаешь. По кольцам принято определять, стоит ли спорить с человеком, или нет, и где ты его еще можешь увидеть. Я не стилига и не авторитетная личность, я – мафиози, – гордо произнес он, вертясь перед зеркалом. – Давай я введу тебя в курс дела, – он сел рядом со мной на диван, словно мать, собирающаяся рассказать дочери-подростку какую-то важную вещь о ее возрасте, – Гаврилова там не будет, там будет Клод Эванс, и будет он там не один, а с несколькими сопровождающими, у них будут висеть пушки, но это только для виду, они не заряжены. Но ситуацию это не облегчает. В 80% случаев Клод чинно подойдет и начнет разговор с какой-нибудь малозанимательной фигни, и ты должна будешь вести себя абсолютно естественно, если он почувствует страх, он начнет действовать. Дальше он или назначит новую встречу, или захочет кончить все прямо там, я все же надеюсь на первое, в любом случае, я увильну от второго. Но есть маловероятный шанс того, что он начнет издалека, то есть, закатит шоу. Как – каждый раз по-разному. И я уверен, будь это не ты, он бы воспользовался легким методом, но дело серьезное, чего ждать непонятно. Теперь запомни несколько правил: от меня ты не отходишь, если попытаются отвести – разрешаю

плевать огнем, всегда слушаешься меня, каждое мое слово, каждый мой знак, даже если я не прав, ты делаешь то, что я говорю. Советую не засматриваться на гостей, тем более на их украшения, отвечаешь всем коротко и кротко, и старайся не отрезать, это может кого-нибудь разозлить (я его убью, конечно, но Лоре это вряд ли понравится). Есть вопросы?

– Сейчас нет, но если появятся?

– Можешь задавать, не боясь. Твои родители научили тебя всему, что нужно. Сейчас этот навык пригодится тебе как никогда.

– Хорошо, у меня вопрос.

– Какой?

– В чем я пойду?

Мэдоку загадочно улыбнулся.

– На этот вопрос тебе ответит тот, от кого ты ожидаешь этого меньше всего.

Через какое-то весьма туманное время минутная стрелка указала на без пятнадцати 4. Ничего не объяснив, Мэдоку привел меня в ту кофейню, из которой совсем недавно вывел травинку, с благодарностью сына владельца. Увидев Мэдоку в костюме, он поставил на свое место девушку, и кивнул головой на служебное помещение.

– Это та же? – с подозрением глянул он на меня.

– Та же, – ответил Мэдоку, – Кэс, это самый приближенный к теме нежити и их сообществу человек в Питере, Павел Шель, ему можно доверять. Павел, это наследница семьи

Эванс, Кассандра.

– Признателен, – сухо ответил человек и достал из чемодана вакуумный пакет, – пришлось пожертвовать местом, чтобы вместились платье. «Вий» герцогини Роузес эпохи Скьюмана.

– Новизна-то какая! – восхитился Мэдоку.

– Тем и привлекательно, что сядет удачно на любой тип фигуры, подстраивается под тело.

Мэдоку вскрыл пакет и упаковку вмиг раздуло, из тонкого надреза повалил какой-то воздушный нежный черный материал.

– Надевай, – он кинул мне пакет.

– Здесь? – помещение было далеко не просторным.

– Я пока сделаю кофе, – Павел ушел.

Мэдоку вопросительно на меня посмотрел.

– Знаешь, как это ощущается?

– Давно ты специалист в ощущениях?

Я усмехнулась.

– Что делать с прической?

– У тебя неподобные волосы, не грей голову, а то выпадать начнут.

В платье было комфортно, несмотря на то, что оно было весьма открытым. Сверху все было бархатным, снизу пышнее, туфли на низком каблуке делали меня на пару сантиметров ниже Мэдоку, чтобы он не комплексовал.

Через 15 минут Павел вернулся с двумя чашками кофе.

– Сколько? – спросил Мэдоку.

– Как обычно – тысяча.

От подозрительно разрастающейся дырки в полу веяло холодом. Мэдоку курил, а мне было не до смеха. Он вскинул взгляд на часы, многозначительно хмыкнул, и, оторвав меня от стены, притянул к себе.

– Да начнется шоу!

Падать было не глубоко, и не долго. Удивительнейшим образом аккуратно приземлившись на ноги, тело приняло вес, и платье легко опустилось на вычищенный до блеска пол.

Пространство, заполненное светом, невероятным лоском, и богатством, было заполнено шорохом потрясающих нарядов высокопоставленных господ и их дам, ароматами, отрывающимися откуда-то из глубокого детства – наконец-то настоящие духи! Тонко пахло пуншем и многообразием конфет, их мало кто пробовал, но как только мы подошли к столу, я сразу взяла несколько в кокосовой посыпке и запила пуншем.

Резкий поворот головы с аккуратной прилизанной прической, и пронзительный взгляд утыкается в Мэдоку. Господин дожидается легкого кивка и кидается прочь от толпы. Если все присутствующие из кожи вон лезли показать свое превосходство и вальяжность, этот человек плевал на общество. На нем был темно-коричневый костюм и зеленый галстук в желтую полоску, волосы были аккуратно уложены в

прическу, концы подогнуты к лицу. Он с горящими глазами подскочил к Мэдоку, но не успел он открыть рот, как Мэдоку начал:

– Это граф Мухамура Анго, знакомы с моего детства, к шайке недоразвитых отношения не имеет, но работает исключительно на себя, и делает это весьма успешно, – прошептал он мне на ухо. – Доверять ему можно на 90%.

– Мое почтение, миледи! – Анго схватил мою руку и поцеловал, совершенно не подмечая кольца на пальце. Он был слишком крут для этого, для таких колец.

– Такой огонь у тебя в глазах можно видеть только после грандиозного убийства, и не факт, что в каком-нибудь типичном измерение.

– Верно замечено, но весьма лестно, – он оперся о стол, несмотря на высокий рост. – Я был осведомлен, что вечер будет украшен Эванс, но чтобы несколькими...

Мэдоку напрягся.

– Ты разучился считать?

– Был бы этому искренне рад. Если повезет – узнаешь. Я не буду распространяться, хоть мы и друзья, но это может напугать твою спутницу, – Анго внимательно смотрел на Мэдоку, отпивая из бокала с пушнем. Потом взял зефир, откусил, сморщился, и отошел.

Парень подошел к механическому псу, опаснейшему из существ этого измерения, протянул зефир, и животное с невероятно любящими глазами взяло подарок, который, по

факту, должен как минимум вывести его из строя.

Мэдоку был в пространстве, хотя вида не подавал. Анго вернулся к нам, выискивая на столе новые сладости.

– Жаль тебя разочаровывать, – сказал он будничным тоном, – но, если бы я не сказал, ты бы не узнал.

– Но как?

– Все очень просто, произошло смешивание крови.

– Вот черт... чего еще можно было ожидать от Эванс, – выплюнул Мэдоку.

Анго глянул на меня, будто бы убедиться, не готовлюсь ли я его убить.

– А как это помешает делу? – спросила я.

– Пока не знаю, но теперь предсказать развитие вечера будет еще сложнее. Если это новость и для Клода, то все несколько проще.

– Уверен, что да, – ответил Анго, – он хоть и силен сейчас, но по-прежнему глуп.

– «По-прежнему»? – спросила я.

– Еще как. Главное, не скажи ему так.

– Я его сестра, – процедила я.

Анго вытянулся, взглянул за меня, я чувствовала спиной, как меня сверлят взглядом.

От этого взгляда кровь стынет в жилах. Руки дрожат, язык становится как наждачка. Желание убить возрастает вдвое и забивает разум.

– Тихо, – усмирительно сжали мне руку.

– Пожалуй, я буду сегодня с вами, – Анго широчайше мне улыбнулся, – не лишать же столь прекрасную особу своего присутствия.

– Будешь ходить по пятам – получишь первый пулю в лоб.

– Только после того, как назовешь любой повод кроме ревности.

Думаю, раньше они были не разлей вода, тем более, если общаются с детства. Просто, когда речь заходит о том, чем дорожит Мэдоку, у него срывает крышу.

Всюду Мухамура кидался комплиментами, разрешал себе указывать на украшения дам, разговаривать с людьми так, будто видел их в сотый раз. Все это граничило с расположением под себя общества и подготовкой массы для чего-то масштабного, а может и не массы, а каждого по отдельности. Мухамура Анго – своеобразный чеширский кот, выбирающий себе друзей сам. У Мэдоку не было няни, и он просто нашел в нем что-то родное, иначе так бы не бегал вокруг него. Он не был ни демоном, ни вампиром, его даже нельзя было назвать похитителем душ, он все делал сам: от постройки образа души до внешнего вида и повадок. Кстати, о душе. Душа соблазнительно пахла мужеством, и мужским одеколоном, как не странно, только выглаженной одеждой и чистотой, немного гарью. Внешне я сравнила бы ее с не до конца ограненным черным камнем дикой породы, но весьма благородной. Чем больше я за ним наблюдала, тем больше он мне нравился. Его привычки в общение с людьми, надолго

он с ними не задерживался, зато как очаровывал!.. молодые девушки еще долго будут вспоминать поднятую им перчатку, или пару комплиментов о чудесном (ворованном) ожерелье.

Постепенно мы продвигались все медленнее, Мэдоку будто чувствовал, что ждет нас у входа во второй зал. И Анго это знал, он тоже нервничал.

Внезапно передо мной пробежал светлый комок счастья, летевший и визжащий на весь зал «МАМА». Анго, недолго думая, подхватил девчонку и усадил к себе на руки.

– Привет, малышка, где твоя мама? – добродушно улыбаясь, спросил он.

– Я не знаю, – более спокойно, но слезно ответила девочка, утирая голубые глаза со светлыми ресницами.

– Давай ее поищем? Как тебя зовут?

– Виктория, – донеслось до моих ушей из-за спины.

Я посмотрела на Мэдоку, он осторожно кивнул.

– Это твоя племянница.

– Само собой не сестра.

Свет притухал. Вскоре люстры погасли, остались только свечи. Сверху, подобно ручью журчал стеклянный потолок. Во втором зале было много зеркал, некоторые из них были уже состарившиеся. Посреди большого вытянутого зала стоял продолговатый стол с белой скатертью, я сразу поняла, что это подиум, судя по тому, что он был пустой и вокруг него были расставлены музейные стулья. Музейные, не иначе, на реставрированные они не были похожи, и винтажными

их было сложно назвать. Они очень портили эстетический вид, хотя вряд ли это кого-то интересовало. Разве что заядлых эстетов, не думающих ни о чем кроме общего вида.

Свет приглушили, звуки стихли, все расселись по местам. На ряду за нами послышались громкие шорохи. Я встревожено посмотрела на Мэдоку. Не успел он ответить, как над ухом словно гром тихо загремели ругательства знакомым голосом.

– Анго нашел место поближе.

Анго не прекращал материться на какого-то «обнаглевшего сноба», отгоняя его этим все дальше. Потом он успокоился, и облокотился о наши два впереди стоящих стула, и положил подбородок на руки.

– Нашел мать?

– Да.

– Кто?

– Я всех Эванс поименно знать должен? Кареглазая блондинка, руки как ветки, под глазами темно и зубы белющие.

– Это Скарлет, – ответила я.

– Чего это она замуж вышла? – удивился Мэдоку.

– Это должно глубоко уходить в кодекс или правила об отношениях старшего ребенка и родителей. Она всегда требовала от себя больше, чем могла, хотя для родителей она была средним ребенком.

Ею гордились гости, но мама думала, что первый ребенок всегда должен быть совершенен.

– А можно про кодекс поподробней?

Пока выходили первые модели в не особо примечательных платьях, я рассказывала Анго про то, как ребенок должен относиться к родителям и родители к нему, все правила, тонкости, и особенности. Он внимательно слушал, и, когда я закончила, ненадолго замолчал.

– Фамилия Сакахара говорит о чем-нибудь?

Мэдоку, как только это услышал, скривился, помрачнел и съежился.

– Только не говори, что она с ним ребенка родила?

– Мерзко. Да, это был их ребенок.

Они встретились взглядами, метаящими искры в разные стороны. Мэдоку болезненно закатил глаза.

– Просто пообещай, что мы украдем этого ребенка.

– Что может быть приятнее, чем вспомнить старое. Кассандра нам поможет?

– Конечно, поможет.

Они оба перевели взгляд на меня, а я засмотрелась на платье из сахарной ваты.

– Поможет, – подтвердила я.

– Ну вот, отлично.

В зале витал сладковатый аромат, смешивающийся с духами, и становящийся агрессивно-приторным, что нос щипало. Несмотря на это, платья впечатляли меня нестандартностью, где-то неотъемлемой простотой, где-то особой дерзостью. Самым потрясающим было то, что все наряды, пусть

иногда не совпадающие по смыслу и мысли друг с другом, идеально сочетались и разбавляли друг друга. Все было уравновешено от порядка выходящих моделей и до высоты каблука. Не было сильного контраста, следовавшие по очереди костюмы завершали предыдущий, доводили до основной мысли, или спокойно переводили тему, аккуратно переключая на другое. Сознание буквально погрузилось в сладкую и манящую обстановку, забирающего тебя самого, доставляя великое удовольствие и расслабляя полностью.

Последней, как и обещалось, вышла Лора. На ней платье сидело еще лучше, все-таки, правильная модель дополнит любое платье и сделает его лучше в сотню раз, а не наоборот. Красота или есть, или ее нет, ничего тут уже не поделаешь. Впереди нее следовало несколько железных псов на поводке из бриллиантовой цепочки.

– Я думала, они сторожевые?

– Не совсем, они как украшение хозяина, – объяснил Мэдоку, – прямое доказательство того, что у тебя железный характер и ты умеешь владеть собой и собакой.

– Хм, а часто они хозяев загрызают?

– Только когда хозяева этого хотят. Это программа, не живой организм, оно будет слушаться тебя и подстраиваться. Компьютер, в общем.

Когда все кончилось, вышли модельеры, произнесли короткую речь, и гости, как сонные мухи, отправились в третий зал.

Лора болтала без умолку, а ей все подливали и подливали. Мэдоку слушал ее и разговаривал, не замечая ничего вокруг. Меня больше волновал вопрос, нет ли у нее более важных знакомых и друзей, а то сидит здесь, и уходить не собирается.

Посреди разговора Мэдоку внезапно вспомнил, что я здесь, все еще жива, в сознании, и никем не украдена. Он повернулся, начал:

– Как тебе вино?

Отвратительно. Последняя гадость, которую я пила. Тухлятина, да еще и горчит.

– Ничего такое.

...само собой, я не могла перечить. План есть план, послушание – второе имя, жена демона, как никак.

Между тем, я начала замечать на себе долгие взгляды. У Гаврилова, нет, теперь он только Клод. У Клода черным подведены глаза, пальцы в тяжелых перстнях, каждый обозначает *власть*, свита в черном, и лишь один он помечен красным галстуком. Его волосы, грубее, чем раньше, небрежно и хаотично лежат на голове, их он периодически поправляет – нервничает. На одном моменте меня посетила мысль: почему я его боюсь? Со мной же Мэдоку, Анго, и я знаю его как свои пять пальцев! Но потом поняла, что, если я не смогла предугадать его побег, я не могу говорить, что знаю

его. Черт. Мысли о доме, одиночестве и брате утянут меня на дно.

Плеча Мэдоку резко коснулась худая и мощная рука.

– Можно увести твою принцессу на пару слов?

– Да, но ты несешь за нее ответственность.

– Ты мне не доверяешь?

– Доверяю, и больше, чем себе.

Вот же черт.

Анго стрелял по всем глазами, дико озираясь, пока шел широкими шагами к выходу. Клод не двигался с места, ему открыли новую бутылку вина. Я боялась что-то спрашивать, выглядел Анго очень серьезно.

Из окна виднелась полная луна, а с ней еще две. Качались деревья, от реки пахло дымом. Это был первый этаж большого здания, из окна можно было дотянуться до куста и сорвать горсть лиловых ягод, походящих на виноград.

– Хочешь знать мои принципы? – спросил Анго.

– Да.

– Я ни от кого не зависим, даже если должен, я никогда не возвращаюсь туда, где уже был, и у меня нет цели в жизни. Все понятно?

– Пожалуй, кроме второго.

– То есть последнее тебя устраивает?

– Ну, хах, – я усмехнулась, опираясь на подоконник и скрещивая руки на груди, – ты весьма неоднозначная личность, примитивных вещей и решений от тебя ждать не при-

ходится.

– Ага, и почему Мэдоку тебя со мной отпустил ты уже догадываешься?

– Если честно, меня это даже чутка обидело.

– Я тебя обрадую, – за углом послышался визг скрипучих дверей в стиле не то Мэдоку, не то Клода – резко и не церемонясь, выкладывая весь свой гнев, – он мне хоть и доверяет больше, чем другим, но тебя бы никогда не доверил, никому на свете, – договорил он и за его спиной появились две фигуры, примерно похожие друг на друга.

– Поганое животное, – процедил грубым прокуренным голосом Клод, – какая мразь пустила тебя на такое важное закрытое собрание?

– Своим видом и свитой ты не объяснишь всей значимости мероприятия, – не оборачиваясь, ответил Анго, – вообще удивительно, что животное сегодня в зале было не одно.

– О-о да... – протянул он саркастично и до того противно, что ударить захотелось, – вас таких там как грязи.

Повисла пауза. Я слышала, как тихо вздохнул Анго. Мэдоку тихо трезвыми глазами бегал по ним двоим, готовясь принять удар от кого угодно.

– Слейся-ка по-хорошему, Мухамура, пока в окошко не вылетел, я хочу поговорить с родной кровью.

Я фыркнула.

По улыбке Анго можно было понять, что я это было равносильно команде «огонь!»

– Не называй свою поганую черную кровь родной с моей чистой и холодной.

Он изменился в лице.

– Так ты решила со мной разговаривать? Хорошо, будь по твоему. По-плохому так по-плохому.

– Болтаешь много.

Мэдоку прыснул.

– Вы как маленькие, честное слово. Эванс, говори своей сестре все, что надо, и пусть она занимается делом. Кстати, советую вам попросить друг у друга прощение, вряд ли вы где-нибудь еще увидите.

– Не понял, – остолбенел Клод, – ты страх потерял? Я же все тебе сказал.

– А я не согласен. Пусть сама выбирает, с кем ей лучше!

У Клода покраснели глаза. Было странно видеть его таким, и как в образе брата, и даже как благородного умного человека. Гаврилов умер для меня уже тогда, когда я поняла, кто в нем сидит. Даже жалко было.

Клод в мгновение ока замахнулся, но у Мэдоку хватило реакции удержать его руку от удара. Я, не задумываясь, ударила каблуком брата в берцовую часть ноги, и он согнулся пополам. Тут испугался даже Анго.

– Уходи, Мэдоку, – выговорил он, становясь между нами и Клодом. – Ну же!

– Анго, ты с ним не справишься.

– Сейчас договоришься и тебе прилетит.

Мэдоку схватил меня за руку и потащил за угол. Пока мы бежали по длинному коридору куда-то в темноту, с того места чувствовались сильные энергетические волны, тихое чтение заклинаний, потом я поняла, что они откликаются у меня в голове.

Мэдоку нашел в самом темном углу заколоченную кладовку, в мгновение он сломал пару досок, и в этот момент послышался выстрел.

– погоди, я первый, – он посмотрел на меня. – Идешь следом.

– Конечно.

И темнота поглотила его.

«Они там!» – закричали где-то вдалеке, я не стала мешкать, меня взял страх, и я ступила в темноту. В следующее мгновение меня поймали за юбку на краю черного небоскреба прямо около дороги. Я взвизгнула и подалась назад, хватаясь за пиджак Мэдоку.

– Что с ним будет? Он умрет?

– Нет, никогда! – он быстро закрыл портал и отвел меня от края. – Тебе сейчас придется немного поработать. Душа, которая должна будет перейти тебе, не продержится до утра.

– Черт...

– Да. Проведи с ней ночь Кассандра, ты достаточно умна, чтобы дать человеку умереть спокойно и с достоинством.

– Но ведь я же совсем не умею чувствовать, – из моих глаз брызнули горячие слезы.

– Умеешь. Если бы не умела, не рыдала бы тут.

– Я устала! Я не могу! Я не хочу! Я ничего не хочу.

Он вздохнул.

– Если я скажу тебе, что это ребенок, мальчик Серова, которого оставила мать и бросили все, кто мог, и для него не осталось ничего легче, чем умереть, а ты станешь ангелом для него, ты соберешь силы в кулак?

...он редко кашлял и что-то монотонно, почти не оставившаяся, печатал на ноутбуке, прижав колени к груди. Своим видом он пытался не быть человеком. Уставший от людских грехов и пороков, он пытался отдалиться от людей, сделать себя не таким, как были они, иначе как ещё можно было объяснить желание одеваться отстранённо, почти как взрослый, но как маленький ребёнок, игнорируя то, что он уже был девятиклассником...

Я прекрасно помнила Марка.

– Конечно, – я вытерла слезы. – Конечно, я помогу ему.

– Отлично. Онкологическая клиника №207, палата 12, разрешаю тебе войти в окно.

– А каким способом?

– А каким захочешь.

– Где ты будешь?

– Дома, не торопись ко мне.

– Хорошо.

Он поцеловал меня сухо, замерзшими губами, я тогда поняла, насколько мы рискуем.

Я обратилась мглой и устремилась в неизвестном направлении, поддаваясь ветру.

По голубой подушке были разбросаны золотистые волосы, играющие под светом луны, ярче, чем на солнце. Глаза были открыты, он в бессоннице, уныло мигал ими в темноту. Я осторожно постучала в стекло, ни капли не испугавшись, подросток поднял голову, и встал с постели.

«Здесь нет ручки», – прочитала я по губам. Тогда пришлось на секунду лишиться материальности.

На нем была больничная белая длинная рубашка, но какой бы широкой она не была, было видно, какой он худой.

– Марк?

– Да. Кассандра?

Я придвинула к себе табурет, и села перед ним.

– Как твой проект?

– А твой доклад?

Я улыбнулась.

– Непростой ты человек.

Он взял мои руки в свои худые, дрожащие, трепетно изучая каждое кольцо, костяшки, даже ногти.

– Кто дал тебе эти кольца?

– Мэдоку Симидзу.

– Знаю такого. Хороший парень.

Голубые озера поблекли с осени, стали просто уставшими морями.

– Почему ты в платье?

– Я была на... одном мероприятии.

Он кивнул.

– С Клодом, да?

– Ну да.

– Как все прошло?

– Могло бы и лучше.

Мальчик опустил глаза на мои запястья.

– Я виноват во всем, что произошло с тобой. Можешь обвинить меня во всем, что плохое произойдет сегодня.

– Нет, что ты, – я заглянула ему в глаза, – ты ни в чем не виноват, мне давно нужно было разобраться с братом, ничего не бывает зря. Мне не в чем тебя обвинять. Лучше скажи, чего ты хочешь вместо подарка на новый год.

Он улыбнулся.

– Я хочу только того, чтобы ты была счастлива, моя душа сделает тебя счастливой, пока ты не захочешь завершить свое существование, Кассандра. Скажи лучше, какое у тебя желание.

– Я хочу любить.

– Любить... – он поводил большим пальцем по моим ладоням, задумчиво глядя в окно. – Это довольно непростое чувство – любовь.

Чем это проявлялось? Никто толком не мог мне объяснить, почему. Может, потому что думали, что я настолько умна, чтобы понимать все без слов, или сами не знали, по-

чему именно. Вряд ли это был общий стереотип или неправильное убеждение, не похоже.

– Почему? – спросила я.

– Чтобы понять, что это любовь, нужно как следует помучаться, попутать с любовью. Когда я был влюблен в первый раз, я подал слишком много ложных надежд, пообещал родителям возлюбленной и самой девушке, что она никогда не будет несчастна, но потом понял, что никогда ее не полюблю.

– И что ты сделал?

– Мне пришлось ее убить. Ее родственники до самого последнего своего вдоха не знали, что убил ее я. Кстати, умерли они от горя. Она была самой красивой и благосклонной их дочерью, настоящим ангелом, самой прекрасной девушкой, что я встречал, но не любил.

– А кого же ты любил?

– Нестандартных девушек. Я встречал немало красивых особ, но меня всегда притягивали необычные, отличающиеся ото всех.

– А я тебя чем заинтересовала?

– Я сразу понял кто ты, и что свою душу смогу доверить только такой, как ты. В тебе великая сила, не скажу, что ты избранная, ты сама себя такой сделала. Не Клод, не семья, а сама ты. Что-то в тебе заиграло, когда нужно, и ты стала отличаться от других.

– Чем?

– Хотя бы истинной способностью любить и верить. Ты

способна жить с демонами и людьми, способна думать о других, тебе все это дается проще, чем другим вампирам. Я бы сказал, что тебе все будет доставаться по щелчку пальцев, если ты освоишь главное человеческое качество.

Он лукаво улыбнулся бледными губами, призрачно поблескивая под светом луны.

– Какое?

– Легкомыслие. Ты привыкла жить по правилам, если ты хоть раз доверишься судьбе и дашь себе волю, ты почувствуешь настоящие эмоции и чувства. Главное – не думать. Это, пожалуй, единственное, в чем ты не идеальна.

Он отошел и сел на кровать. Посидев секунду, он достал из тумбочки красное наливное яблоко, нож, и разрезал на несколько частей. Почти в темноте.

– Твой брат тоже не такой уж и сильный и могущественный. Если человек никого не боится, значит, за его спиной стоит кто-то тот, кого он боится до крови из глаз. Я тебе соврал. Я знаю тебя дольше, чем с первой встречи. Когда я понял, что умираю, мне пришлось собрать всех доступных наемников, среди ста восьмидесяти человек оказался Мэдоду. Он сказал, что будет работать лишь под началом нанимателя, и я согласился. Нанимателем оказался Клод, он, не раздумывая, предложил твою кандидатуру, сказав, что лучше тела нам не найти, я решил убедиться, это привело тебя к Серову, и его смерть, кстати, устроил Клод. И смерть твоих друзей. Все это нужно было для того, чтобы привести тебя

ко мне.

– Это все понятно, все тут думают только о себе...

Он перебил меня.

– Не скажи. Если моя душа отправится в ад, где ей место, то, скорее всего, она там свергнет короля, а это никому не надо. Так будет лучше для всех.

– Ради этого нужно было убивать невинных людей?

– Только ради этого? Подумай, как много нового ты осознала и приобрела после их смерти, ты наконец-то почувствовала боль, ты добилась чувств *мыслями*.

Меня прошибло на смех.

– Правильно Мэдоку говорил, никого не будет достойного меня, и такого же умного. Как бы тебя не боялись, ты так и не понял, что такое настоящие чувства. Чувства нельзя заработать и за них нельзя бороться – они либо есть, либо их нет. Мысли – это сильнейшее оружие человека и похитителя, но это в то же время и орудие для самоубийства. Мысли, желающие перерасти в чувства – мощнейший механизм самопоедания. О чем я, черт возьми, должна разговаривать с человеком, я даже не могу понять, кто ты, который думает, что чувства равносильны мыслям. Кто учил тебя этому?

– Бесчувствие, – он помрачнел и затух, – я так и не научился чувствовать. Я слишком глуп и низок, чтобы быть владельцем души.

– Ну что за драма!

– Прости.

– Не извиняйся. Теперь уже ничего с этим не сделаешь, мертвых не вернуть, да и... это не самая страшная смерть в моей жизни. Без них мир не остановится. Давай я дам тебе второй шанс: скажи, что я приобрела, потеряв друзей?

Этим я поставила его в тупик. Марк задумался.

– Откуда я знаю? Ты же их потеряла, а не я, – начал злиться он. – Ешь яблоко и молчи.

В 12 загрохотал фейерверк. Подросток сел на подоконник, и смотрел, пока в небе не погас последний сверкающий шар. Он еще долго, не проронив ни слова, смотрел на звезды, на сияющую Москву, качающиеся заснеженные ветви за окном. Он долго молчал и о чем-то думал.

Умер он у себя на больничной койке, на последок сказав мне лишь то, что времени я могу терять сколько угодно, у меня его вдоволь.

Домой я вернулась в шесть утра, опустошенной и замерзшей. Усталости я не чувствовала, внутри меня все бурлило и восхищалось. Мэдоку не было в квартире. Несколько раз он сбросил трубку, этого было достаточно, чтобы убедиться, что он жив. Скорее всего гоняет паршивый чай с Клодом за не менее раздражающими нервными разговорами.

Я переделалась и повесила платье. В моей голове не затихали голоса, душа подстраивалась и перебирала все мои воспоминания. Она никак не сопротивлялась, переходя ко мне. Она пахла чем-то неизвестным для меня, и разглагольствовать ароматами не спешила, это был запах и ощущения эпо-

хи за две до моего рождения, совершенно иной мир. Шепот постепенно стихал, тогда я и поняла, что хочу курить, и, скорее всего, буду, что это стало нормальным для меня. Многого теперь изменится, что-то привычное станет чужим, и то, до чего у меня еще не дошли руки войдет в быт и останется привычкой.

В семь хлопнула дверь. Я вышла. Мэдоку моей новой вредной привычке не обрадовался, хоть и не подал виду.

– Давно ты тут? – спросил он.

– С шести.

– Она в тебе?

– Типо того.

– Хм, почему так неуверенно?

– Напрягает, что теперь все будет с ног на голову.

– Просто будешь чаще колебаться в выборе пирожных к вечеру, а так нормально, – он прошел в кухню.

– Ты же шутишь, да?

– Нет, я тебя успокаиваю.

Я села рядом с ним на диван. Мэдоку забрал у меня сигарету и докурил.

– О чем ты разговаривал с Клодом?

– О тебе, о ком еще, – он был сильно напряжен, отвечал коротко, я сразу почувствовала подвох. – Мы пришли к согласию.

– Правда? К какому?

– Ну, нам помог Анго. Кто-то из людей Клода всадил ему

пулю в лоб, еще в поместье, и они открыли огонь.

– Вот черт... он же выжил?

– Ему придется долго восстанавливаться, но он жив. Как можно говорить о высшем существе нежити, что оно живо, по сути никак. Ни жив, ни мертв. Мертв скорее не Анго, а Клод.

Я обомлела.

– Как это случилось?

– В смысле, как нам это удалось? – с нажимом спросил Мэдоку. – Очень просто – помощь высшей силы, призванной гневом высшего существа. Анго не просто чувак с набором заклинаний в записной книжке, у него порой намеренья серьезней чем у тех, кто на него охотится.

– Сильно.

Мэдоку встал, походил по комнате, как тигр по клетке, и вдруг выдал.

– Он никогда тебя не любил, даже не пытался. Не стоит даже расстраиваться из-за него.

– Ясное дело, но он же дарил мне иногда хорошие воспоминания и впечатления.

– Это была иллюзия. Все, что было до смерти Марка, считай, иллюзия, жизнь начинается сейчас, и там, где будет свобода, страдания и боль.

– С чего вдруг? – недоверчиво спросила я.

– С того, что легко теперь не будет, но зато как интересно!

Мне было все равно. Так наплевать, как не было никогда,

но уже по-человечески.